

ГАМЛЕТЪ

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ В. Шекспира.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

М. ЗАГУЛЯЕВА.

Изданіе О. Стелловскаго Поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 20 Марта 1861 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИВАНУ СЕРГѢВИЧУ

ТУРГЕНЕВУ.

ГАМЛЕТЪ ШЕКСПИРА

и его переводы и переделки на Русскомъ языкѣ.

Нѣсколько словъ въ видѣ вступленія.

Въ наше время, критикѣ было бы странно доказывать мировое значеніе генія Шекспира и его произведеній. Объ этомъ предметѣ было столько говорено и писано, что все, могущее быть сказано здѣсь, было бы только повтореніемъ сказаннаго прежде, и показало бы, только развѣ одно добросовѣстное изученіе литературы того предмета, за который мы взялись. Предпосылая предлагаемую статью новому переводу «Гамлета», сдѣланному нами, мы имѣли въ виду другую цѣль. Мы хотѣли, во первыхъ, изложить наше личное мнѣніе о произведеніи великаго англійскаго драматурга, и сообщить читателямъ нѣкоторыя данныя и свѣдѣнія о попыткахъ сдѣланныхъ въ этомъ родѣ до насъ, полагая, что эти свѣдѣнія будутъ не лишены интереса для почитателей великаго произведенія Шекспира. Сколько мы знаемъ, никому еще до сихъ поръ не приходило въ голову, собрать въ одно цѣлое критическіе разборы этихъ попытокъ, сдѣланныхъ въ различное время, попытокъ, начатыхъ Сумароковымъ и кончившихся Кронебергомъ.

Положимъ, что нашей критики некогда, что ее занимаютъ другіе, болѣе важныя, по ея мнѣнію, вопросы, какъ наприимѣръ разборъ сочиненій Марка Вовчка; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что Шекспиръ и его «Гамлетъ» не стоятъ вниманія, и человѣку постороннему, чуждому литературныхъ партій, позволительно заняться такимъ вопросомъ *въ настоящее время*, каковъ разборъ «Гамлета...»

Мы это и дѣлаемъ, рискуя подвергнуться упреку въ перебиваніи изъ путаго въ порожнее, какъ называетъ критика извѣстной партіи, всякій вопросъ внѣ улучшенія быта крестьянъ, и судебныхъ и административныхъ реформъ.

Викторъ Гюго, въ одной изъ своихъ критическихъ статей, говоритъ про одно стихотвореніе Вольтера: «*Хорошенькіе стихи*, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но, признаюсь, я не люблю подобной поэзіи, по моему Гомеръ лучше!» (*).

Мы не будемъ такъ рѣзки въ нашемъ выраженіи, но скажемъ: «оно конечно Марко Вовчокъ и Щедринъ великіе писатели, но вѣдь и Шекспиръ мальчикъ не безъ таланта!»

Шутки и полемику въ сторону; мы такъ глубоко убѣждены въ мировомъ и вѣчномъ значеніи произведеній Шекспира, что вполне увѣрены въ своевременности нашей статьи, и смѣло начинаемъ наше дѣло.

Сущность генія Шекспира, — полное отсутствіе условности и литературныхъ приемовъ въ творествѣ, дѣлающее его произведенія вѣчно, юными, вѣчно, близкими сердцу развито-го человѣка. Объяснимъ нашу мысль.

Каждая эпоха нравственной жизни народовъ создаетъ для литературы особенныя формы и приемы, въ которыхъ, какъ въ оковахъ, быются, большею частью безуспѣшно, таланты и простое дарованіе, и которые смѣло разбиваетъ геній. Эти формы и условія, вытекаютъ обыкновенно изъ самой жизни народа, изъ его вкусовъ и стремленій, а главное, изъ степени его нравственнаго развитія. Произведенія людей, подчинившихся губительной опеке вкуса современной публики, могутъ имѣть блестящій успѣхъ среди этой публики, лести ея вкусамъ, поклоняясь ея требованіямъ, но успѣхъ этотъ обыкновенно не переживаетъ эпохи, которою вызвано направленіе автора, и насъ, людей другаго вѣка и возрѣвній, часто удивляетъ — чѣмъ заслужилъ такой-то и такой-то авторъ свою, по преданію сохранившуюся, славу?

За примѣрами ходить недалеко. «Энеида» Виргилія, «всвобожденный Иерусалимъ» Торквато Тассо «Орlando, Аріоста, вся псевдо-классическая литература Франціи (исключая Корнеля въ его «Сидѣ» и «Горацихъ») съ ея звѣздами первой величины: Расиномъ, Буало и Вольтеромъ (какъ трагикомъ), Понпе и Юнгъ у англичанъ, Камозенъ у Португальцевъ, наконецъ Державинъ, Дмитріевъ и Карамзинъ (какъ

бельетристъ) у насъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что сухи и безжизненны для другихъ, болѣе развитыхъ поколѣній, произведенія даже высоко-талантливыхъ писателей, если они, забывъ, что искусство вѣчно и свободно, подчинились требованіямъ современной публики и допустили отлиться своему дарованію, въ условную форму этихъ требованій, а не дали ему развиться свободно и полно.

Шекспиръ болѣе чѣмъ кто либо изъ современныхъ ему писателей свободенъ отъ подобнаго подчиненія; въ немъ, болѣе чѣмъ въ комъ либо, слѣдуетъ искать полной независимости и свободы творчества. Люди имъ изображаемые, не произведенія фантазіи, пересоздающей человѣчество на свою мѣрку, а фотографическіе снимки съ природы, вѣрные не только въ художественномъ, но даже, если такъ можно выразиться, въ фیزیологическомъ отношеніи.

Еслибы не было слишкомъ смѣло имѣть претензію вникать въ способъ творчества человѣка, жившаго за нѣсколько вѣковъ назадъ, мы бы сказали, основываясь на приѣмахъ Шекспира, что онъ создавалъ свои типы безъ всякой задней мысли обобщенія въ нихъ отвлеченныхъ понятій, въ противность Мольеру, у котораго мы видимъ именно этотъ приѣмъ. Создавая, напримѣръ, «Отелло» Шекспиръ вѣроятно не думалъ о типѣ ревнивца вообще, точно такъ же какъ въ «Гамлетѣ» не старался олицетворить идею сомнѣнія и нерѣшительности. Если эти созданія сдѣлались типами тѣхъ страстей и нравственныхъ аномалій, которыя изобразилъ въ нихъ авторъ какъ явленія частныя, присущія одной опредѣленной личности, то это произошло отъ той творческой силы обобщенія, которая есть удѣлъ генія, а никакъ не вслѣдствіе заранее заданной себѣ задней мысли. Лица созданныя Шекспиромъ, не только не олицетворенія отвлеченныхъ понятій, но даже и не идеалы; это люди со всѣми ихъ слабостями и недостатками, со всѣми особенностями своего личнаго развитія. Огромное знаніе, или вѣрнѣе *чутье* человѣческаго сердца и мыслей, всего лучше доказываютъ тѣ произведенія Шекспира, сюжеты которыхъ заимствованы имъ изъ древней исторіи. При весьма ограниченномъ знакомствѣ съ писателями древнихъ народовъ, при полномъ невѣжествѣ на счетъ ихъ нравовъ и обычаевъ, при какой-то странной беззаботности о малѣйшей исторической вѣрности, доходящей до того, что *Тезей* въ пьесѣ «Сонъ въ лѣтнюю ночь» упоминаетъ о *днѣ св.*

(*) De *jeûs vers sans doute. J'avoue cependant que j'ai peu desympathie pour cette espèce de poésie. J'aime mieux Homère.*

Victor Hugo. Litterature et philosophie mêlées, Oeuvres complètes, Paris, Eugène Renduel. 1834. page 81.

Валентина (!) (*) и что Брутъ въ своей ставкѣ (въ трагедіи Юлій Кесарь) вынимаетъ изъ кармана своего залата книгу (**), онъ; однакоже, воссоздаетъ историческіе типы, избранные имъ въ герои, съ поражающею вѣрностью. Его Коріоланъ, Юлій Кесарь, Брутъ, Антоній, Клеопатра, Аяксъ и другіе, очерчены до того вѣрно и мѣтко въ сущности ихъ характеровъ, что въ настоящее время, когда множество обширныхъ историческихъ трудовъ уяснили для насъ личности помянутыхъ историческихъ дѣятелей, мы останавливаемся пораженные нечеловѣческимъ прозрѣніемъ трагика, угадавшего то, что мы приобрѣли усиленнымъ трудомъ цѣлыхъ поколѣній ученыхъ дѣятелей по части исторіи и археологіи.

При этомъ огромномъ знаніи человѣческаго сердца, никто больше Шекспира не любилъ истинно, поэтическое и прекрасное, никто болѣе его не стремился къ красотѣ и изяществу человѣческой натуры. Стоить только вспомнить тѣ удивительные женскіе типы, которые оставилъ онъ намъ пользуясь свободой созданія, въ тѣхъ случаяхъ, когда самая концепція нѣкоторыхъ его произведеній позволяла ему это,—мы говоримъ о женскихъ лицахъ его неисторическихъ трагедій. Офелія, Дездемона, Юлія Капулетти, Корделія,—это такіе типы почти обоготворенной женственности, на созданіе которыхъ способенъ только величайшій гений.

Что же касается до самой манеры Шекспира, до его слога и неудобнаго для сценическихъ условий безпрерывнаго измѣненія мѣста дѣйствія, мы не станемъ, подобно Гизо, объяснять этихъ особенностей историческими условіями тогдашняго состоянія театровъ и вкусомъ современной публики; мы гораздо охотнѣе, и, позволяемъ себѣ думать, справедливѣе, припишемъ это произволу гения, требовать отчета у котораго въ матеріальныхъ способахъ, съ помощью которыхъ онъ дѣйствуетъ на душу и умъ людей, было бы дерзко и незаконно. По нашему мнѣнію, лучшимъ объясненіемъ этихъ особенностей будутъ слѣдующія слова:

Шекспиръ такъ хотѣлъ!

(*) Актъ IV. Сцена I выходъ III.

(**) «Юлій Кесарь». Актъ IV. Сцена III выходъ V.

ГЛАВА I.

Всѣ трагедіи Шекспира можно раздѣлить на два отдѣльные цикла, рѣзко различающіеся другъ отъ друга, какъ по приемамъ творчества, такъ и по самой сущности ихъ концепціи. Первый разрядъ мы назовемъ, слѣдуя Гизо, трагедіями историческими, причисляя сюда тѣ созданія Шекспира, въ которыхъ онъ задалъ себѣ задачей, драматическую передачу хода невымышленныхъ, историческихъ событій, и въ которыхъ творчество его проявилось только въ вѣрномъ изображеніи избранныхъ для трагедіи историческихъ лицъ, вовсе не участвуя въ изложеніи послѣдовательности событій самаго хода драмы. Таковы всѣ его трагедіи изъ англійской исторіи, именно: Король Іоаннъ, Ричардъ II, Генрихъ IV (двѣ драмы), Генрихъ V, Генрихъ VI (три драмы), Ричардъ III, Генрихъ VIII, таковы также драмы изъ древней исторіи: Коріоланъ, Юлій Кесарь, Антоній и Клеопатра, и отчасти Троянъ и Крессида, въ которой замѣчательно вѣрно съ Иліадою изображены подробности осады Трои и характеры греческихъ и троянскихъ героевъ. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, Шекспиръ рабъ подлинниковъ, по которымъ онъ создавалъ свои драмы, и рѣдко, рѣдко, да и то только въ частностяхъ, позволяетъ онъ себѣ здѣсь создавать собственныя типы между второстепенными дѣйствующими лицами (напр. Фальстафъ въ Генрихѣ IV.) Вотъ что говоритъ Гизо объ этихъ драмахъ. «Созданныя скорѣе въ національномъ, чѣмъ въ драматическомъ духѣ, написанныя такъ сказать заранѣе обстоятельствами, извѣстными до мелкихъ подробностей, являвшіяся уже на театрѣ въ опредѣленныхъ формахъ, большая часть историческихъ пьесъ не могли подчиниться тому индивидуальному единству, которое такъ любилъ проводить Шекспиръ въ своихъ сочиненіяхъ, по которое такъ рѣдко встрѣчается въ историческихъ разсказахъ. Каждый человѣкъ обыкновенно очень мало значитъ въ ходѣ событій, въ которыхъ онъ занялъ видное мѣсто; и блестящее положеніе, спасающее отъ забвенія его имя, не всегда спасаетъ отъ нравственного ничтожества того кто носилъ это имя. Короли, въ особенности, принужденные являться на мировую сцену независимо отъ ихъ способности играть на ней назначен-

ную имъ роль, вносятъ часто въ веденіе историческаго дѣйствія менѣе помощи чѣмъ помѣхи. Большая часть государей, царствованіе которыхъ доставило Шекспиру сюжеты его національныхъ драмъ, конечно, имѣли вліяніе на исторію своего времени, но никто, исключая Ричарда III, не создалъ еѣ самъ вполне. Шекспиръ напрасно бы сталъ искать въ ихъ поведеніи и личныхъ качествахъ, этаго единаго двигателя, этой простой и плодотворной истины къ которой инстинктивно стремился его гений». (*)

Эти слова прекрасно объясняютъ способъ творчества Шекспира въ циклѣ историческихъ драмъ и не требуютъ комментаріевъ. Замѣтимъ, однакожъ что Гизо, не причисляетъ драмъ Шекспира изъ древней жизни, къ этому разряду историческихъ трагедій, но, по нашему мнѣнію, онѣ по приемамъ своего созданія прямо подходятъ подъ него. Въ нихъ та же манера, тоже подчиненіе творчества историческому разсказу, тоже отсутствіе единства въ намѣреніяхъ автора. Отдѣльныя сцены этихъ драмъ вызваны историческою, а не психологическою необходимостью, ихъ ходъ не направленъ къ одной цѣли, точно такъ же какъ и въ драмахъ изъ англійской исторіи.

Другой циклъ трагедій Шекспира, трагедій, въ которыхъ главную роль играетъ вымыселъ и творчество автора, несравненно выше по достоинству составляющихъ его пьесъ, и къ этому-то разряду произведеній великаго англійскаго трагика относится болѣе всего вышеприведенное нами мнѣніе о сущности дарованія Шекспира. Къ этому циклу принадлежатъ: *Отелло*, *Ромео и Юлія*, *Венеціанскій купецъ*, *Буря*, *Макбетъ*, *Мѣра за мѣру*, *Лиръ* и *Гамлетъ*. Настъ бы повело слишкомъ далеко желаніе сказать хотя нѣсколько словъ о каждой изъ нихъ, а потому мы и ограничимся только тѣмъ произведеніемъ, разборъ котораго избрали мы предметомъ нашей статьи.

Сюжетъ «Гамлета» заимствованъ Шекспиромъ изъ древней исторіи Даніи; онъ взялъ его изъ сочиненія Саксона Грамматика (*Saxo Grammaticus*), передѣланнаго въ разсказы Бельфорестомъ (*Belleforest*) и изданнаго въ половинѣ XVI столѣтія. На англійскій языкъ исторія о Гамлетѣ или *Амлетѣ*, какъ названъ онъ у Бельфореста, переведена подѣ

заглавіемъ *The Hystorie of Hamlett*. Въ подлинникѣ разсказъ этотъ носитъ на себѣ отпечатокъ грубой силы и энергіи, совершенно чуждой того высшаго психологическаго развитія, которое замѣтно въ драмѣ Шекспира. Мы приведемъ этотъ разсказъ отрывками, чтобы лучше оцѣнить достоинства великаго произведенія Шекспира.

Вотъ что говоритъ Бельфорестъ; мы переводимъ буквально, стараясь сократить наивность и грубую простодушность стариннаго французскаго языка.

«Фенгонъ, тайно подкупивъ нѣсколькихъ челоуѣкъ, бросился однажды во время пира на своего брата Горвендила, котораго онъ предательски убилъ, и потомъ хитрымъ образомъ очистилъ себя (*se purgea*) отъ такого ужаснаго убійства предъ своими подданными. Прежде чѣмъ наложить свою кровавую и злодѣйскую (*parricide*, собственно «отцеубійственную») руку на своего брата, онъ осквернилъ кровосмѣшеніемъ его ложе, соблазнивъ жену (*abusant de la femme*, собственно «злоупотребивъ женою») того, чью честь онъ запыталъ прежде чѣмъ совершилъ его погибель.

«Ободренный такою безнаказанностію, Фенгонъ осмѣлился еще сочетаться бракомъ съ той, съ которой онъ жилъ такъ злодѣйски при жизни Горвендила... И эта несчастная, которая имѣла честь быть женою одного изъ самыхъ храбрыхъ и мудрыхъ государей сѣвера, позволила себѣ унизиться до такой мерзости (*jusqu'à telle vilénie*), что измѣнила данной клятвѣ, и что еще хуже, вышла замужъ за того, кто былъ убійцею ея законнаго супруга.

«Когда Герута (имя королевы) такъ забылась, принцъ Амлетъ, видя, что его жизнь въ опасности, и что онъ оставленъ своею собственною матерью, началъ притворяться сумасшедшимъ для того чтобы обмануть коварство тирана, и сдѣлавъ это такъ хитро и искусно, что, притворившись совсѣмъ безумнымъ, онъ скрылъ свои намѣренія и спасъ свою жизнь. Каждый день онъ являлся во дворцѣ королевы, которая болѣе старалась нравиться своему распутнику (*raillard*), чѣмъ думала о мщеніи за мужа или о возвращеніи сыну его законнаго наслѣдства: онъ (т. е. Амлетъ) бѣгалъ какъ юродивый, все что онъ говорилъ, отзывалось неестественнымъ возбужденіемъ чувствъ и чистымъ бѣшенствомъ (*pure frénésie*) и всѣ его поступки и дѣйствія были поступки и дѣйствія челоуѣка, лишеннаго всякаго разума и понятія, такъ что онъ служилъ развлеченіемъ на-

(*) «Shakspear et son temps», pages 100 et 101, édition Didier 1852.

жамъ и легкомысленнымъ придворнымъ, находившимся въ свитѣ его дяди и вочима... Впрочемъ, иногда онъ дѣлалъ вещи, полныя великаго смысла (*grande signification*) и отвѣчалъ такъ кстаи, что умный человѣкъ вскорѣ бы понялъ изъ какого разсудка исходятъ такіа искусныя выдумки «(*inventions si gentilles*)...»

Здѣсь слѣдуетъ разсказъ о томъ какъ къ Амлету была подослана для разузнанія о его намѣреніяхъ одна хорошенькая дѣвушка, къ которой онъ былъ равнодушенъ. Продолжаемъ словами Бельфореста.

«Амлетъ понялъ изъ того, въ какую опасность онъ повергается если какимъ нибудь образомъ соблазнится милыми ласками и любезностью (*mignardes caresses et mignotise*) дѣвицы, подосланной его дядею. Принцъ, тронутый красотою дѣвушки, былъ ею убѣжденъ еще болѣе въ злыхъ замыслахъ дяди, потому что она любила его (т. е. Амлета) съ дѣтства и была бы очень опечалена его несчастіемъ...»

«Надобно, сказалъ одинъ изъ друзей Фенгона, чтобы король притворился будто уѣзжаетъ въ какое нибудь путешествіе, и чтобъ въ это время Амлета заперли вмѣстѣ съ королевою въ комнатѣ, въ которой былъ бы спрятанъ кто нибудь для подслушиванія ихъ разговора и намѣреній этого мудраго безумца (*fol sage*) и хитраго пройдохи (*rusé comarçon*)... Онъ самъ и предложилъ сдѣлаться шпиономъ и свидѣтелемъ бесѣды матери съ сыномъ... Королю очень понравилась эта выдумка.

«Совѣтникъ тайно вошелъ въ комнату королевы и спрятался подъ коверъ (*fourdier*, старинное слово) немного ранѣ чѣмъ заперся въ ней сынъ съ матерью. Такъ какъ онъ (т. е. Амлетъ) былъ хитеръ и подозрителенъ, то, войдя въ комнату и подозрѣвая какую нибудь измѣну, онъ продолжалъ сохранять свои безумные приемы, вскочилъ на этотъ коверъ и, почувствовавъ, что подъ нимъ кто-то есть, не преминулъ проткнуть его мечомъ... Открывъ такимъ образомъ засаду и наказавъ изобрѣтателя еѣ, онъ возвратился къ королевѣ, которая плакала и горевала, и потомъ, осмотрѣвъ всѣ углы комнаты и видя, что онъ въ ней одинъ, онъ началъ говорить съ ней очень умно слѣдующимъ образомъ...»

Здѣсь мы выпускаемъ рѣчь Амлета, изъ которой однако Шекспиръ почерпнулъ основаніе своей знаменитой сцены

между Гамлетомъ и королевою, и переходимъ къ дальнѣйшему повѣствованію Бельфореста.

«Хотя королева (послѣ словъ Амлета) и почувствовала себя обиженною очень чувствительно, и хотя Амлетъ затрогивалъ въ ней самую иѣжную струну, однакожь она забыла всякую досаду, которую въ могла ощутить послѣ такой горькой брани (*après être si aigrement tancée*) при той радости, которую она почувствовала, узнавъ изворотливость ума (*la gentillesse d'esprit*) своего сына. Съ одной стороны она не смѣла поднять глазъ, чтобъ посмотреть на него, помня свою вину, съ другой же, она охотно бы обняла своего сына за умные упреки (*admonitions*), которые онъ ей сдѣлалъ, и которые имѣли такое вліяніе, что въ минуту погасили въ ней пламя вождѣнія (*les flammes de sa convoitise*)...

«Вмѣстѣ съ нимъ (т. е. съ Амлетомъ) были посланы въ Англію двое изъ вѣрныхъ служителей Фенгона, везшихъ письма, выпѣзанные на деревѣ, которыя предписывали смерть Амлета и требовали оной отъ Англичанина (*de l'Anglois*, старинная манера называть королей просто именемъ ихъ національности). Но хитрый датскій принцъ, во время сна своихъ спутниковъ, осмотрѣвъ пакетъ (?) и узнавъ предательство своего дяди и злобу придворныхъ, ведшихъ его на убой, считилъ слова, требовавшія его смерти, вмѣсто ихъ выпѣзалъ предписаніе Англичанину повѣсить и задушить его спутниковъ...»

«Еще при жизни отца, Амлетъ былъ выученъ (*endochriné*) той наукѣ, съ помощью которой лукавый духъ обманываетъ людей, и которая извѣщала принца о вѣщахъ уже прошедшихъ. Много бы нужно было разсуждать, еслибъ этотъ принцъ своею меланхоліею получалъ такіа впечатлѣнія, чтобъ угадывать то, что ни одинъ человѣкъ ему не открывать.»

Изъ приведенныхъ нами отрывковъ разсказа Бельфореста, видна вся сущность того, что заимствовалъ изъ него Шекспиръ для своей драмы. Сдѣлаемъ теперь параллель между «Гамлетомъ» Шекспира и разсказомъ Бельфореста. Эта параллель лучше всего укажетъ намъ всю громадную внутреннюю разницу, при почти полной внѣшней тождественности, между трагедіей Шекспира и этимъ наивно грубымъ повѣствованіемъ, разницу, лучше всего доказывающую громадную геніальность англійскаго трагика. При этомъ мы обратимъ вниманіе только на тѣ обстоятельства Шекспиро-

ва вымысла, которые относятся до характера самого Гамлета. Этого будет вполне довольно для нашей цели.

Нечего и говорить о томъ, что въ разсказѣ Бельфореста характеръ Амлета не ясенъ, и не объясняется ни мало, въ своей психической возможности, разсказанными событиями. Посмотримъ же что сдѣлалъ изъ этого характера Шекспиръ и съ помощью какихъ творческихъ приемовъ онъ возвелъ простой, наивный очеркъ средневѣковаго повѣствователя въ перлъ созданія и сдѣлалъ изъ Гамлета глубокое психологическое созданіе, отражающее въ себѣ жизнь всего мыслящаго человечества. Въ самомъ началѣ мы уже видимъ отступленіе Шекспира отъ подлиннаго разсказа. Амлетъ Бельфореста знаетъ объ убійствѣ своего отца, онъ съ первой минуты начинаетъ питать къ дядѣ *опредѣленное чувство ненависти*, для него все ясно въ его положеніи, между-тѣмъ какъ у Шекспира Гамлетъ *равно ничего не знаетъ*, даже ни о чемъ не *догадывается*, а только смутно *предчувствуетъ* истину. Изъ этого вытекаетъ вся исторія психологическаго переворота, совершившагося въ душѣ датскаго принца, и развившаяся съ такою ужасающею полнотою въ драмѣ великаго трагика. При данныхъ разсказа Бельфореста, въ душѣ Амлета должно было развиться чувство *опредѣленное*, чувство рѣзкое очерченное въ своихъ проявленіяхъ самымъ свойствомъ вызвавшего его событія; у Шекспира же чувство это, по своей смутности и неопредѣленности, приобретаетъ мировое значеніе, и дѣлается представителемъ чувствъ огромной доли всего человечества. Гамлетъ ничего не знаетъ о злодѣйствѣ, лишившемъ его отца и престола, онъ только смутно понимаетъ *ненормальность* этого явленія, его *психическую нелогичность и незаконность*, онъ чувствуетъ въ немъ нарушение законовъ вѣчной истины и возмущается этимъ нарушеніемъ... Но мы невольно вдаемся въ анализъ характера Гамлета, — отложимъ это и возвратимся къ предпринятой нами параллели.

Далѣе, въ разсказѣ Бельфореста, Амлетъ принимаетъ на себя видъ сумасшедшаго, для того *чтобы спасти свою жизнь*. Шекспировскій Гамлетъ не имѣетъ въ томъ же случаѣ въ виду ничего подобнаго, его жизнь вначалѣ вовсе не подвергается опасности, напротивъ, Клавдій, чувствуя въ себѣ угроженія совѣсти въ своемъ ужасномъ злодѣйствѣ, старается, по возможности, облегчить ихъ вниманіемъ и ласками къ сыну убитого короля, онъ даже насилуетъ себя и

свое сердце и заставляетъ себя любить Гамлета, онъ заботится объ его веселіи, не отпускаетъ его отъ себя въ Виттембергъ... Гамлетъ принимаетъ на себя роль сумасшедшаго, какъ первое попавшееся средство для исполненія тѣхъ замысловъ, которые вдругъ, цѣлымъ смутнымъ роємъ, воспряну въ его душѣ при страшномъ разсказѣ тѣни. Въ немъ нѣтъ и намека на мысль о своей собственной безопасности, онъ совершенно не думаетъ о себѣ самомъ, а всецѣло и нераздѣльно отдается дѣлу мести, къ которому призывается его судьба и въ которомъ онъ видитъ свою священную обязанность. Создавая Гамлета, Шекспиръ понималъ, что въ этомъ типѣ не можетъ имѣть мѣста ни малѣйшій отбѣнокъ эгоизма и мысли о своей безопасности.

Я жизнь свою не ставлю въ грошъ, а душу...

Но что онъ можетъ надѣ моей душою?

Далѣе въ разсказѣ Бельфореста является молодая дѣвушка, любимая Амлетомъ и подосланная его дядей, чтобы вывѣдать всю правду отъ принца. Создавая *Офелию*, Шекспиръ съ удивительнымъ тактомъ передѣлалъ ея отношенія къ Гамлету. Офелія слишкомъ чиста и невинна, чтобы кто нибудь даже осмѣлился сдѣлать ей подобное предложеніе. Правда, она тоже служитъ орудіемъ козней противъ Гамлета, она дѣйствуетъ по указаніямъ отца и короля, воображая вмѣстѣ съ первымъ, что все эти хитрости клонятся на пользу страстно, любимого ею Гамлета.

Убийство совершенное Амлетомъ надѣ однимъ изъ пріятелей Фенгона, не имѣетъ того трагическаго характера, которымъ запечатлѣно убійство Полонія... Первый шагъ Гамлета къ мести ознаменовывается страшнымъ, карающимъ урокомъ Судьбы, мечъ его обгаряется кровью отца той, которую онъ любилъ, и Судьба какъ будто смѣясь надъ нимъ, ставитъ ему первую преграду на пути къ его мщенію: «не иди далѣе!» кажется говорить она ему; «ты видишь, что первый шагъ твоей влечетъ за собой гибель невинныхъ!» Но Гамлетъ не слушаетъ ея предательскаго голоса, и увлекаемый силою своей мести, ставшей для него чѣмъ-то въ родѣ *idea fixe*, продолжаетъ начатый путь. По нашему мнѣнію, трагичнѣе этого положенія нѣтъ ничего ни въ одномъ драматическомъ произведеніи всего міра!

Въ послѣднемъ отступленіи Шекспира отъ разсказа Бельфореста, видна тоже рука мастера. Въ Англію съ Гамлетомъ

бдуть не вѣрные слуги Фенгона, какъ въ разсказѣ, но его же, Гамлета, друзья, продавшіе его за королевскія милости и деньги, нанесли послѣдній ударъ уже и безъ того разрушенному зданію вѣры несчастнаго принца въ правду и добро.

Наконецъ Бельфорестъ, въ заключеніи своего разсказа, прибѣгаетъ къ объясненію предчувствій Амлета помощью чаръ и колдовства, — Шекспиръ же не прибѣгаетъ ни къ чему подобному, пророческое провидѣніе Гамлета, вытекающее у него прямо изъ высоты нравственной природы его героя.

Мы сдѣлали нашу параллель возможно короткимъ, потому что входя въ большія подробности, мы бы необходимо вдалились въ анализъ нѣкоторыхъ характеровъ трагедіи, а по заданной намъ себѣ рамкѣ, мы ограничимся разборомъ характера самого Гамлета, къ которому теперь и приступаемъ.

Трудно бы было рѣшить, хотѣлъ ли Шекспиръ высказать въ своей трагедіи именно ту мысль, которая такъ рельефно выдѣляется изъ нее, или просто увлеченный богатствомъ матеріала, даннаго ему Бельфорестомъ, передѣлалъ его согласно внушенію своего генія, придумывая только подробности, а мысль выдалась сама, — мы скорѣе готовы согласиться съ послѣднимъ предположеніемъ, во первыхъ потому что оно подходитъ къ нашему, какъ намъ кажется, вѣрному воззрѣнію на приемы творчества генія вообще, а во вторыхъ потому, что мысль эта слишкомъ глубоко, слишкомъ далеко уходитъ въ область философскаго міросозерцанія, и какъ бы это сказать... слишкомъ *несовершенно* для того вѣка, въ которомъ жилъ Шекспиръ и для того духовнаго развитія и философскаго воспитанія, которое онъ могъ получить (не говоримъ уже *получилъ*).

Объяснимся... По прочтеніи «Гамлета», человѣкъ остается подъ гнетомъ *одной* страшной мысли, — мысли о *бессилии* *человѣчества* *передъ* *судьбою* *и* *силами*, *управляющими* *жизнью*. Дѣйствительно, что такое вся эта страшная драма? Отъ начала до конца въ ней слышится одинъ мотивъ, — какъ будто чей-то невѣдомый, но грозный голосъ говорить зрителю и читателю.

— «Слабый и ничтожный червь земли, что ты гордишься своимъ умомъ, своею нравственною силою и волею, — все это только отраженіе чужаго свѣта, отраженіе высшаго

ума, высшей силы и воли, и имѣетъ значеніе только въ связи съ ними. Ничтожный кусокъ грязи, — ты хочешь располагать собою по произволу, ты хочешь дѣйствовать свободно и независимо, ища опоры въ одномъ себѣ... попробуй — и посмотри что изъ этого выйдетъ!»

Нечего и говорить, что трудно, если не совсемъ невозможно, предположить даже намекъ на подобную мысль въ чело-вѣкѣ того времени, въ которомъ жилъ Шекспиръ, какъ бы не былъ гениаленъ этотъ человѣкъ. Вспомнимъ только, что это время, было временемъ *романтизма въ религіи и наукѣ*, что тогда процвѣтала алхимія, мечтавшая найти средства дѣлать золото и продолжать жизнь человѣка, что тогда пытливые умы добивались всего отъ природы, и знанія будущаго, и неестественной силы и власти, — а если добивались, значить надѣялись получить... Да! не пришло еще тогда то время сознанія невозможностей и бессилія человѣка передъ природою и судьбою, въ которое живетъ нынѣшнее поколѣніе, еще не наставала та эпоха, когда человѣкъ созналъ ограниченность своей силы и власти и помирился съ нею. Человѣчество того времени *всего* искало, значить *всего* надѣялось, а при такой надеждѣ даже немислимо *преднамеренное* зарожденіе и обработка идеи, выразившейся въ «Гамлетѣ»!

«И такъ, общая идея трагедіи — *человѣческое бессиліе*, — посмотримъ же какъ развилась она въ представителѣ этой идеи — Гамлетѣ.

Гамлетъ натура прежде всего духовная, склонный съ дѣтства къ меланхоліи, предавшійся наукамъ по влеченію, и слѣдовательно необходимо изолировавшій себя отъ общества, какъ всякій труженикъ науки того времени, когда эта наука рѣшительно не соприкасалась жизни, онъ, разумѣется, развился рано и немного болѣзненно. Умъ его занятъ вопросами, которые обыкновенно рѣдко приходятъ въ голову въ цвѣтущіе годы молодости и особенно при такой благоприятной обстановкѣ, какова обстановка Гамлета. Въ самомъ дѣлѣ, чего не достаетъ датскому принцу?... Онъ насѣдникъ престола, всѣ его желанія исполняются какъ бы волшебствомъ, — въ добавокъ онъ любимъ престольной и молодой дѣвушкой... По грызущій червякъ анализа не даетъ ему спокойно наслаждаться плодами этой роскошной молодости... передъ нимъ встаютъ роковые вопросы жизни, и заслоняютъ своими грозными тѣнями и славу, и богатство, и

любовь... И вотъ этого юношу мечтателя, этого добровольнаго мученика анализа, застигаетъ страшное несчастье, смерть страстно-любимаго имъ отца... Въ первый разъ Гамлетъ становится лицомъ къ лицу съ настоящимъ горемъ, въ первый разъ сталкивается съ олицетвореніемъ одного изъ томлящихъ его призраковъ. Простой человѣкъ преклонился бы предъ этимъ горемъ, не спрашивая откуда и какъ оно пришло, но Гамлетъ, все анализирующій Гамлетъ, не способенъ на это! Въ смерти отца онъ видитъ не простое явленіе природы, необходимое и непреложное, какъ объясняетъ это Клавдій (актъ I сцена II), нѣтъ! онъ чувствуетъ въ ее несвоевременности, нарушение закона вѣчной истины и стройности историческаго хода событий, онъ стремится разрѣшить вопросъ, для чего же нужна была эта смерть?.. и не находитъ отвѣта... Тургеневъ говоритъ, что Гамлетъ эгоистъ, но врядъ ли эгоистъ способенъ до того отречься отъ своего каждагодневнаго я, и заниматься такъ упорно вопросомъ, въ сущности отвлеченнымъ... Не найдя отвѣта, онъ начинаетъ искать причинъ ея виѣ этихъ законовъ, — въ немъ является темное предчувствіе явленія незаконнаго злодѣянія. А тутъ мать его, эта женщина, которую онъ привыкъ чтить какъ святую, черезъ какіе нибудь полтора мѣсяца, забывъ своего великаго мужа, вышла замужъ за дядю, человѣка, котораго онъ своею чуткою на добро и на зло душою, не любитъ и не уважаетъ... Вторая страшная задача, которая преслѣдуетъ неотступно бѣднаго мученика анализа... И такъ, два вѣрованія уже надломлены въ больной душѣ Гамлета, вѣра въ справедливость промысла, и вѣра въ добро, олицетвореніемъ котораго была для него мать... И вотъ, онъ узнаетъ о злодѣйствѣ дяди... И такъ, его предчувствія сбылись! судьба допустила страшное злодѣяніе и въ злодѣяніи этомъ участвовала его мать... Что остается дѣлать Гамлету, гдѣ опора, гдѣ поддержка?... Гораций? но этотъ добрый и честный малый не пойметъ его страданій, воплей его прекрасной и высокой, но истерзанной души... Гамлетъ и не ищетъ опоры, съ безумной дерзостью беретъ онъ на себя одного страшный грузъ, возлагаемый на него волею судьбы... Начинается дѣло мщенія, Гамлетъ поклялся страшной клятвой, что доведетъ его до конца, онъ, составилъ планъ, обдумалъ пружины, которыя надо пустить въ ходъ, и вотъ онъ начинаетъ дѣйствовать, т. е. притворяется съумасшедшимъ. Но на первомъ же шагу онъ

встрѣчаетъ препятствія.. Угрызенія совѣсти сообщили уму Клавдія непривычную чуткость, онъ съ перваго же раза, смутно почувствовалъ, что за съумасшествіемъ Гамлета скрывается что-то недоброе для него, и немедленно принявъ свои мѣры. Около Гамлета уже увидаются двое шпионовъ, и эти шпионы—его бывшіе друзья.... мы уже указали выше, какое вліяніе должно было произвести это предательство на душу Гамлета, какъ страшно пошатнуло оно его, и безъ того уже колеблющуюся вѣру въ човѣчество.... И вотъ, благодаря этому надзору, Гамлетъ, вмѣсто того чтобъ идти прямо къ цѣли, долженъ хитрить, медлить.... а голосъ мести зоветъ его на дѣло! Онъ колеблется, начинается сомнѣваться въ истинѣ разсказа тѣни, у него является предположеніе, что это былъ нечистый духъ, смущавшій его. Онъ рѣшается прибѣгнуть къ послѣднему испытанію... Испытаніе удалось, и вотъ, въ Гамлетѣ снова пробуждается титаническая, безумная жажда мести... Онъ радуется этому пробужденію, онъ упивается этимъ мучительнымъ чувствомъ. Подъ вліяніемъ его онъ является къ матери, подъ вліяніемъ его онъ осыпаетъ ее проклятіями и думая убить короля, убиваетъ Полонія. Огняется теперь на страшную массу горя и зла, которая тяготеетъ надъ бѣднымъ принцемъ.... Онъ утратилъ вѣру въ добро, правду, въ човѣчество, дружбу, онъ отринулъ любовь Офеліи, убилъ ее отца,—а дѣло мести все еще не подвинулось ни на шагъ.... И что же остановило его? Вѣдь, идя къ матери, Гамлетъ засталъ короля одного, онъ могъ его убить и не убилъ.... онъ оправдывается передъ собою тѣмъ, что въ это время тотъ молился и, слѣдовательно, мести его была бы не полна. Гамлетъ не понимаетъ, что не эта мысль, а иная, невѣдомая сила остановила его руку. Онъ только сознаетъ свое безсиліе и возмущается противъ него. А тутъ прошедшая погибшая вѣра въ добро, погибшая любовь, напрасное убійство.... какая човѣческая сила вынесетъ такой гнетъ?.. И Гамлетъ не вынесъ его, силы его ослабли въ напрасныхъ усиліяхъ, онъ уже не проявляетъ той послѣдовательности въ своихъ намѣреніяхъ какъ прежде, онъ соглашается на отъѣздъ въ Англію, и только для успокоенія совѣсти твердитъ о своемъ намѣреніи мстить. На кораблѣ онъ узнаетъ о коварныхъ замыслахъ Клавдія.... снова вспыхиваетъ въ немъ твердое намѣреніе мести, онъ возвращается въ Данію, отправивъ на смерть Гильденштерна

и Розенкранца. Встрѣча съ войскомъ Фортинбраса еще болѣе укрѣпляетъ его въ намѣреніи мести, кажется тотчасъ наступитъ часъ неслыханной и достойной мести за злодѣяніе Клавдія... И что же? на кладбищѣ, мы встрѣчаемъ Гамлета снова утомленного, меланхолически—бесѣдующаго съ своимъ другомъ Горацио о преходчивости земной жизни... Кто изъ насъ не узнаетъ себя въ этомъ изображеніи, кто не согласится, что всѣ мы поступаемъ точно такъ же какъ Гамлетъ, и въ ту минуту когда намъ бы нужно было дѣйствовать, съ самоуслажденіемъ предаемся философскимъ размышленіямъ въ родѣ размышленій Гамлета надъ черепомъ Юрика? Оно, видите ли, такъ гармонируетъ съ настроеніемъ нашего духа, намъ тяжело, а какъ поговоримъ, такъ все какъ будто полегче станетъ....

Приносять гробъ Офелію, Гамлетъ узнаетъ изъ словъ Лазерта, кого хоронятъ, и вдругъ въ наболѣвшей душѣ его просыпается мгновенно заснувшее на время чувство любви,

Я любилъ Офелію, и сорокъ тысячъ братьи
Ее не могутъ пламенный любить

Восклицаетъ онъ, и въ припадкѣ болѣзненнаго бѣшенства душитъ, пока еще безвиннаго, Лазерта.... Такъ вотъ какъ вырвалъ онъ съ корнемъ изъ сердца—

Всѣ мелкія воспоминанья жизни.

Вотъ какъ заглушилъ онъ свою любовь!.. Въ эту минуту онъ и забылъ о мщеніи, онъ весь отдался гору своему.... А еще мечталъ повернуть по своему ходъ судьбы! И это Гамлетъ избранныкъ, отмѣченный печатью высшихъ натур!.. что же остается намъ, простымъ смертнымъ?

А между тѣмъ судьба не ждетъ, быстро приготовляетъ она свою развязку, и развязка эта застаётъ Гамлета въ такую минуту, когда онъ уже утомился и говорить объ убѣждающемъ отъ него мненіи. И вотъ, она беретъ на себя дѣло Гамлета, и исполняетъ такъ, какъ никогда бы не исполнилъ онъ.... Посмотрите, при какой великолѣпной обстановкѣ совершается исполняющая мѣсть! При полномъ дворѣ, при всѣхъ высшихъ сановникахъ Даніи, совершается обличеніе Клавдія, онъ погибаетъ отъ руки Гамлета въ виду своихъ придворныхъ—и никто не двигается съ мѣста, чтобы помочь ему. Но какую же роль играетъ въ этой мѣсти ее орудіе—Гамлетъ? Онъ убиваетъ короля за то, что тотъ хо-

тилъ его отправить, и что этимъ ядомъ по ошибкѣ отравилась мать его.... А гдѣ же мѣсть за отца? Онъ и не подумалъ о ней; ее совершила за него судьба, а самъ Гамлетъ умеръ. Но не кончено дѣло судьбы, надъ трупомъ Клавдія произнесется его обвиненіе, вся Данія узнаетъ о его злодѣйствѣ и заклеивитъ презрѣніемъ память его... А Гамлетъ? повторяемъ—онъ умеръ!

ГЛАВА II.

Выяснивъ, по возможности, въ первой главѣ нашъ взглядъ на характеръ Гамлета и на идею всей трагедіи, обратимся теперь къ передѣлкамъ и переводамъ этой трагедіи на русскій языкъ. «Гамлету» въ этомъ случаѣ посчастливилось болѣе всѣхъ другихъ трагедій Шекспира. Двѣ передѣлки (Сумарокова и Висковатова) и три перевода (Вронченко, Подеваго и Кронеберга) показываютъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ онъ въ нашихъ литераторахъ разнаго времени.

Впрочемъ, собственно говоря, передѣлка Гамлета у насъ только одна, а именно,—трагедія Сумарокова, а передѣлка Висковатова, можетъ скорѣе назваться переводомъ извѣстной Дюсисовской передѣлки; въ ней сохранена вся интрига, всѣ положенія и отчасти самое изложеніе трагедіи Дюсиса, и Висковатовъ, благоразумно умалчивающій объ этомъ нецеремонномъ заимствованіи, является въ очень неблагопріятномъ свѣтѣ, какъ литераторъ.

Грустно и тяжело говорить о такихъ вещахъ какъ эти передѣлки! Доказывать ихъ безобразіе и нелѣпость, удивляться дерзости ихъ авторовъ, осмѣлившихся поднять кощунственную руку свою на великое созданіе Шекспира, все это будетъ сильно отзываться общимъ мѣстомъ, а говорить о нихъ спокойно, съ смѣшной важностью доказывать какъ и почему эти передѣлки дурны и анти-эстетичны, то же болѣе чѣмъ странно.

А между тѣмъ попытки эти, — отраженіе духа цѣлой эпохи европейской литературы вообще, и русской въ особенности и оставить ихъ хотя безъ краткаго, разбора, тоже невозможно.

Грустное для мысли время была эпоха классицизма въ литературѣ! Заковавъ творчество въ оковы условности, классицизмъ мертвилъ всякое живое вдохновеніе, и поставивъ

себѣ пѣлю условно-прекрасное, рѣшительно лишая поэзію возможности достигнуть истинно-прекраснаго; мало того, искажалъ и губилъ уже существовавшее истинно прекрасное. Все это время классицизма, со всѣми его *soi-disant*, великими явленіями, — пробѣлъ въ исторіи развитія человѣческой мысли, остановка ея на пути къ высокому идеалу истинной поэзіи... и какой огромный пробѣлъ, какая долговременная остановка!

Но обратимся къ нашему предмету.

Трагедія Сумарокова «Гамлетъ» была представлена въ 1-й разъ на Петербургскомъ театрѣ въ 1750 году.

Почтенный Александръ Петровичъ Сумароковъ, «дѣйствительный статскій совѣтникъ, ордена св. Анны кавалеръ и лейпцигскаго ученаго собранія членъ» (этотъ титулъ выставленъ на заглавномъ листѣ полнаго собранія его сочиненій, изданнаго въ 1781 году) какъ видно, читалъ Шекспира — по крайней мѣрѣ «Гамлета», и былъ пораженъ этимъ громаднымъ произведеніемъ англійскаго трагика. Но какъ истинный поборникъ классицизма и почитатель «господина Вольтера», съ которымъ онъ себя такъ наивно сравнивалъ, онъ остановился только на внѣшнемъ трагизмѣ положенія Гамлета, т. е. на убійствѣ его отца съ вѣдома его матери, и на его клятвѣ на счетъ мести. Сумароковъ какъ писатель, отличался полнымъ отсутствіемъ творческаго чувства, ограниченностью пониманія, доведенной до послѣднихъ предѣловъ нравственнаго мѣщанства, и разумѣется, не могъ понять нравственнаго значенія идеи «Гамлета» и ея глубокаго внутренняго трагизма.... И вотъ, въ напудренной головѣ «Россійскаго Расина и Вольтера» составилъ планъ трагедіи еще болѣе «ужасный» (мы чуть чуть не написали «ужасный», потому что всѣ «ужасы» псевдоклассическихъ трагедій, гораздо приличнѣе назвать «ужастями»). Гамлетъ Сумарокова борется не съ судьбою, мѣшающею ему въ исполненіи данной клятвы, но съ своею собственною слабостью, но съ *любовію*. Отецъ его убитъ *съ вѣдома Клавдія Полоніемъ*, которому принцъ и долженъ мстить, забывъ любовь свою къ его дочери. Такимъ образомъ Гамлетъ, этотъ мученикъ идеи и раннего самосознанія, дѣлается у Сумарокова пошлымъ классическимъ героемъ, похожимъ на сотни другихъ; онъ, ни на кого не похожій! весь горячій интересъ, возбуждаемый его вполне человѣческимъ характеромъ у Шекспира, пропадаетъ окончательно — передъ вами какой-то

Брамагантъ, колеблющійся между страшнымъ долгомъ мести и любовью къ красивой дѣвушки. Точно также измѣняются и другіе характеры. Добрякъ Полоній, этотъ оберъ-гоф-ратъ Клавдія, этотъ честный, но ограниченный царедворецъ, корчащій Маккиавеля, не лишенный, впрочемъ, здраваго смысла; симпатичный даже въ своемъ низкопоклонничествѣ, является какимъ то невозможнымъ злодѣемъ, не раскаявающимся до конца. Онъ хочетъ убить свою дочь, онъ внушаетъ королю новыя злодѣянія. Самъ король, совершенно безцвѣтенъ и просто-глупъ, въ немъ нѣтъ и тѣни шекспировскаго, хитраго и умнаго похитителя престола, который съ невѣроятной энергіей и послѣдовательностью преслѣдуетъ разъ начатое дѣло, — здѣсь онъ просто игрушка въ рукахъ Полонія. Королева еще ближе другихъ подходитъ подъ шекспировскій типъ, но и то только въ внѣшнемъ очертаніи ея характера, нравственное же значеніе ея въ трагедіи совершенно ничтожно. За то Офелія! — о! здѣсь почтенный дѣйствительный статскій совѣтникъ разгулялся! Изъ презестнаго, идеальнаго изображенія средневѣковой дѣвушки, покорной отцу, преданной долгу, и въ тоже время отдавшей всей душой своей, любимому человѣку, онъ сдѣлалъ такую героиню, что просто уму невообразимо... У него Офелія витіюствуетъ и разглагольствуетъ не хуже какой нибудь Федры или Андромахи, нравственныя сетенціи изрекаетъ, Гамлета учитъ какъ поступать... даже отцу мораль отчитываетъ... Впрочемъ, Сумароковъ все таки сохранимъ въ ея характерѣ одну шекспировскую черту — полное подчиненіе нравственному вліянію Гамлета и смиреніе передъ судьбою.

Разскажемъ въ короткихъ словахъ содержаніе трагедіи Сумарокова.

Король Даніи убитъ въ объятіяхъ своей супруги, Полоніемъ, совершившемъ это убійство по наущенію брата его, Клавдія, который и женился на его вдовѣ и сдѣлался королемъ. Гамлетъ узнаетъ объ этомъ убійствѣ съ помощью сна, въ которомъ является ему его покойный отецъ и открываетъ ему тайну своего убійства, умоляя его «оставить дѣла любовныя» и воздвигнуться на мсть. Гамлетъ въ отчаяніи, но отчаяніе его главнымъ образомъ (какъ и подобаетъ трагическому герою) происходитъ отъ мысли, что онъ долженъ разстаться съ любимой имъ Офеліей, отецъ которой убійца его отца. Онъ повѣряетъ свое горе наперснику

своему Армансу, и тотъ, прилично своему чину и званию наперсника классическаго героя, уговариваетъ его умѣрить гнѣвъ свой и пощадить отца Офеліи. Встрѣтившись съ своею матерью, Гамлетъ начинаетъ упрекать ее въ совершённомъ преступленіи; она сначала запирается, но потомъ сознается во всемъ, раскаивается и изъявляетъ намѣреніе удалиться отъ свѣта и предоставить престолъ Гамлету. Въ этой сценѣ, Сумароковъ много заимствовалъ у Шекспира, хотя и исковеркалъ ее на классическій образецъ; но этой-то причинѣ она производитъ довольно сильное впечатлѣніе, не смотря на варварскія вирши которыми она написана.

Между тѣмъ, Клавдій, преступный похититель, видитъ себя оставленнымъ всѣми; онъ узнаетъ, что супруга его созналась во всемъ Гамлету, трепещетъ за тронъ свой, сознается въ своемъ безсиліи, обращается къ Богу съ раскаяніемъ (эта часть монолога Клавдія заимствована у Шекспира, разумѣется въ искаженномъ видѣ) и проситъ совѣта у Полонія. Чтобы остановить обнаруженіе ихъ тайны, они вмѣстѣ рѣшаются убить королеву и Гамлета. При этомъ король обѣщаетъ Полонію, что послѣ смерти королевы, онъ женится на Офеліи.

Является Гертруда; она уговариваетъ мужа отказаться отъ престола въ пользу Гамлета, но что тотъ, разумѣется не соглашается. Оставшись одна, съ своею наперсницей, Гертруда бесѣдуетъ съ нею о смерти перваго своего мужа, и при этомъ удобномъ случаѣ авторъ составляетъ наперсницу разсказывать въ видѣ воспоминаній подробности этой смерти.

За этимъ слѣдуетъ сцена между Полоніемъ и дочерью его (актъ III), злодѣй царедворецъ уговаривать дочь выйти замужъ за короля, при чемъ, разумѣется, какъ и во всякой порядочной трагедіи, необходимо безъ *qui pro quo*, а именно, Полоній дѣлаетъ предложеніе дочери отъ имени короля въ такихъ темныхъ выраженіяхъ, что она сначала думаетъ, что онъ говоритъ въ пользу Гамлета, и изъявляетъ свое радостное согласіе, но потомъ отказывается на отрѣзъ, узнавъ въ чемъ дѣло. Полоній стоитъ на своемъ и удаляется сказавъ:

Знай, я тебя уже Царицей нарицаю,
А инако тебя за дочь не принимаю.

Оставшись одна, Офелія въ чувствительномъ монологѣ изливаетъ свою скорбь и клянется снова въ вѣрности Гамлету. Является самъ принцъ, съ обнаженной шпагой, съ словами.

Умрите вы теперь, мучители, умрите,
Пришелъ вамъ лютый часъ!..

Но увидавъ Офелію, останавливается. Между ними происходитъ *чувствительная* сцена. Гамлетъ объявляетъ Офеліи, что онъ долженъ съ ней растаться, Офелія спрашиваетъ, что причиной этому? ужь не отецъ ли ея? и торопится объявить, что главною виною всему Клавдій. Надобно сказать, что Полоній въ разговорѣ своемъ съ Офеліей открылъ ей отчасти тайну убійства Гамлетова отца, исканіемъ разумѣется, истину, и именно въ томъ смыслѣ, что убійство было совершено одною королевою, и что Клавдій, узнавъ это, хочетъ умертвить королеву, чтобы она не убила и его. Услышавъ слова Офеліи, Гамлетъ вдругъ воображаетъ себя, что она уже давно знала объ убійствѣ его отца и негодуетъ на нее; но она увѣряетъ его, что узнала это только чрезъ тому назадъ. Между ними происходитъ сцена недоумѣнія, такъ какъ Офелія говоритъ о предполагаемомъ бракѣ своемъ съ королемъ, а Гамлетъ не имѣетъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія. Они удаляются въ комнаты Офеліи... Мы съ умысломъ распространились объ этой сценѣ, такъ какъ она собственное *изобрѣтеніе* почтеннаго автора, и Шекспиръ въ ней *ни мало не повиненъ*.

Между тѣмъ Армансъ, наперсникъ Гамлета, и Ратуда, мамка Офеліи, готовятъ народъ къ возстанію въ пользу Гамлета и являются на сцену объявить объ этомъ. Гамлетъ возвращается отъ Офеліи; онъ снова колеблется, любовь снова преодолеваетъ месть. Въ нерѣшимости, что предпринять, онъ хочетъ убить себя, но вдругъ останавливается... Здѣсь Сумароковъ вставилъ знаменитый монологъ «To be or not to be», переведа его довольно близко и вѣрно съ подлинникомъ. Приводимъ изъ него два отрывка, подчеркивая то что принадлежитъ Шекспиру.

Постой... великое дѣло предложить.
Отверсть ли гроба дверь и *бдѣть* окончати,
Или во свѣтѣ семъ еще претерѣвати.
Когда умру—засну... засну и буду спать;
Но что за сны сѣя ночь будетъ представлять?
Умреть и впити въ гробъ... спокойствіе прелестнѣе

Но что послѣдуетъ спу сладку?.. неизвѣстно.

Ктобъ не хотѣлъ имѣть сего спокойна сна?

И ктобы могъ снести зла щастія твоего

Большаго, нищету и сильныя нападенія

Неправосудіе безсовѣстныхъ судей

Грѣбешъ, обиды, гнѣвъ, несправости друзей,

Вліянный лѣвъ въ сердца великихъ лѣсти устами,

Когдабъ мы жили вѣкъ и скорбь жила вѣкъ съ нами?

Послѣдній стихъ, принадлежащій самому Сумарокову, образецъ бездарности и идиотизма; трудно представить себѣ, какъ можно до того исказить чужую мысль. Шекспиръ, исчисляя муки жизни, говоритъ, что: «ктобы сталъ ихъ сносить, когда для того, чтобъ ихъ покончить, достаточно одного удара кинжала, еслибъ не боязнъ неизвѣстности, за гробомъ». Сумароковъ совершенно искажаетъ смыслъ монолога: заставляя Гамлета надѣяться на переходчивость зла на землѣ. Монологъ законченъ Сумароковымъ достойнымъ его образомъ: Гамлетъ рѣшается жить изъ боязни, что народъ осудитъ его послѣ смерти; онъ жертвуетъ собою отечеству и долгу.

Въ слѣдующемъ актѣ (IV-мъ) является Полоній, уговаривающій Офелію исполнить его приказаніе. На вторичный отказъ ее, онъ объявляетъ, что убьетъ ее своими руками, если она не согласится. Офелія остается тверда въ своемъ отказѣ, соглашаясь лучше умереть чѣмъ преступить клятву, данную Гамлету. Является король, и Полоній передъ нимъ объявляетъ, что онъ навѣренъ умертвить дочь за ослушаніе его воли и воли короля. Клавдій хвалитъ Полонія за вѣрность и преданность ему, вслѣдствіе которой онъ не падитъ даже свою родную дочь. Они оставляютъ Офелію одну, и вслѣдъ за этимъ является стража, которая уводитъ дѣвушку.

Между тѣмъ, Полоній, съ согласія короля, отрядилъ пятьдесятъ человѣкъ, чтобы убить Гамлета (въ другомъ мѣстѣ авторъ увеличиваетъ число убійца до ста.) и возвѣщаетъ объ этомъ Клавдію, который успокоивается на счетъ возможности быть свергнутымъ съ престола. Вводятъ Офелію подъ стражей. Полоній обращается къ воинамъ съ рѣчью, въ которой хвастается тѣмъ, что не щадитъ родной

дочери для служенію королю и отечеству, и хочетъ показать на ней примѣръ повиновенія, которымъ обязанъ король подданный. Вдругъ вбѣгаетъ воинъ, который объявляетъ, что замокъ окруженъ народомъ требующимъ, мести за смерть Гамлета. Король притворяется огорченнымъ этой смертью и идетъ унимать возстаніе, а Полоній остается съ дочерью и собирается убить ее, какъ вдругъ является Гамлетъ и останавливаетъ его. Онъ хочетъ заколотъ Полонія, но Офелія удерживаетъ его. Полонія отводитъ подъ стражу, а между Гамлетомъ и Офеліей происходитъ трогательная сцена, въ которой Офелія умоляетъ пощадить отца, а Гамлетъ борется между долгомъ и любовью. Тутъ между прочимъ Гамлетъ рассказываетъ, какъ онъ отбился отъ убійцъ и умертвилъ короля. Въ это время входитъ воинъ, и объявляетъ, что Полоній умеръ подъ стражей. Такимъ образомъ всѣ препятствія устранены, Гамлету не нужно мстить Полонію и онъ женится на Офеліи. Трагедія кончается слѣдующими замѣчательными по своей уморительной неловкости стихами, которые говоритъ Офелія:

Иди мой князь во храмъ, яви себя въ народѣ,

А я пойду отдать послѣдній долгъ природѣ!

Изъ нашего краткаго изложенія видно, что сдѣлалъ Сумароковъ изъ Шекспировскаго «Гамлета». Мы уже не говоримъ о томъ, что онъ не понялъ характера Датскаго принца,—это понятно: ни эпоха, въ которую написана трагедія Сумарокова, ни ограниченный умъ автора, забитый въ концѣ теоріями классицизма, разумѣется не способствовали къ такому пониманію, но замѣчательно то, что Сумароковъ даже не созналъ всей величины трагизма виѣшней обстановки драмы Шекспира и исковеркалъ ее на свой ладъ. Конечно, по правиламъ классицизма Шекспировскій характеръ Полонія не годится для трагедіи, представляя свои комическія стороны, но мы не можемъ понять, почему авторъ не сохранилъ по крайней мѣрѣ настоящаго характера Офеліи, короля и королевъ. Послѣдніе два особенно годились въ трагедію, даже и классическую, не смотря на свою человѣчность. Но такова уже была всеубивающая сила классическихъ правилъ, что и тутъ передѣлыватель нашелъ черты, несогласныя съ законами Аристотеля и принялся исправлять Шекспира.

Впрочемъ, не будемъ слишкомъ строги къ Сумарокову,

онъ искажилъ *только* характеры и положенія Шекспира. Въ другой странѣ нашелся смѣльчакъ еще болѣе наивный, который распорядился еще безцеремоннѣе съ англійскимъ трагикомъ... Мы говоримъ о Дюсисѣ, передѣлку котораго выдалъ за свою у насъ Висковатовъ.

Къ этой-то передѣлкѣ и обратимся мы теперь.

Въ «Гамлетѣ» Сумарокова мы видѣли образецъ бездарности и готовы простить «Россійскому Расину и Вольтеру» его кощунственное посягательство на великое твореніе Шекспира, именно во имя этой бездарности, мѣшавшей ему понимать всю великость «Гамлета» и подвигнувшей его на такую безобразную передѣлку. Приступая теперь къ разбору Дюсисовскаго «Гамлета», мы не можемъ привести въ пользу его автора, подобнаго оправданія. Дюсисъ былъ человѣкъ далеко не бездарный; онъ понималъ и любилъ Шекспира, онъ даже не былъ рабомъ классическаго натора, въ свое время за передѣлки Шекспира онъ заслужилъ даже названіе новатора, возбудилъ противъ себя ожесточенныя преслѣдованія классиковъ и удивленіе къ своей смѣлости. Скажемъ болѣе, онъ даже понялъ сущность виѣшняго Шекспировскаго трагизма, усвоилъ себѣ его яркость красокъ, и очень ловко воспользовался элементомъ ужаса, который играетъ такую важную роль въ произведеніяхъ англійскаго трагика. Создавая характеръ Гамлета, онъ стремился сохранить въ немъ его существенные элементы, унылую грусть, преслѣдующую несчастнаго принца, нерѣшительность его въ дѣлѣ мести, сдержанность и страстность характера, и его любовь къ добру и истинѣ. Подтвердимъ наши слова ссылками на самую трагедію въ переводѣ Висковатова. Описывая наружность Гамлета, другъ его Гаральдъ говоритъ королевѣ (Дѣйствіе II. Явленіе 2-е).

... сынъ твой злополучный,
Всегда съ угрюмою тоскою неразлучный.
Стремится къ симъ мѣстамъ, власы свои онъ рветъ.
Терзаешь грудь, весь міръ въ отчаяніи клянешь,
И ждешь со ужасомъ кончины неизбежной.

Самъ Гамлетъ говоритъ про себя (Дѣйствіе II, явленіе 3).

Такъ, щастіемъ подданныхъ желалъ быть счастливъ я.
Быть не страшилищемъ, но другомъ мнѣ подвластныхъ,

Безсильныхъ защищать, и утѣшать несчастныхъ,
Но нѣтъ! днесь радостей въ семь міръ мнѣ не зрѣтъ!

Надо сознаться, что образъ Гамлета, который вырабатывается изъ трагедіи Дюсиса, довольно близко подходитъ къ виѣшнимъ очертаніямъ Шекспировскаго типа. Въ немъ не достаетъ одного, — души настоящаго Гамлета, этой души, проникнутой міровою тоскою за все человѣчество, котораго онъ несчастный, но прекрасный представитель, — и вмѣсто гигантскаго образа передъ вами является ничтожная марionетка въ одеждѣ и съ замашками Гамлета.

И такъ Дюсисъ, болѣе или менѣе понималъ Гамлета, и цѣнилъ его, если взять его предметомъ своей передѣлки. Но здѣсь мы рѣшительно останавливаемся въ недоумѣніи, и задаемъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ Дюсисъ, человѣкъ съ умомъ и талантомъ, гордо взявшій на себя инициативу преобразованія псевдо-классической трагедіи, могъ создать такое странное, классически-безобразное произведеніе, какъ могъ онъ позволить себѣ такіа страннаго передѣлки? Видно привычка сильнѣе всякихъ теорій, и смѣлый новаторъ, самъ не зная того, былъ просто послѣдователемъ того же классицизма, противъ котораго онъ ратовалъ и который сыгралъ съ нимъ въ этомъ случаѣ презлую шутку. Впрочемъ, Дюсисъ былъ французъ, а эти минимые цари образованности, обладаютъ чрезвычайно комыческой самоувѣренностію въ дѣлѣ литературныхъ воззрѣній и вкуса... Мы еще не такъ давно видѣли примѣръ этого, — въ эпоху, когда уже весь Шекспиръ былъ переведенъ на французскій языкъ Латурьеромъ, Бенжаменомъ Ларошемъ и Гизо, когда этотъ послѣдній написалъ свой превосходный этюдъ о Шекспирѣ, въ которомъ такъ мѣтко и разумно оцѣнилъ великаго трагика, въ эту эпоху, говоримъ мы, появился новый переводъ «Гамлета» Александра Дюма отца, въ которомъ, не передъ чѣмъ не отступающій литературныхъ дѣлъ мастеръ, нанесъ нужнымъ *поправкамъ* развязку Шекспира, и воскресилъ въ концѣ пьесы Офелію сочетавъ ее законнымъ бракомъ съ Гамлетомъ, тоже оставшимся въ живыхъ. Всеслучается на свѣтѣ и въ французской литературѣ!

Обратимся однако къ трагедіи Дюсиса.

Узелъ завязки ее тотъ же самый что и у Шекспира, отецъ Гамлета убитъ *родственникомъ* своимъ (а не *род-*

ными братомъ, какъ въ оригиналѣ) Клавдіемъ, или вѣрнѣе своею женою по наущенію послѣдняго, находившагося въ тоже время въ связи съ нею. Съ этой же минуты уже начинается разногласіе Дюсиса съ Шекспиромъ. У послѣдняго король умираетъ отъ руки Клавдія, не подозревая даже связи его съ своею женою, у Дюсиса же Клавдій совершаетъ убійство именно потому, что король началъ подозревать эту связь, и даже хотѣлъ умертвить Клавдія. Итакъ на первомъ же шагу ослаблено впечатлѣніе, производимое у Шекспира безпричиннымъ злодѣйствомъ Клавдія, которое у Дюсиса какъ будто бы извиняется отчасти чувствомъ самосохраненія. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ сама Гертруда въ разбираемой трагедіи:

Въ то время, страсть мою проникнувъ, мой супругъ
Казалось Клавдію грозилъ ужасной казнью
Тогда, терзался ужасною болѣзью
Сосудъ отъ Клавдія съ отравой и взяла
И смертно пиіе къ супругу понесла.

Дѣйствіе 2-е. Явленіе 1-е.

Изъ словъ: «терзаясь ужасною боязнью», мы видимъ, что Гертруда совершила свое преступленіе не хладнокровно, но подъ минутнымъ впечатлѣніемъ страха за любимаго человека. Первый, и весьма важный промахъ, ослабляющій общее впечатлѣніе преступности Гертруды, которое такъ сильно у Шекспира!

Даже мы видимъ Гамлета уже *царемъ Даніи*, онъ долженъ скоро вѣнчаться на Царство; но Клавдій старается не допустить этого подъ предлогомъ того, что Гамлетъ разстроенъ разсудкомъ и не можетъ править царствомъ достойнымъ образомъ. Итакъ одной изъ главныхъ причинъ положенія Гамлета у Шекспира — неудовлетвореннаго честолюбія — не существуетъ у Дюсиса. При этомъ условіи характеръ Гамлета долженъ былъ необходимо измѣниться, — и дѣйствительно, Гамлетъ является передъ нами не грустнымъ томнымъ меланхоликомъ, а какимъ то изступленнымъ Орестомъ, котораго преслѣдуютъ Евмениды. Гамлетъ узнаетъ о тайнѣ смерти отца своего такъ же какъ и у Шекспира, отъ призрака покойнаго короля, но про это явленіе онъ только рассказываетъ своему другу Гаральду, какъ это и водится въ классическихъ трагедіяхъ, гдѣ дѣйствіе всегда, какъ извѣстно, происходитъ за сценой, и на сценѣ идутъ

одни только разговоры. Гамлетъ клянется мстить Клавдію и своей матери, но здѣсь начинается борьба, необходимымъ элементомъ всякой трагедіи. Дѣло въ томъ, что онъ любитъ Офелію, *дочь Клавдія*, и колеблется между этой любовью и мщеніемъ. Между тѣмъ Клавдій уговариваетъ Гертруду выйти за него замужъ и отстранить Гамлета отъ престола, — она съ ужасомъ отвергаетъ это предложеніе. Тогда Клавдій рѣшается дѣйствовать одинъ, и если нужно убить королеву. Гамлетъ съ своей стороны заставляетъ мать свою признаться въ преступленіи ее, съ помощью урны, въ которой хранится прахъ его отца, и при взглядѣ на которую виновная королева въ ужасѣ открываетъ все Гамлету. Гамлетъ снова клянется въ мщеніи, но растроганный мольбами и слезами матери и Офеліи, онъ готовъ отказаться отъ него, какъ вдругъ къ нему является тѣнь отца и подкрѣпляетъ своимъ страшнымъ видомъ его слабѣющую рѣшимость. Гамлетъ назначаетъ день своего вѣнчанья. Въ этотъ день, Клавдій вмѣстѣ съ своими сообщниками хочетъ убить Гамлета, и собирается уже идти, когда вдругъ является самъ Гамлетъ. Сообщники Клавдія устремляются на него, но онъ ихъ останавливаетъ и объявляетъ имъ о злодѣйствѣ Клавдія. Преступникъ и тутъ еще старается выпутаться, онъ обвиняетъ Гамлета въ убійствѣ его матери, и выхвативъ мечъ бросается на него. Но мечъ этотъ въ крови, убійца королевы уличенъ и Гамлетъ убиваетъ его, отражая ударъ на него направленный. Офелія, видя смерть отца лишается чувствъ и тоже умираетъ, при видѣ мертвой Офеліи Гамлетъ въ отчаяніи хочетъ заколоться, на Гаральда останавливаетъ его словами:

Вся Данія къ тебѣ простерла гласъ
И зрѣть въ тебѣ одномъ надежду и спасеніе,
Ужель отринешь ты всѣхъ подданныхъ мольбъ
И смертію своей, народъ погубишь свой?

На что Гамлетъ отвѣчаетъ:

Отечество! тебѣ пожертвую собой!

И остается жить.

Въ обѣихъ трагедіяхъ, Дюсиса и Сумарокова, мы не видимъ и слѣда характеровъ Шекспира. Передъ нами двигаются какіе, то образы безъ лицъ, классическій наторъ господствуетъ въ изложеніи, рѣчи дѣйствующихъ лицъ

напыщены и неестественны. Въ трагедіи Дюсиса совершенно пропадаютъ два удивительные характера: Полонія и Офелія, у Сумарокова первый является какимъ-то каррикатурнымъ злодѣемъ, а у Дюсиса совершенно незначительнымъ лицомъ, вторая же, вмѣсто престопаго, идеально-чистаго типа средневѣковой дѣвушки, у обоихъ передѣлывателей является кокою-то трагическою героинею, созданною по рецепту псевдо-классическихъ идеаловъ. Замѣчательно однакоже, что Сумароковъ и Дюсисъ, оба стремились вставить въ свои трагедіи нѣкоторыя сцены изъ Шекспировскаго Гамлета цѣлкомъ, и что въ выборѣ этихъ сценъ они сошлись между собою. Таковы: сцена между Гамлетомъ и его матерью, сцена угрызенія совѣсти Клавдія и наконецъ монологъ «быть или не быть?» въ которомъ каждый авторъ дѣлалъ свои, разумѣется крайне неудачныя, поправки.

Въ обоихъ передѣлкахъ выпущено много второстепенныхъ лицъ Шекспировскаго первообраза. Передѣлыватели съ ихъ закоренѣлыми классическими понятіями объ искусствѣ, конечно, не могли понять художественной необходимости этихъ лицъ и найдя ихъ совершенно лишними и замедляющими ходъ трагедіи, безцеремонно выкинули ихъ вонъ и вставили другія, до изобрѣтенія которыхъ они дошли собственнымъ умомъ. Такъ у Сумарокова выпущены Лаэрти, Вольтимандъ, Корнелій, Розенкранцъ, Гильденштернъ, Озрикъ, Бернардо, Марцеллій, Франциско, слуга Полонія Ринальдо, Фортинбрасъ, могильщики и другія лица. Гораціо является, подъ именемъ Арманса (впрочемъ, замѣтимъ, что характеръ Гораціо сохраненъ довольно вѣрно у обоихъ передѣлывателей, также неподкупная честность, также прямо-то и неподкупная преданность интересамъ Гамлета, являются и у нихъ какъ у англійскаго трагика. Впрочемъ это и понятно, типъ Гораціо довольно близко подходитъ къ идеалу *наперсниковъ*, безъ которыхъ не обходится ни одна классическая трагедія). Вновь вставлены лица: Ратуды, наперсницы королевы и мамки Офеліи. У Дюсиса выпущены всѣ тѣ же лица что и у Сумарокова, кромѣ Вольтиманда, Гораціо названъ Гаральдомъ, Офелія является не дочерью Полонія, но дочерью самаго Клавдія, Клавдій не король Даніи и не мужъ Гертруды, королемъ же выведенъ Гамлетъ, вставлено лицо Эльфриды наперсницы Гертруды. Объ изложеніи главныхъ характеровъ мы уже говорили выше.

Обратимся теперь къ переводамъ Гамлета на русскій

языкъ. Первый изъ нихъ по хронологическому порядку принадлежитъ извѣстному переводчику «Фауста» М. П. Вронченки. Переводъ этотъ вышелъ въ свѣтъ въ 1828 году. Послѣ него слѣдуетъ переводъ Полеваго, изданный въ 1838. году и переводъ Кронеберга, явившійся въ 1844. Лучшимъ изъ всѣхъ этихъ переводовъ, по своей вѣрности и поэтической передачѣ смысла подлинника — переводъ Вронченки, не смотря на свой тяжелый языкъ, впрочемъ весьма простибельный для времени, въ которое сдѣланъ переводъ (1826 и 27 годы). Переводъ Полеваго отличается гладкимъ языкомъ, но далеко не вѣренъ; переводчикъ позволялъ себѣ вставки, отступленія и выпуски, и эти поэтическія вольности сильно ослабляютъ впечатлѣніе прекраснаго языка для всякаго, кто привыкъ считать каждое слово Шекспира святынею. Кромѣ того Полевой, плохо зная англійскій языкъ, почти незнакомый съ литературой комментаторовъ Шекспира, позволялъ себѣ произвольныя толкованія и очень часто искажалъ смыслъ Шекспировскаго подлинника. Лучшимъ доказательствомъ служить извѣстная его пѣсня Офеліи, переводъ которой Полеваго извѣстенъ всей Россіи. Эффектная музыка Варламова сдѣлала его любимымъ романсомъ нашихъ доморожденныхъ пѣвицъ. Не смотря однакоже на эту популярность, переводъ этой пѣсни, одно изъ самыхъ неудачныхъ мѣстъ въ переводѣ, или вѣрнѣе въ передѣлкѣ Полеваго, и здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо обнаруживается его непониманіе настоящаго духа Шекспира. Заставляя пѣть Офелію, англійскій трагикъ для этого пѣнія выбралъ отрывки изъ старинныхъ балладъ — общій характеръ этихъ отрывковъ, — печаль объ утратѣ, сначала друга, потомъ дѣвичьей чести, и наконецъ горе о чьей-то смерти. Смыслъ этотъ схваченъ Полевымъ, но онъ не понималъ главной трагической струны всей сцены, и потому позволялъ себѣ очень странную передѣлку, основанную на какихъ-то узкихъ понятіяхъ о приличіи (какъ у мѣста думать о сезонномъ приличіи перевода Шекспира!).

Первый отрывокъ, который поетъ Офелія, въ подлинникѣ состоитъ изъ распросовъ дѣвушки объ ея миломъ, который отправился пилгримомъ въ Св. землю, и въ отвѣтъ на эти вопросы, изъ котораго видно, что онъ умеръ и похороненъ гдѣ-то далеко. Вотъ этотъ отрывокъ въ переводѣ Вронченки:

Какъ узнать твоего мнѣ, красавица, друга.
 Какъ узнать межъ народной толпой
 Онъ въ сандаляхъ тяжкихъ, въ распущенной шляпѣ
 Въ рукахъ его жезлъ съ булавой.
 Ахъ далеко, далеко, красавица, другъ твой
 Въ сырую могилу зарыть
 Въ головахъ его, — холмикъ наложенъ дериновъ,
 Въ ногахъ сѣрый камень лежитъ.

Какъ не близокъ этотъ переводъ, но все еще онъ не передаетъ всей простоты подлинника, простоты, составляющей его главное достоинство. особенно во второмъ куплетѣ, буквальный переводъ котораго мы приводимъ здѣсь

Онъ умеръ, онъ далеко, сударыня,
 Онъ умеръ и далеко
 Въ головѣ у него зеленый холмъ.
 Въ ногахъ камень.

Изъ этихъ-то простыхъ, безыскусственныхъ словъ, Полевой смастерилъ извѣстные эффектные куплеты

Моего-ль вы знали друга
 Онъ былъ бравый молодецъ... и т. д.

Богъ знаетъ, зачѣмъ, придавъ бѣлыя перья и званіе перваго бойца Даніи смиренному пилигриму.

Но главный промахъ Полеваго, въ переводѣ втораго отрывка. Схумасшедшая Офелія, этотъ идеалъ чистоты и святости, поэтъ у Шекспира пѣсно не только двусмысленною, но положительно неприличною, и этотъ-то страшный диссонансъ между ее дѣвственною непорочною и смысломъ ея пѣсни, составляетъ главный трагическій мотивъ всей сцены. Все погибло для Офеліи, разсудокъ ея потерявъ, чистыя губы ея, созданныя кажется для произнесенія одной молитвы, безсознательно оскверняются непристойными напѣвами!... зрителю и читателю становится томительно жалко этой несчастной дѣвушки... Офелія поетъ:

Спишь ли другъ мой иль нѣтъ? ужъ алѣетъ зари
 Валентинова краснаго дня
 Я прокрадись тайкомъ, здѣсь стою подъ окномъ
 О! прими Валентинъ мой меня!
 Онъ услышалъ привѣтъ, черезъ мигъ оня одѣтъ
 Двери настежь, ворота скрипятъ

И дѣвица красавица къ другу вошла
 Но пошла не дѣвица назадъ.

Полевой отступилъ предъ смысломъ послѣднихъ двухъ фразъ, онъ побоялся перевести ихъ и замѣнилъ сентиментальной фразой

Быть ей вѣрнымъ страшно клялся
 Обманулъ и разлюбилъ.

Самъ Вронченко не рѣшился буквально перевести послѣдняго куплета втораго отрывка, испугавшись, вѣроятно, рѣзкой откровенности его выраженій, но, по нашему мнѣнію, такая осторожность была не у мѣста, потому что въ этомъ-то пунктѣ и заключается главный трагизмъ о которомъ мы упомянули выше, и мы не смотря на примѣръ трехъ переводчиковъ рѣшились въ нашемъ переводѣ передать смыслъ куплета буквально, именно:

«Дѣвица говорить другу—

Обманулъ меня ты страшно
 Общала на мнѣ жениться,

«А другъ ей отвѣчаетъ—

И женился-бъ, — чортъ же дернулъ
 До вѣнца въ постель ложится.

Намъ кажется, что лучше сохранить эту безыскусственную, современно-средневѣковую рѣзкость выраженій, чѣмъ позволять себѣ передѣлки въ родѣ той на которую посягнулъ Полевой.

Но это еще не все, въ приведенномъ нами примѣрѣ Полевой только измѣнилъ смыслъ подлинника, отступилъ передъ показавшейся ему излишнею, смѣлостью выраженія, — въ другомъ мѣстѣ онъ позволилъ себѣ вещь еще болѣе странную, а именно онъ вздумалъ *поправлять* Шекспира, и въ сценѣ Гамлета съ королевой *выкинулъ* явленіе тѣни, заставивъ Гамлета разговаривать съ самимъ собою и выпуска слова призрака. Трудно сказать, что побудило Полеваго на такое искаженіе? можетъ быть онъ слышалъ сторону, что нѣкоторые комментаторы Шекспира объясняютъ это мѣсто такъ, предполагая что, слова произнесенныя тѣнью, говоритъ самъ Гамлетъ; но еслибы Полевой взялъ на себя трудъ поближе познакомиться съ литературою комментаріевъ Шекспира, онъ увидалъ бы, что мнѣніе это при-

надлежитъ къ тому разряду перехитренныхъ умозрѣній о Шекспирѣ, крайнею гранью которыхъ служитъ знаменитая критическая утка о томъ что, самъ Шекспиръ — мнотъ, и что подъ этимъ именемъ писалъ знаменитый Бэконъ.

Хорошимъ примѣромъ искаженій Шекспировскаго смысла у Полеваго служатъ слова Гамлета къ Розенкранцу, когда онъ на отвѣтъ Розенкранца что тотъ не умѣетъ играть на флейтѣ, спрашиваетъ его какимъ же дуракомъ онъ его считаетъ, если, неумѣя играть на флейтѣ — что по его словамъ такъ же легко какъ лгать, хочетъ играть имъ, Гамлетомъ. Гамлетъ кончаетъ такъ:

«Ты можешь считать меня какимъ угодно музыкальнымъ инструментомъ, ты можешь разбить меня, но не можешь играть на мнѣ!»

Вмѣсто этого Полевой поставилъ одну только фразу.

«Какъ же ты не умѣешь играть на флейтѣ, а хочешь играть на души моей».

Что, по нашему мнѣнію, вовсе не одно и тоже.

Мы уже не говоримъ о вставкахъ цѣлыхъ фразъ, въ родѣ

За человѣка страшно мнѣ

И проч.

Переводъ Кронеберга очень неровенъ, мѣстами онъ замѣчательно хорошъ, а мѣстами крайне слабъ, нѣкоторые характеры (напр. король) очень удались переводчику, но самъ Гамлетъ крайне неудаченъ; его пламенные, полныя смысла рѣчи обратились у Кронеберга въ напыщенные тирады. Кромѣ того въ этомъ переводѣ много темныхъ, неясныхъ выражений въ родѣ слѣдующихъ:

Этотъ а томъ

Исторгивъ снизу изъ очей...

Выраженіе, которое слово въ слово переводится такъ: «Нѣтъ, эта соринка, попавшая въ нашъ умственный глазъ для того, чтобы помянуть наше душевное зрѣніе.»

Или

Бѣлый саванъ

Носился вдоль столицы

Вмѣсто «тѣни со стономъ блуждали по улицамъ столицы въ бѣлыхъ саванахъ.»

Очень хороша у Кронеберга пѣсня Офеліи, но вообще языкъ перевода не отличается легкостью, хотя самый не-

реводъ, очевидно предпринять, потому что авторъ нашелъ слишкомъ тяжелымъ языкъ перевода Вронченки, и предпринялъ свой по той же программѣ съ желаніемъ замѣнить его лучшимъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго нами о трехъ переводахъ «Гамлета», мы разберемъ знаменитый монологъ Датскаго принца «быть или не быть» въ текстѣ Вронченки, Полеваго и Кронеберга. Разборъ этотъ покажетъ намъ, лучше всего отличительныя качества и недостатки каждаго изъ переводовъ.

Но прежде всего нѣсколько словъ о самомъ монологе. Коментаторы Шекспира не согласны между собою на счетъ причины вызвавшей эти мысли въ Гамлетѣ. Нѣкоторые утверждаютъ, что монологъ этотъ — результатъ только что прочитаннаго передъ этимъ сочиненія одного изъ древнихъ философовъ о безсмертіи души; другіе говорятъ что Гамлетъ въ это время думаетъ о самоубійствѣ и слова его плодъ этой думы. Такъ или иначе, но монологъ этотъ въ короткихъ и рѣзко опредѣленныхъ словахъ превосходно выражаетъ то состояніе сомнѣнія, въ которомъ находитъ большая часть мыслящихъ людей насчетъ этого темнаго вопроса, и вотъ причина почему до сихъ поръ онъ остается для читателей самымъ выдающимся мѣстомъ всей трагедіи, хотя въ этомъ дивномъ, органически-стройномъ созданіи есть много другихъ мѣстъ столь же прекрасныхъ и глубокихъ. Мы не совсѣмъ согласны съ тѣми толкователями которые утверждаютъ что монологъ этотъ выражаетъ сущность характера Гамлета, — не въ одномъ этомъ отрывкѣ видѣтъ этотъ дивно очерченный характеръ Гамлета, онъ рисуется еще съ большею ясностію въ другихъ монологахъ датскаго принца, какъ напримѣръ въ монологѣ

Что онъ Гекубѣ и ему Гекуба?

И въ монологе послѣ встрѣчи Гамлета съ войсками Фортинбраса. По нашему мнѣнію, главное его значеніе состоитъ въ томъ что онъ изображаетъ внутреннее состояніе мыслящей и сомнѣвающейся (одно съ другимъ почти нераздѣльно) части человѣчества, представителемъ которой служитъ Гамлетъ.

Но обратимся къ переводамъ, начнемъ съ самаго удачнаго не смотря на свой тяжелый стихъ, съ перевода Вронченки.

Быть или не быть, — таковъ вопросъ...

Начинается онъ, и по нашему мнѣнію эти послѣднія слова: «такъ, вопросъ» гораздо лучше передаютъ смыслъ выраженія подлинника «that is the question» (буквально «вотъ есть вопросъ») чѣмъ вотъ въ чемъ вопросъ» Полевого и Кронеберга. Въ нашемъ переводѣ мы поставили «вотъ онъ, вопросъ» считая такой переводъ еще ближе къ смыслу подлинника. Далѣе:

Умереть, уснуть

Не боги, сномъ всегдашнимъ прекратитъ.
Всѣ окорби сердца, тысячи мученій,
Наслѣдье праха — вотъ конецъ достойный
Желаній жаркихъ. Умереть — уснуть.
Уснуть?—Но сновидѣнія? Вотъ препона.

Не смотря на устарѣлое слово «препона», эти стихи превосходны, ихъ отрывочность какъ нельзя лучше передаетъ то состояние духа, въ которомъ произносятся они Гамлетомъ. Кромѣ того они имѣютъ еще достоинства буквальной вѣрности съ подлинникомъ.

Полевой переводитъ это мѣсто такъ:

Умереть—уснуть—не больше—и окончить сномъ
Страданія сердца, тысячи мученій
Наслѣдство тѣла — какъ не пожелать
Такого окончанья!... Умереть—уснуть.
Уснуть—быть можетъ грезить?—Вотъ и затрудненіе!

Здѣсь нѣсколько промаховъ. Во первыхъ «и окончить сномъ» далеко не такъ опредѣлительно какъ «и этимъ сномъ всегдашнимъ прекратить». Во вторыхъ «наслѣдство тѣла» вовсе не передаетъ мысли Шекспира, который говоритъ тутъ о томъ, что страданія сердца и тысячи мученій суть наслѣдственное состояніе нашей брэнной плоти и отъ нея только и записать.

Фраза: «какъ не пожелать такого окончанья» по своему обороту не идетъ къ возвышенному строю рѣчи Гамлета. Наконецъ выраженіе «быть можетъ грезить» не совсѣмъ близко переводитъ Шекспировское «To sleep! perchance to dream,» такъ мѣтко переведенное Вронченкой: «Уснуть—на сновидѣнія?» слѣдующая фраза «вотъ и затрудненіе» также не ловка на своемъ обороту, Гамлетъ вовсе не говоритъ «о чтвотъ и есть одно затрудненіе» какъ можно, понять изъ фразы Полевого, но прямо указываетъ, что въ этихъ-то

снахъ и заключается главное затрудненіе къ лишенію себя жизни.

У Кронеберга мѣсто это тоже не очень удачно:

Окончить жизнь — уснуть

Не болѣе! И знать что этотъ сонъ
Окончитъ грусть, и тысячи ударовъ
Удѣлъ живыхъ.... Такой конецъ достойнъ
Желаній жаркихъ! — Умереть — уснуть.
Уснуть!

Но если сонъ видѣнья посѣтитъ?

Здѣсь двѣ амфификаціи. «Окончить жизнь» вмѣсто «умереть» (to die) «но если сонъ видѣнья посѣтитъ» вмѣсто простыхъ и глубоко потрясающихъ словъ «а сновидѣнья?» кромѣ того «грусть» вмѣсто «скорби сердца» и «тысячи ударовъ» вмѣсто «тысячи мученій» неопредѣленно.... «ударовъ чего?»

Фраза «удѣлъ живыхъ» вмѣсто «наслѣдье праха» также не совсѣмъ удачна.

Далѣе у Вронченки:

Какія будутъ въ смертномъ снѣ мечты,
Когда мятѣжную мы свергнемъ брэнность
О томъ помыслить должно. Вотъ источникъ
Столь долгой жизни бѣдствій и печалей!
И ктобъ снесъ бичъ и поношеніе снѣта
Обиды гордыхъ, притѣсненіе слабыхъ,
Законовъ слабость, знатныхъ своевольство
Осмѣяній любви муки, злое
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда одинъ книжала лишь ударъ
И онъ свободенъ? Кто въ ярѣ ходилъ бы
Стеналъ подъ игомъ жизни и томился,
Когда бы страхъ грядущаго по смерти
Неведомой страны изъ коей нѣтъ
Сюда возврата, не тревожилъ вози
Не заставлялъ скорѣй сносить зло жизни,
Чѣмъ убѣгать отъ ней къ бѣдамъ безвѣстнымъ?

Здѣсь всего два неудачныхъ выраженія, которые мы подчеркнули: «мятежная брэнность», поставленная вмѣсто «бурнаго существованія» и два неловкіе стиха

Когда бы страх грядущаго по смерти
Невѣдомой страны и проч.

Въ которыхъ недостаточно видно по обороту, что Гамлетъ называетъ смерть «невѣдомой страной» и пр. все остальное превосходно.

У Полеваго: мы читаемъ.

Да въ этомъ смертномъ снѣ *какіе сновидѣнья*
Намъ будутъ, когда буря жизни пролетитъ?
Вотъ остановка, вотъ для чего жотимъ мы
Влечись я лучше въ долгой жизни —
И чтобы перенесъ обиды, злобу свѣта,
Тирановъ тордость, сильныхъ оскорбленія
Любви отвергнутой тоску, тѣту законовъ,
Судей безстыдство, и *презрѣнье это*
Заслуги терпѣливой за дѣянья чести
Когда покоемъ подарить насъ можетъ
Одинъ ударъ! И кто понесъ бы это иго
Съ проклятіемъ, слезами, тяжелой жизни.
Но страхъ что будетъ тамъ? тамъ
Въ той безвѣстной сторонѣ, откуда
Нитъ пришлецовъ.... Трепетъ поля
И тяжело заставляетъ насъ страдать
Но не бѣжать къ тому что такъ безвѣстно...

Здѣсь множество ошибокъ и промаховъ не считая уже положительно дурныхъ стиховъ, не имѣющихъ даже развѣра, каковы напр. 2-й, 3-й и 9-й. Оборотъ «какія сновидѣнья намъ будутъ» — не русскій; фраза «влечется въ жизни» вмѣсто «влечить жизнь» тоже не русская; выраженіе «презрѣнье это, заслуги терпѣливой за дѣянья чести» темно и слова «дѣянья чести» вовсе нѣтъ въ подлинникѣ. Точно также странна по обороту фраза «это иго, съ проклятіями, слезами, тяжелой жизни» въ которой подлежащее отдѣлено отъ дополненія цѣлой вставной фразой. Повтореніе слова *тамъ*, два раза къ ряду производитъ очень комическое впечатлѣніе напоминая звуками названіе музыкальнаго инструмента индѣйцевъ. Наконецъ *пришлецы* вмѣсто *возвращающіеся* во все не передаетъ идеи подлинника и не могло быть сказано Гамлетомъ, еще недавно видѣвшимъ *пришлеца* съ того свѣта — отца своего.

Кронебергъ вовсе выпускаетъ слова «вотъ затрудненіе» послѣ словъ «а сны?» и прямо начинается:

Что за мечты на смертный сонъ *слетѣтъ*,
Когда страхнемъ мы суету земную,
Вотъ что дальнѣйшій заграждаетъ путь,
Вотъ отчего бѣда такъ долговѣчна!
Кто снесъ бы бичъ и *посмѣянье вѣка*
Безсилъе правъ, тирановъ притѣсненіе
Обиды гордаго, забытую любовь,
Презрѣнныя души презрѣніе къ заслугамъ,
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ? Кто несъ бы жизни бремя.
Кто гнулся бы подъ тяжестью трудовъ?
И только страхъ чего-то послѣ смерти
Страна безвѣстная, откуда путникъ
Не возвращался къ намъ, смущаетъ волю
И мы снесемъ скорѣй земное горе,
Чѣмъ убѣжимъ къ безвѣстности за гробомъ.

Это гораздо удачнѣе перевода Полеваго, но все еще не вѣрно. «Мечты, слетающія на смертный сонъ» оборотъ, совершенно неправильный, «бичъ и посмѣянье вѣка» не вѣрно, въ подлинникѣ не *вѣкъ а свѣтъ*, какъ перевели Вронченко и Полевой. Стихъ «презрѣнныя души презрѣніе заслугамъ» прекрасенъ, но дѣликомъ взять у Вронченки; наконецъ оборотъ «послѣ смерти, *страна безвѣстная* и проч.» грѣшитъ противъ грамматики. Далѣе у Вронченки:

Такъ робкими творить насъ часто совѣсть,
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнію тусклѣютъ размышленія
И замысловъ отважные порывы,
Отъ сей препоны уклоняя бѣгъ свой
Имень дѣянья не стяжаютъ. Ахъ
Офелія! О нимфа! Помяни
Мои грѣхи въ своей молитвѣ.

Не смотря на тяжелый языкъ и старые обороты, эти стихи превосходны по своей вѣрности съ подлинникомъ. Особенно удачны второй и третій стихи. У Полеваго именно въ этихъ стихахъ встрѣчается неясность:

И яркий цвѣтъ могучаго рѣшенія

Блѣднѣетъ передъ мракомъ размышленія.

Изъ которыхъ мы можемъ заключить, что яркій цвѣтъ относится не къ лицу человѣка, принявшаго твердое рѣшеніе, а къ самому этому рѣшенію, между тѣмъ какъ у Шекспира фраза эта значитъ вотъ что: «Такъ размышленіе стоняетъ съ лица человѣка яркій румянецъ рѣшимости». У Кронеберга это выражено хорошо, хотя и не довольно сильно:

Такъ блекнетъ въ насъ румянецъ сильной воли,

Когда начнемъ мы размышлять.

Но за то фраза «и смѣлая мысль не становится дѣломъ», такъ близко переведенная Вронченко, и превосходно переданная Полевымъ:

И мысль не переходитъ въ дѣло

Передана крайне-слабо и въ искаженномъ видѣ.

.....слабѣетъ

Живой полетъ отважныхъ предпріятій

И робкій путь склоняетъ прочь отъ цѣли.

Мы кончили нашъ разборъ, изъ него видно что покойный; Вронченко, старавшійся какъ самъ сознается въ предисловіи къ своему переводу, всего болѣе о *буквальной вѣрности*, съумѣлъ въ тоже время сдѣлать его вполне удовлетворительнымъ и въ поэтическомъ отношеніи. Полевой же, этотъ ни въ чемъ не сомнѣвавшійся недоученый энциклопедистъ, не совладалъ къ великости мысли Шекспира и исказилъ великое произведеніе. Съ какою же цѣлью переводилъ «Гамлета» г-нъ Кронебергъ — мы, право, не знаемъ. Кажется онъ имѣлъ въ виду дать намъ вполне вѣрный переводъ великаго созданія Шекспира, переводъ, написанный легкимъ каждому безъ затрудненія понятнымъ языкомъ; но въ такомъ случаѣ онъ сильно ошибся, и такого перевода до сихъ поръ еще ждетъ русская литература. Мы взяли на себя ту же задачу, какъ мы ее рѣшили, судить не намъ.

НИХАНЪ ЗАГУЛЯЕВЪ.

5-го Апрѣля,
1861 года.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ русской литературѣ существуетъ три перевода «Гамлета», сдѣланные въ разное время Вронченкою, Полевымъ и Кронебергомъ, кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ другихъ переводчиковъ. Лучшимъ изъ трехъ упомянутыхъ переводовъ долженъ считаться переводъ Вронченки по своей полнотѣ и вѣрности. Попытка Кронеберга не можетъ назваться удачною, а передѣлка Полеваго грѣшитъ въ довольно сильной степени относительно вѣрности и точности.

Переводъ Вронченки, который, какъ мы уже сказали, долженъ считаться лучшимъ, сдѣланъ былъ очень давно: первое изданіе его появилось еще въ 1828 году. Само собою разумѣется, что языкъ этого перевода въ настоящее время сильно устарѣлъ, — это сознавалъ и покойный переводчикъ, который даже собирался передѣлать свой замѣчательный трудъ, но смерть помѣшала ему исполнить его намѣреніе.

Полагая, что вѣрный и *удобочитаемый* переводъ величайшаго изъ произведеній Шекспира будетъ далеко не лишнимъ въ нашей литературѣ, когда на нашей сценѣ являются замѣчательно хорошіе переводы другихъ произведеній англійскаго драматурга, какъ-то переводы: *Лира*, А. В. Дружинина, *Шейлока*, Ап. А. Григорьева и *Отелло*, П. В. Вейнберга и давно занимаюсь серьезно изученіемъ «Гамлета», я рѣшился приступить къ новому переводу этой трагедіи, болѣе всего заботясь о вѣрности, и вмѣстѣ объ удобочитаемости этого перевода.

Я не отступалъ ни передъ одною строкою Шекспира: отбросивъ узкій пуританизмъ, и полагая, что это лучше чѣмъ искажать и передѣлывать, — я рѣшился переводить всякое его слово, обходясь съ нимъ какъ святыней, завѣщанной намъ великимъ гениемъ.

Оставляя критикѣ и читателямъ судить на сколько и успѣлъ въ своей задачѣ, я удерживаю за собой только право заявить, что старался дѣлать свое дѣло какъ можно добросовѣстнѣе.

М. Зауленевъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Клавдій, король Давін.
 Гамлетъ, сынъ покойнаго короля и племянникъ царствующаго.
 Полоній, великій камергеръ.
 Горацио, другъ Гамлета.
 Лавртъ, сынъ Полонія.
 Вольтимандъ
 Корнелій
 Розенбранцъ
 Гильденштернъ
 Озрикъ
 Придворный.
 Священникъ.
 Марцелло
 Бернардо
 Франциско, солдатъ.
 Посланникъ.
 Тѣнь отца Гамлета.
 1-й
 2-й
 Могильщики.
 Фортинбрасъ, норвежскій принцъ.
 Офицеръ норвежской арміи
 Ринальдо, слуга Полонія.
 1-й актеръ.
 2-й актеръ.
 Антриса.
 Гертруда, королева Давін, мать Гамлета и жена Клавдіа.
 Офелія, дочь Полонія.
 Придворные, дамы, офицеры, солдаты, актеры, священники, матросы, по-
 сланники, слуги и проч.

Дѣйствіе происходитъ въ Эльсинорѣ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ. ЭЛЬСИНОРЪ. ТЕРРАСА ПЕРЕДЪ КОРОЛЕВ- СКИМЪ ЗАМКОМЪ.

На переднемъ планѣ стѣна замка съ бойницами, въ срединѣ стѣны
 выступъ, на которомъ расположена терраса; къ террасѣ ведутъ два
 вѣсхода, за стѣной видна верхняя часть дворца съ башнями и освѣ-
 щенными окнами. Часовые ходятъ по стѣнѣ взадъ и впередъ, облач-
 ная, но лунная ночь, вѣтеръ (1).

Франциско на стражѣ на стѣнѣ. Бернардо идетъ къ нему на
 смѣну по правому вѣсходу.

Бернардо. Кто здѣсь!
 Франциско. Самъ отвѣчай! какой пароль и лозунгъ!
 Бернардо. Да здравствуетъ король!
 Франциско. Бернардо?
 Бернардо. Онъ!
 Франциско. Исправенъ!
 Бернардо. Ужъ полночь, отпавляйся-ко въ постель, Франциско.
 Франциско. Спасибо вамъ за это, холодна
 И скука страшная.
 Бернардо. А все благополучно?
 Франциско. И мышъ не поскреблась.
 Бернардо. Ну, такъ спокойной ночи.
 Коль встрѣтишь ты Горацио и Марцелло
 Моихъ товарищей по стражѣ, — торопи ихъ.
 (По правому вѣсходу всходятъ Горацио и Марцелло)

1) Обстановка каждой сцены не находится въ оригиналѣ. Она ре-
 зультатъ собственныхъ соображеній переводчика и собранныхъ имъ
 свѣдѣній на счетъ постановки «Гамлета» на лучшихъ англійскихъ и
 германскихъ сценахъ.

Франциско. Вонъ, кажется, они идутъ и сами.

Стой кто идетъ?

Горацио. Друзья отечества!

Марцелло. Вассалы короля

Великой Давид.

Франциско. Ну, такъ спокойной ночи,

Марцелло. Прощай, товарищъ, кто тебя съѣдидъ?

Франциско. Бернардо. Доброй ночи.

(Уходитъ по лѣвому входу).

Горацио. Эй, Бернардо!

Бернардо. Горацио? это ты?

Горацио. Немножко.

Бернардо. Очень радъ

Васъ видѣть здѣсь, мой вѣрный другъ Горацио,

И ты мой дорогой Марцелло.

Горацио. Ну, чтожъ являлось нынче привидѣнье?

Бернардо. Я не видалъ.

Марцелло. Горацио говорить,

Что это лишь одна игра воображенья,

И все не хочеть вѣрить въ страшный призракъ,

Который видѣли мы здѣсь два раза;

Поэтому, я пригласилъ его

Сегодня съ нами простоять на стражѣ,

Чтобъ въ случаѣ, коль будетъ снова призракъ

Здѣсь проходить, онъ самъ бы могъ повѣрить

То что мы видѣли, и говорить съ видѣньемъ.

Горацио. Все это сказки, не придетъ вашъ призракъ!

Бернардо. Присядемъ на минуту, и опять

Мы нападѣмъ на слухъ твой маловѣрный

Съ рассказомъ истиннымъ про то что мы видали

На этомъ мѣстѣ, ужъ двѣ ночи сряду.

Горацио. Ну, чтожъ, присядемъ!... Начинай Бернардо...

Бернардо. Вчерашней ночью, въ часъ, когда вотъ эта

Звѣзда, отъ полюса на западъ что сверкаеть,

Обычный кругъ свой обошла, и снова

Пришла на мѣсто, гдѣ теперь сіяеть,

Я и Марцелло, только что на башнѣ

Пробило часъ....

(Тѣнь появляется на стѣнѣ)

Марцелло. Т-съ! Т-съ! Молчите...

Смотрите вотъ оно ²⁾ опять!

Бернардо. Какое сходство

Съ покойнымъ королемъ!

Марцелло. Горацио!

Ты всякимъ обучался вѣдь наукамъ ³⁾

Поговори съ нимъ...

Бернардо. А не правдажь, сходство

Съ покойнымъ королемъ, разительно?... Смотри!

Горацио. Да! сходство страшное, я просто каменью

Отъ удивленія и страха.

Бернардо. Онъ какъ будто

Здѣсь дожидается, что съ нимъ заговорять

Марцелло. Заговори, Горацио, съ нимъ!

Горацио. (къ тѣни) О! кто ты

Въ сей страшный часъ принявшій на себя

Воинственный и величавый видъ

Скончавшагося датскаго владыки?

Во имя неба, заклинаю — отвѣчай мнѣ!

Марцелло. Онъ недозволенъ.

Бернардо. Онъ уходитъ прочь

Величественнымъ и нескорымъ шагомъ.

(Тѣнь проходитъ по стѣнѣ налѣво).

Марцелло. Онъ удалился, намъ не давъ отвѣта.

Бернардо. Ну, что Горацио? аргументы и поблѣдствія?

Не правдали, что это не похоже,

²⁾ Слово *оно*, буквальный переводъ подлинника, мы сохранили его потому, что, по нашему мнѣнію, оно отлично опредѣляетъ то впечатлѣніе смутнаго страха, которое производитъ появленіе призрака на присутствующихъ.

³⁾ Ученые того времени, необходимо почти занимались магіей и слѣдовательно, по мнѣнію большинства, должны были знать какъ обращаться съ духами.

На тщетную игру воображенья?...

Что скажешь, другъ?

Гораціо. Клянуся небесами

Я не повѣрилъ бы, коль не были бѣ порукой
Неотрицаемой и вѣрной мнѣ глаза.

Марцелло. Не правдали, похожъ на короля онъ?

Гораціо. Какъ ты похожъ на самого себя!

Въ томъ самомъ панцирѣ, сражался онъ съ Норвежцемъ
И съ тѣмъ же грознымъ видомъ, въ жаркомъ спорѣ,
Въ саниахъ онъ поляка ударилъ, и на мѣстѣ
Его оставилъ мертвого на льду...
Да! очень странно!

Марцелло. Точно также

Уже два раза, въ этотъ часъ безмолвный,
Онъ прежде проходилъ предъ нашимъ постомъ
Воинственнымъ и величавымъ шагомъ.

Гораціо. Не знаю что и думать, но по мнѣнью моему

Для государства это предвѣщанье
Переворота, и тревоги страшной.

Марцелло. Однако садѣмъ. Пусть изъ васъ кто знаетъ

Тотъ растолкуетъ мнѣ подробно и толково,
Что значить эта бдительная стража,
Которой, каждой ночью, утомляютъ
Всѣхъ королевскихъ подданныхъ? Зачѣмъ
Здѣсь ежедневно пушки отливаютъ
И закунаютъ за границей горы
Оружія и воинскихъ припасовъ?
Зачѣмъ на верфяхъ этотъ полкъ рабочихъ,
Которымъ отдыха и въ праздникъ нѣтъ какъ въ будень?
Зачѣмъ тревога эта и поспѣшность,
По милости которыхъ, трудъ дневный
И ночью продолжается какъ днемъ?
Кто объяснить мнѣ, что готовится такое?

Гораціо. Я объясню, хотя по слухамъ только,
Которые здѣсь ходятъ.... Вамъ извѣстно,
Что прежній нашъ король, котораго мы призракъ
Здѣсь видѣли сейчасъ, Норвежскимъ Фортинбрасомъ
Былъ вызванъ на единоборство. Злая зависть,

И гордость непомѣрная Норвежца,
Причиной были вызова его.
Въ единоборствѣ этомъ, храбрый Гамлетъ
(А храбрымъ признанъ былъ онъ всѣмъ, что есть живаго;)
Убилъ соперника. А въ силу договора,
Согласнаго съ закономъ поединка,
И освященномъ подписью съ печатью,
Бойцовъ обоихъ, съ смертью Фортинбраса
Владѣнія его во власть переходили
Того кто побѣдилъ. Съ своей же стороны,
Король нашъ подписалъ подобное условье;
И въ случаѣ, когда бѣ онъ былъ убитъ,
Часть равная земли, въ владѣніе Фортинбраса,
Должна была отъ Датчанъ перейти.
По силѣ этого взаимнаго условья,
Наслѣдье побѣжденнаго должно
По праву было перейти къ Гамлету.
Но юный Фортинбрасъ, кипя отвагой бурной,
Неопытный въ дѣлахъ такого рода, созвалъ
Со всѣхъ сторонъ къ Норвегій границамъ,
Толпу отважныхъ удалцевъ, готовыхъ,
За пропитаніе дневное, помогать
Попыткѣ дерзкой; и теперь намѣренъ,
Какъ извѣщаютъ короля, отнять
Вооруженною рукой и силой
Всѣ земли, что отецъ его утратилъ.
И вотъ, по моему, главнѣйшая причина,
Приготовленій спѣшныхъ, сильной стражи
И шумной дѣятельности, которую мы всѣ
Такъ ясно замѣчаемъ въ государствѣ.

Бернардо. Я думаю, твои догадки вѣрны,

И это объясняетъ почему,

Мы видимъ здѣсь, предъ стражей, появленіе
Вооруженной и величественной тѣни
Того, кто былъ и есть причиною войны.

Гораціо. Признаться, эта тѣнь,—какъ будто бы соринка,
Попавшая нарочно въ глазъ разсудка,
Чтобъ ослабить его прозорливое зрѣніе!

Въ эпоху славы и величья Рима,
 Не задолго предъ Юліа паденьемъ,
 Вскрывались могилы, и по стогнамъ
 Блуждали мертвые въ покровахъ похоронныхъ
 И громкимъ воплемъ гражданъ всѣхъ пугали.
 На небѣ звѣзды, хвостъ огнистый за собой,
 Въ своемъ теченіи привычною оставляли,
 И дождь кровавый падалъ съ облаковъ.
 На солнцѣ, знаки гибелью грозили,
 И влажное свѣтило полуночи,
 Властитель области Нептуна, затмѣвалось
 Такъ грозно, что подумать было можно,
 Что часъ насталъ переставленья свѣта....
 И вотъ, теперь всѣ тѣ же знаки снова,
 Предтечи горестныхъ событій и дѣяній
 И провозвѣстники судьбы, начало
 Великихъ бѣдствій, появились опять,
 Ихъ небо и земля показываютъ намъ,
 Въ другихъ странахъ, во времена нынѣ,
 Въ глазахъ согражданъ нашихъ и....

(Тѣнь появляется съ лѣвой стороны).

Но тише!

Опять явилось грозное видѣнье!...
 Пусть громомъ разразитъ меня оно,
 А я къ нему съ вопросомъ обращуся. *(тѣни).*
 Видѣнье, стой! И если только голосъ
 Имѣешь ты, и звуки издавать
 Ты въ состояніи—то отвѣчай!

Быть можетъ

Какойнибудь благой поступокъ въ силахъ
 Помочь тебѣ, и быть тебѣ полезнымъ
 Для твоего спасенья?...

Отвѣчай мнѣ!

Коль знаешь ты, что Даніи несчастье
 Намъ неизбѣстное грозитъ, и если можно,
 Его заранѣе узнавъ, избѣгнуть зла,
 —То отвѣчай мнѣ!

Если ты при жизни

Зарылъ въ землѣ, неправо нажитое
 Сокровище, и если, какъ повѣрье
 Намъ говорить, ты бродишь на землѣ
 Другимъ духамъ поэтому подобно,
 То отвѣчай мнѣ!

(слышно плѣс плетуха).

Стой! и отвѣчай!

Я требую!... Держи его, Марцелло.

Марцелло. Коньемъ ударить развѣ?

Горацио. Бей коньемъ,

Коль такъ не хочетъ онъ остановиться!

Бернардо. Сюда!

Горацио. Сюда! *(тѣнь исчезаетъ).*

Марцелло. Напрасно! онъ исчезъ.

Какъ величавъ былъ видъ его! Не кстати
 Мы вздумали насилье въ ходъ пустить!
 Онъ невредимъ какъ воздухъ, и удары
 Безсильныхъ нашихъ коней, пресмѣшное
 Услѣіе немощнаго лишь гнѣва!

Бернардо. Онъ кажется собирався отвѣчать,
 Когда заплѣлъ плѣтухъ....

Горацио. При этомъ содрогнулся

Онъ какъ преступникъ, пойманный нежданно.
 Я слышалъ часто, что плѣтухъ—трубачъ Авроры,
 Своимъ пронзительнымъ и громкимъ крикомъ будить
 Свѣтило дня, и что при этомъ духи,
 Блуждающіе по водѣ и сушѣ,
 Въ огнѣ, и въ воздухѣ,—торопятся, скорѣй,
 Въ свои владѣнія убраться—то что было
 Сегодня съ нами, убѣждаетъ насъ,
 Что это правда.

Марцелло. Да при первомъ крикѣ

Онъ тотчасъ же исчезъ. Иные говорятъ,
 Что нѣсколько ночей предъ Рождествомъ,
 Плѣтухъ поетъ безъ умолку—въ то время
 Не смѣютъ духи появляться и вліянье,

Таких почей, здорово, благотворно,
И ни одна звезда влияния дурного,
Тогда на человека не имѣть. Колдовство
Теряет силу, а колдуньи власть,
Такъ благотѣльно бываетъ это время!

Гораціо. Я слышалъ тоже, и отчасти вѣрю.

Но вотъ ужъ утро въ мантии пурпурной,
Идетъ изъ-за холма сквозь раннюю росу...
Покончимъ стражу и пойдемъ къ Гамлету.

По моему, должны мы рассказать
Ему все то, что видѣли сегодня.

Клянуся жизнью,—духъ былъ нѣмъ лишь съ нами,
А съ нимъ, навѣрное, онъ будетъ говорить!...

Что? одобряете-ль намѣреніе это,
Которое предписываютъ намъ,
И долгъ, и та любовь, которую къ Гамлету
Питаемъ мы?

Марцелло. Идемъ къ нему скорѣй.

Я знаю, гдѣ найти его намъ можно

И безъ свидѣтелей свободно говорить. *(уходятъ).*

СЦЕНА ВТОРАЯ. ЗАЛА СОВѢТА ВО ДВОРЦѢ КОРОЛЯ.

По срединѣ двойной тронъ на возвышеніи, справа, одною ступенью
ниже трона кресло, слева, двумя ступенями ниже, столъ государствен-
наго секретаря, по бокамъ отъ трона, мѣста совѣтниковъ, устроенныя
подковою.

Входятъ Король, Королева, Гамлетъ, Полоній, Государственный
Секретарь, Совѣтники, Лаэртъ, Вольтимандъ и Корнелій. Король
и королева садятся на тронъ, совѣтники на свои мѣста (Полоній
на первое мѣсто у трона, возлѣ Государственного Секретаря),
Гамлетъ сначала становится у кресла, но по знаку короля садит-
ся. Лаэртъ, Вольтимандъ и Корнелій стоятъ на авансценѣ справа.

Король. Воспоминаніе о смерти короля

Великаго Гамлета, дорогаго

Намъ брата, такъ еще свѣжо во всѣхъ,

Что кажется приличіе бы было,
Намъ пребывать въ печали, и всему
Владычю нашему, поситъ одежду скорби,
Но... власть разсудка, побѣдила въ насъ
Порывы сердца, сдѣлалися тише
Призывы той печали, и теперь,
Все думая еще о немъ—себя
Мы болѣе уже не забываемъ....
И вотъ—съ неполной радостью въ сердцѣ,
Смѣшавъ улыбку съ горькими слезами,
Веселость съ горестью, и брачные напѣвы
Съ печальнымъ звукомъ пѣсенъ похоронныхъ,
И равную назначивъ долю плачу
И радости веселой, мы избрали
Себѣ въ супруги ту, кто прежде намъ сестрою
Была, и возвели ее опять,
Совмѣстно съ нами на престолъ могучій
Восшествіаго королевства этого. Въ семь дѣлъ,
Мы поступали въ силу тѣхъ совѣтовъ,
Которые свободно были даны,
Намъ вашей мудростью. Примите благодарность
Отъ насъ за это. Перейдемъ теперь
Къ затѣямъ молодаго Фортинбраса...
Онъ, кажется, насъ слишкомъ низко цѣнитъ
И думаетъ, что смерть возлюбленнаго брата,
Разстроила всѣ силы государства
И вызвала анархію и смуты...
Прельщаемый обманчивой надеждой,
Онъ требуетъ отъ насъ упорно возвращенья
Земель, добытыхъ нашимъ храбрымъ братомъ.
Вотъ все, про что мы вамъ сказать хотѣли.
Теперь мы обращаемся къ предмету
Собранья созваннаго нами. Вотъ въ чемъ дѣло.

(Беретъ у Государственного секретаря свитокъ).

Здѣсь находящимся письмомъ, мы извѣщаемъ
Норвежскаго владыку, Фортинбраса
Роднаго дядю, о намѣреніи безумца.

Старикъ и дряхль и хилъ, и не встаетъ съ постели.
Онъ врядъ ли знаетъ козни Фортибраса.
Въ письмѣ, его мы просимъ, удержать
Намѣренья племянника, тѣмъ болѣй,
Что всѣ военные наборы, Фортибрасъ
Въ его же государствѣ производить.
Мы поручаемъ вамъ, Корнелій, Вольтимандъ

(Корнелій и Вольтимандъ приближаются къ трону и преклоняютъ колѣни).

Везти привѣтъ Норвежскому Монарху...
Считаемъ нужнымъ, данную вамъ власть
Въ переговорахъ съ королемъ, наказать
Здѣсь прилагаемымъ, немного ограничить.

(отдаетъ имъ свитки)

Спѣшите же, и быстрымъ исполненьемъ
Къ намъ покажите вы усердіе и рвеніе.

Корнелій и Вольтимандъ *(принявъ свитки встаютъ)*.

И здѣсь какъ и всегда, исполнимъ неуклонно
Долгъ послушанія великому монарху.

Король. Не сомнѣваюсь въ этомъ. До свиданья!

(Вольтимандъ и Корнелій уходятъ).

Теперь Лазръ мы рѣчь съ тобою поведемъ

(Лазръ подходитъ къ трону).

Мы слышали, ты просьбу къ намъ имѣешь?

Какую же, Лазръ нашъ дорогой?

Я твердо убѣжденъ, что просьба эта вѣрно

И разсудительна, и значить исполнима.

А къ датекому монарху никогда,

Съ разумной просьбой, даромъ ты не обратишься...

Чего ты можешь Лазръ пожелать

Чегобъ мы, прежде просьбъ, тебѣ не предложили?

Разсудокъ съ сердцемъ, и уста съ руками

Не такъ близки, какъ Данин престолъ

Съ твоимъ отцомъ. Чего же ты желаешь?

Лазръ. Великій государь! Прому я позволенъ

Во Францію мнѣ снова возвратиться,
Я въ Данию спѣшилъ къ коронованью,
Но долгъ пріятный сей исполнить,—признаюсь
Я мыслями и сердцемъ всѣмъ стремлюся
Опять во Францію, и короля прошу
Позволить мнѣ, проститься съ нимъ.

Король.

Прекрасно!

Но... на отъѣздъ согласенъ ли Полоній?

Полоній *(вставая съ мѣста)*. Онъ, государь, мнѣ просьбами
своими,

Такъ надоѣлъ, что я ужъ такъ и быть
Согласенъ. Пусть его! я больше не перечу!
И вмѣстѣ съ нимъ, прошу васъ всеусердно,
Во Францію его скорѣе отпустить.

Король. Ты можешь ѣхать хоть сейчасъ. Свободу
Мы полную тебѣ даемъ располагать
Собой и временемъ своимъ.

Теперь къ тебѣ

Мы обращаемся, Гамлетъ, нашъ братъ и сынъ.

Гамлетъ *(вставая, въ сторону)*. Родство опредѣлилъ ты не
совсѣмъ-то вѣрно!⁴

Король. Ужели облака задумчивой печали
Не перестали омрачать твой духъ?

Гамлетъ. Какъ можно, государь... вѣдь я такъ близко къ солнцу!

Королева. Мой Гамлетъ дорогой, оставь одежду скорби,

И взоръ пріязни кинь на короля!

Зачѣмъ глаза свои ты вѣчно клонишь долу,

Какъ будто на землѣ, ты ищешь все слѣдовъ

Великаго отца? Ты знаешь, что судьбою

⁴) Въ подлинникѣ: «A little more than kin, and less than kind» тутъ игра словъ на kin и kind, не переводимая по русски. Въ противоположность другимъ переводчикамъ, стремившимся воспроизвести слово въ слово эту фразу, мы предпочли сохранить ее внутренній смыслъ по толкованію Джонсона, Мэлона и Стивенса, которые, различаясь въ мнѣніяхъ о значеніи словъ kin и kind, совершенно согласны въ общемъ смыслѣ этой фразы Гамлета.

Всему живущему назначенъ здѣсь конецъ,
 Что здѣшній міръ, есть только переходъ
 Къ другому, лучшему. Таковъ удѣлъ всеобщій.

Гамлетъ. Да, государыня, таковъ удѣлъ всеобщій!

Королева. А если это такъ, зачѣмъ же одному
 Тебѣ, удѣлъ тотъ кажется такъ страненъ.

Гамлетъ. Мнѣ *кажется*? О нѣтъ! повѣрьте, королева,
Дѣйствительно онъ страненъ! для меня
 Не существуетъ *кажущихся* мыслей.
 О матушка! Ни этотъ черный плащъ,
 Ни эта пышная ливрея скорби
 Официальной и торжественно холодной,
 Ни слезъ обиліе, ни вздохи, ни лицо,
 Печалью искаженное до пельзы
 Нѣтъ! ни одинъ изъ тѣхъ наружныхъ знаковъ,
 Которыми рисуется страданье,
 Не могутъ выразить всей горести моей,
 Всѣ эти знаки, могутъ быть притворствомъ
 Все это роль, которую сыграть,
 Совсѣмъ не трудно, это оболочка!...
 Но у меня, вотъ *здѣсь (кладетъ руку на сердце)*,

Шевелится все *что-то*,

Чего вамъ знаками, во вѣкъ не передать!

Король. Мы можемъ лишь хвалить, мой добрый Гамлетъ,
 Твою сыновнюю привязанность и скорбь;
 Но вспомни только, что въ былое время
 И твой отецъ, отца утратилъ. Въ свой чередъ
 Его отецъ оплакивалъ потерю,
 Родителя. Я знаю, для живущихъ скорбь
 О тѣхъ, кто умеръ,—долгъ всегда священный,
 Обязанность любви сыновней. Но всегда,
 Упорствовать въ печали—это слишкомъ!
 Подобное упорство оскорбляетъ
 Святые небеса. Такая горестъ,
 Есть малодушіе, и противъ воли неба,
 Безбожное и злое возмущенье.
 То доказательство души безпальбой
 И неразвитаго разсудка. Смерть,

Есть неизбежный всѣхъ удѣлъ, она
 Такъ часто повторяется на свѣтѣ,
 Что стала дѣломъ, чисто обыденнымъ!
 Такъ можно ли въ безбожной скорби нашей,
 Ее такъ близко къ сердцу принимать?
 Стыдись, Гамлетъ, ты оскорбляешь небо!
 Ты оскорбляешь мертвыхъ и природу,
 Въ которой смерть—законъ, которая съ тѣхъ поръ,
 Какъ первый человѣкъ скончался на землѣ,
 И до послѣдняго, умершаго сегодня,
 Не прекращала намъ свое вѣщанье,
Такъ должно быть! Прощу тебя, Гамлетъ,
 Отбрось безплодную печаль и въ насъ найди,
 Отца втораго. Чтожъ до насъ, то мы,
 Хотимъ, чтобъ знали всѣ, что ты ближайшій трону,
 Что всю любовь, которую отецъ,
 Питалъ лишь можетъ къ сыну дорожному
 Питаемъ мы къ тебѣ. А что до твоего
 Намѣренія, снова возвратиться,
 Къ занятіямъ, въ далекій Виттенбергъ...
 Противно это нашему желанью,
 И молямы мы тебя остаться съ нами,
 Быть радостью для царственныхъ очей,
 Главой двора и нашимъ дорогимъ
 Племянникомъ и сыномъ.

Королева. Милый Гамлетъ!

Неужли тщетна, матери мольба,
 Останется? Молю тебя останься
 И въ Виттенбергъ отъ насъ не уѣзжай!

Гамлетъ. Я повинуюсь, и всегда я буду
 Во всемъ повиноваться вамъ.

Король. Прекрасно!

Вотъ это по сердцу отвѣтъ, останься съ нами,
 И въ Даніи, вторымъ будь королемъ!

(*встаетъ и подаетъ руку королевы*).

Пойдемте королева. Гамлетъ насъ
 Порадовалъ сегодня несказанно,

Своею добровольною уступкой.
 Что бы достойно день сей завершить
 Монарху Даниа, сегодня каждый кубокъ,
 Который выпьетъ онъ, пусть будетъ возвѣщенъ
 Землѣ и небу громомъ сотни пушекъ,
 Пусть небо повторить раскатъ земныхъ громовъ,
 И разнесетъ ихъ далеко!... Пойдемте!

(*всп, исключая Гамлета, уходятъ*).

ГАМЛЕТЪ (*одинъ*). О еслибъ плоть моя, столь крѣпкая, могла

Растаять и росой распутиться!..
 О если бы Предвѣчный запрещенья,
 Не положилъ противъ самоубійства!
 О Боже, Боже! Какъ безцѣнны и ничтожны,
 Какъ пусты кажутся мнѣ жизни наслажденья!
 Какъ жалокъ этотъ свѣтъ! Заглохшій, старый садъ,
 Въ которомъ сорняки одни растутъ лишь травы!
 Возможно ли, чтобъ до того дошло?..
 Два мѣсяца всего, какъ умеръ онъ,—да что я!
 И двухъ-то нѣтъ еще! Такой монархъ великій,
 Который былъ въ сравненіи съ настоящимъ,
 Гиперионъ, передъ сатиромъ козлоносимъ...
 Такъ полонъ нѣжности къ своей супругѣ!..
 Онъ вѣтру запрещалъ въ лицо ей дуть нескромно..
 Земля и небо! Ахъ, зачѣмъ я помню!
 Она къ нему такъ крѣпко прильнула,
 Какъ будто пища, вмѣсто утolenья,
 Еще сильнѣе возбуждала голодъ...
 И чтожь? Едва прошелъ лишь мѣсяць... Полно!
 Не будемъ вспоминать! Непрочность!
 Твое названье—*женщина*. Лишь мѣсяць!
 Еще не износились башмаки,
 Въ которыхъ шла она вслѣдъ за отцовскимъ гробомъ
 Въ слезахъ, какъ будто бы какалъ Ниобія...
 И эта женщина... О Небо! Звѣрь безъ смысла
 Не такъ бы скоро горе позабылъ!
 Она же—за мужемъ! за дядей, братомъ
 Умершаго, но на него похожимъ

На столько же, какъ я на Геркулеса!
 Чрезъ мѣсяць! вѣдь еще засохнуть не успѣли
 Въ ее глазахъ наплаканныхъ, слѣды
 Слезъ заказныхъ, а ужъ она вѣчалась!
 Преступная поспѣшность! такъ охотно
 Самой летѣть къ кровосмѣшенью ложу...
 Не хорошо! не будетъ тутъ пути...
 Разбейся сердце! Должно мнѣ умолкнуть!

Входятъ Гораціо, Бернардо и Марцелло.

ГОРАЦИО. Принцъ, мой нижайшій вамъ поклонъ.

ГАМЛЕТЪ. А, ба!

Вотъ неожиданность! Обрадовалъ меня
 Ты другъ! Вѣдь я не ошибаюсь
 И ты Гораціо?

ГОРАЦИО. Такъ точно, принцъ,
 Гораціо, и въ тоже время вашъ,
 Слуга усердный на всю жизнь...

ГАМЛЕТЪ. Гораціо!
 Ты хочешь *другъ* сказать. Съ тобой слуги названьемъ,
 Я помѣняюсь... Но скажи на милость,
 Зачѣмъ же ты оставилъ Виттенбергъ?

(къ Марцелло)

Марцелло?

МАРЦЕЛЛО. Принцъ...

ГАМЛЕТЪ. Я радъ тебя здѣсь видѣть
 Здорово!

(къ Гораціо)

Но скажи ты мнѣ по правдѣ

Зачѣмъ-же ты оставилъ Виттенбергъ?

ГОРАЦИО. Лѣнь одолѣла, принцъ!

ГАМЛЕТЪ. Фи! что ты! я не вѣрю!

Врагу бы твоему и то я бъ не позволилъ
 Подобную причину привести;
 И ты меня, повѣрь мнѣ, не заставишь
 Такъ быстро мнѣніе мое переменить
 На счетъ тебя. Ты не лѣнивь, я знаю

Но кой же чертъ тебя принесъ къ намъ въ Эльсиноръ?

Мы пьянствовать тебя пожалуй здѣсь научимъ!

Горацио. На погребенье вашего отца

Я торопился.

Гамлетъ. Старый мой товарищ!

Прошу, не насмѣхайся такъ жестоко!..

На свадьбу матери ты видно поспѣшалъ...

Горацио. Одно другимъ смѣнилось очень скоро...

Гамлетъ. Тутъ видишь былъ расчетъ, хозяйственный расчетъ.

Отъ похоронъ остались принасы,

Такъ ихъ на брачный пиръ скорѣй употребили,

Чтобъ не испортились!.. Мнѣ легче бы было видѣть,

Что злѣйшій врагъ мой, въ рай попалъ, чѣмъ этотъ

Ужасный день, спокойно пережить.

Отецъ мой! кажется его теперь я вижу...

Горацио. Гдѣ принцъ?

Гамлетъ. Въ глазахъ моей души!

Горацио. И я его видалъ, онъ былъ монархъ великій.

Гамлетъ. Онъ *человѣкъ* былъ, и такого человѣка

Ужъ болѣе не будетъ на землѣ!

Горацио. Принцъ... кажется его сегодня ночью

Я видѣлъ...

Гамлетъ. Видѣлъ ты? Кого?...

Горацио. Покойнаго Гамлета короля.

Гамлетъ. Ты видѣлъ,

Покойнаго отца? Когда и гдѣ?

Горацио. Прошу васъ, принцъ, немного успокойтесь

И выслушайте мой рассказъ правдивый,

Свидѣтели здѣсь, на лицо!

Гамлетъ. Во имя неба

Скорѣе говори, я слушаю тебя!

Горацио. Двѣ ночи сряду, въ тишинѣ и мракѣ,

Когда они, Марцелло и Бернардо,

Стояли часовыми, вотъ какой

Съ обоими былъ случай неслыханный.

Являлось имъ видѣніе, лицомъ

Похожее на вашего отца, въ бронѣ,

Въ доспѣхахъ браанныхъ. Мимо ихъ видѣние,

Прошло спокойно величавымъ шагомъ...

Три раза это повторялось, и такъ близко

Видѣние приходило, что отъ нихъ

Не болѣе длинны его жезла

То было разстояніе. Но они,

Испуганные, говорить съ видѣніемъ

Не смѣли. Странный случай этого

Они мнѣ сообщали съ содроганьемъ

И требуя ненарушимой тайны.

На слѣдующій день отправился я съ ними

На стражу. Будто бы слова ихъ подтверждая

Въ назначенное время тѣнь явилась,

И именно въ описанномъ мнѣ видѣ.

Въ ней я узналъ тотчасъ покойнаго монарха,

И двѣ руки мои не больше походили,

Между собой, какъ тѣнь на короля.

Гамлетъ. Но гдѣ жъ случилось это?

Марцелло. На террасѣ,

Гдѣ мы стоимъ на стражѣ, принцъ.

Гамлетъ. И съ нимъ

Вы говорили?

Горацио. Говорили, принцъ.

Но онъ не отвѣчалъ. Одну минуту

Онъ кажется мнѣ голову поднялъ

И какъ казалось, говорить хотѣлъ;

Но въ это время закричалъ вътухъ

И слыша возгласъ, тѣнь поспѣшно скрылась.

Гамлетъ. Да! это странно!

Горацио. Принцъ, я кляту

Готовъ вамъ дать, что нашъ рассказъ правдивъ!

И мы сочли обязанностью вамъ,

Все сообщить.

Гамлетъ. Да! странно, очень странно!

Тутъ вѣрно не спроста... Сегодня вы на стражѣ?

Всѣ. Да, государь!

Гамлетъ. Онъ былъ вооруженъ?

Всѣ. Да, государь, въ доспѣхахъ.

Гамлетъ. Въ полныхъ?

Всѣ.
Гамлетъ. Вы видѣли лицо?
Горацио. Да государь, забрало

Открыто было.
Гамлетъ. Что же, грозенъ
Онъ былъ на видъ?
Горацио. О нѣтъ, скорѣе грустенъ,
Гамлетъ. Что, блѣдно нѣтъ красна, лицо его казалось?
Горацио. О очень блѣдно!

Гамлетъ. И его глаза,
На васъ устремлены въ то время были?
Горацио. На насъ.
Гамлетъ. О какъ бы я хотѣлъ быть съ вами!
Горацио. Вы бъ удивились.

Гамлетъ. О навѣрное! И долго
Онъ оставался съ вами?
Горацио. Да небольше,
Какъ надо времени, чтобъ сто пересчитать,
Не торопясь нисколько.

Бернардо и Марцелло. Дольше, долъше!

Горацио. Покрайней мѣрѣ не при мнѣ.

Гамлетъ. А что,
Какая борода была у тѣни,
Съдая?

Горацио. Съ просѣдью, какъ и при жизни.

Гамлетъ. Съ вами,
Сегодня буду я на стражѣ! Можеть быть,
Видѣнье снова возвратится.

Горацио. Вѣрно!

Гамлетъ. И если предо мной оно предстанетъ
Съ лицомъ отца, я съ нимъ заговорю
Когда бъ самъ адъ открылъ свой страшный зѣвъ
И приказалъ бы мнѣ молчать. Прошу васъ
Коль до сихъ поръ вы сохранили въ тайнѣ
Видѣнье это, продолжать молчать,
И если нынче ночью, что случится...
Вы думать можете, — отнюдь не говорить!
Я заслужу вамъ послѣ эту службу!

И такъ прощайте. Близко къ полуночи
Приду я на террасу къ вамъ. Прощайте!
Всѣ. Почтенье наше...

Гамлетъ. Не почтенье, дружбу,
Мнѣ дайте и въ замѣнъ мою возьмите.

(Горацио, Марцелло и Бернардо уходятъ).

Гамлетъ (одинокъ). Вооруженный призракъ моего отца!
Тутъ что-то кроется недоброе. И въ душу
Ко мнѣ прокралось снова подозрѣнье.
Ахъ поскорѣй бы ночь! А до тѣхъ поръ спокойно,
Ты жди дуна моя. злодѣйства не сокроешь
Хоть землю цѣлую ты на него нароешь! (уходитъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ. КОМНАТА ВЪ ДОМѢ ПОЛОНИА.

Входятъ Лазертъ и Офелія.

Лазертъ. Ужъ вещи всѣ мои на кораблѣ, прощай
Сестрица! не лѣнись писать мнѣ.

Офелія. О можешь ли ты сомнѣваться, Лазертъ!

Лазертъ. А что касается Гамлета и любви
Его къ тебѣ, — послушайся меня,
Считай еѣ минутнымъ увлеченьемъ,
Капризомъ чувствъ, весеннею фіалкой,
Которая хоть рано разцвѣтаетъ,
За то и скоро вянетъ, у которой
Благоуханіе прекрасно — но непрочно.
Ее поняхавъ, тотчасъ же бросаютъ
И все тутъ.

Офелія. Какъ и все тутъ?

Лазертъ. Конечно ужъ не болѣе, повѣрь мнѣ;
Въ развитіи съ годами, челоуѣка,
Не мускулы одни и тѣло только крѣпить,
Но вмѣстѣ съ ними зрѣть умъ и сердце.

Быть может, что тебя теперь Гамлетъ и любить,
 И нѣтъ въ душѣ его ни черной мысли,
 Ни незаконнаго желанья, не смотря на это
 Остерегайся. Онъ не властенъ надъ собою,
 Онъ рабъ происхожденя своего;
 Не можетъ онъ подобно намъ по сердцу
 Подругу выбрать, отъ его избранья
 Зависть будетъ благо государства;
 И потому Гамлетъ въ избраньи этомъ,
 Послушенъ долженъ волѣ быть народа.
 И если искренно тебя онъ любитъ,
 Благоразумно ты поступишь ограничивъ,
 Твою надежду на его любовь,
 Въ предѣлахъ той возможности, которой
 Располагать онъ властенъ, помни, что онъ самъ
 Не можетъ ничего безъ Даніи соглася!
 А между тѣмъ подумай, сколько сраму
 Навлечъ ты можешь на себя, коль скоро
 Преклонишь слухъ доверчивый къ рѣчамъ,
 Исполненнымъ любви очарованьемъ
 И сердце все отдашь ему, откроешь
 Сокровищницы дверь, къ невинности своей
 Его попыткамъ смѣлымъ. Милый другъ;
 Сестра, Офелія, молю — остерегайся!
 Смири порывы сердца, и держися
 Подальше отъ стрѣлъ его желаній.....
 Повѣрь, невинной дѣвушкѣ ужъ много,
 Когда луна ее красы увидить.
 И добродѣтель врядъ ли можетъ остережся
 Отъ клеветы. Нерѣдко червь золоторный,
 Слѣдасть всѣ весенніе цвѣты,
 Когда они еще не распустились
 И молодость всего скорѣе можетъ,
 Попасться въ сѣти — именно тогда
 Когда разцвѣтъ еѣ лишь только что зардѣлся.
 И такъ еще разъ, будь поосторожнѣй.....
 Защита лучшая противу злыхъ напастей
 Боязнь напастей этихъ. И коль нѣтъ

У юности защиты этой вѣрной,
 Она сама себѣ является врагомъ.
 Офелія. Я въ сердцахъ сохранила Лазаря твои слова
 И твой урокъ, какъ вѣрное лекарство
 Противъ грозящей мнѣ болѣзни. Но мой братъ,
 Мой дорогой Лазарь, не будь же ты
 Подобенъ пастырю, который, поучая
 Добру своихъ усердныхъ прихожанъ
 И трудный путь указывая къ небу,
 Самъ по другой, спокойной и цвѣтущей
 Дорогѣ къ злу идетъ, смѣясь самъ съ собою
 Надъ поученьями своими.
 Лазарь. Будь спокойна;
 Но мнѣ ужъ въ путь пора. А! батюшка идетъ.
 (выходит Полоній)
 Благословеніе двойное — благодать
 Двойная также, я благословляю случай,
 Который снова намъ привелъ проститься.
 Полоній. Ты все еще отсюда не уѣхалъ?
 Стыдись, давно пора, скорѣе на корабль!
 Попутный вѣтеръ дуетъ и тебя
 Лишь ожидаетъ капитанъ..... Но впрочемъ
 Приблизься и прими мое благословеніе
 И слѣдующій сводъ короткій, правилъ жизни
 Запомни твердо. Думай про себя,
 Отнюдь не громко. Мысли дай созрѣть
 Да въ дѣло лишь тогда ее и обращай,
 Будь ласговъ, но съ достоинствомъ и вкусомъ.
 Коль подружился съ кѣмъ, и дружбу испыталъ
 И оказалось прочной эта дружба —
 Стальною цѣпью друга ты прикуй
 Къ своей душѣ, но не вѣтряйся быстро
 Ты встрѣчному, не жми ему руки
 Холоднымъ, ничего не значущимъ пожатьемъ,
 Ссорь избѣгай а ежели случилась
 Веди себя ты, такъ, чтобъ твой противникъ самъ
 Почувствовалъ охоту ссорь избѣгнуть.

Всѣхъ слушай, — самъ немного говори,
 У всѣхъ совѣта спрашивай охотно,
 Но своего совѣта не давай.
 Роскошно одѣвайся, но на столько,
 На сколько средства позволяютъ, не пестро
 Хоть и богато. По одеждѣ судятъ
 О человѣкѣ. Въ этомъ отношеніи
 Вельможи Франціи, тебѣ примѣромъ будутъ.
 Долговъ не дѣлай, въ займы не давай.
 Кто денегъ дастъ въ займы, тотъ часто потерять
 Не только деньги, но и друга вмѣстѣ съ ними.
 А въ долгъ возьмешь, запутаешь расчеты.
 Но главное въ концѣ. Правдивъ будь самъ съ собою
 И, — слѣдуетъ изъ этаго, какъ день
 За ночью слѣдуетъ, — другихъ ты не обманешь.
 Прощай, и пусть мое благословеніе
 Всѣ эти правила въ душѣ твоей скрѣпить.

Лазрть. Прощайте, батюшка.

Полоній. Скорѣй, скорѣй! не медли
 Ужъ слуги ждутъ тебя.

Лазрть. Офелія, прощай!

И помни разговоръ вашъ.

Офелія. Я его

Въ душѣ моей сокрыла, — ключъ, которымъ

Я заперла тотъ ящикъ — можешь взять съ собою.

Лазрть. Прощай.

(уходитъ.)

Полоній. О чемъ онъ говорилъ?

Офелія. О принцѣ Гамлетѣ.

Полоній. А! Это очень кстати!

И до меня дошло, что съ нѣкоторыхъ поръ
 Ты съ Гамлетомъ бесѣдуешь по часту,
 Что слишкомъ ты щедръ на тѣ бесѣды съ нимъ.
 Коль правда это, и меня предупредили
 Не попусту, чтобъ я остерегался,
 То долженъ я тебѣ, Офелія, сказать,
 Что поступаешь ты совѣтмъ неосторожно

И съ званьемъ дочери моей несообразно!

Ну, что тамъ между вами? Признавайся!

Офелія. Онъ съ нѣкоторыхъ поръ мнѣ часто говоритъ,

Что онъ влеченье чувствуетъ ко мнѣ,

Полоній. Влеченіе! Эхъ ты, неопытность святая!

И видно тотчасъ, что людей не знаешь!

Не-бось ты этому влеченію и вѣришь?

Офелія. Я батюшка не знаю право, какъ

И думать мнѣ объ этомъ.

Полоній. А! не знаешь!

Такъ я тебя пожалуй научу!

Ребенкомъ малымъ надо быть, чтобъ принимать за правду

Такія увѣренія и думать,

Что это чистая монета. Мнѣ повѣрь,

Что далеко она лежитъ отъ чистой. Увлеченью

Не придавай ты этому цѣны

Иначе увлечешь ты всѣхъ ко мнѣню

Что я — сѣдой дуракъ. 5)

Офелія. Но о любви своей

Онъ говорилъ почтительно и скромно...

Полоній. Да, знаемъ мы такую скромность! Продолжай!

Офелія. И клятвами слова свои онъ подтверждалъ...

Полоній. И клятвы эти знаемъ. — Все ловушки

Для перепелокъ. Ужъ давно извѣстно,

Что если кровь горитъ желаньемъ и страстями

Мы очень щедро клятвы расточаемъ.....

Повѣрь мнѣ милая — такое пламя,

Которое хоть свѣтитъ да не грѣетъ

И тухнетъ въ тотъ же мигъ какъ загорится —

Не принимай за истинный огонь.

Съ сегодняшняго дня будь осторожнѣй,

Скупѣе на присутствіе свое,

Цоболѣе цѣни свои бесѣды

И не дари ихъ только что попросить.

А что до Гамлета и до его любви,

*) Въ подлинникѣ игра словъ на *tender*, стремиться.

То помни, что онъ молодъ, и свободы
Имѣть болѣе чѣмъ ты должна имѣть,
Ну, словомъ — клятвамъ ты его не вѣрь,
Онъ не то что кажутся сначала:

Подъ ними кроются нечистыя желанья
Хоть и прикрытыя словами чистоты
И откровенности святой..... Довольно!

Разъ навсегда, тебѣ я запрещаю
Терять напрасно время въ разговорахъ

Съ Гамлетомъ. Помни *запрещаю*!.... Ну, пойдемъ.

Офелия. Я повинуюсь батюшка охотно.

(уходятъ.)

— —

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ. ТЕРРАСА ПЕРЕДЪ ЗАМКОМЪ.

Декорация таже что въ первой сценѣ. Лунная и облачная ночь, слышны вѣтеръ и шумъ волнъ.

Входятъ Гамлетъ, Гораціо и Марцелло.

Гамлетъ. Какъ холодно! и вѣтеръ рѣзкій дуетъ....

Гораціо. Да воздухъ холоденъ и рѣзокъ непривычно.

Гамлетъ. Который часъ?

Гораціо. Да скоро ужъ двѣнадцать

Марцелло. Двѣнадцать ужъ пробило.

Гораціо. Правъ? я и не слышалъ.

Ну, значить скоро и настанетъ время,

Когда является обыкновенно тѣнь.....

(слышны выстрѣлы и трубы.)

Принцъ, что это такое?

Гамлетъ. Это?

Его величество изволятъ потѣшаться

И пировать всю ночь. Онъ пьетъ

И каждый разъ какъ онъ осушить кубокъ

Литавры съ трубами, прегромко возвѣщаютъ
Его геройскую побѣду — надъ рейнвейномъ.

Гораціо. Обычай это что ли?

Гамлетъ.

Да, обычай,

Но мнѣ мое — хоть я и самъ Датчанинъ

И ужъ привыкъ къ обычаямъ такимъ,

Что лучше бросить ихъ, чѣмъ соблюдать усердно.

По милости пирушекъ этихъ, мы

Презрѣнію другихъ подвергнулись народовъ

Съ Востока до Заката насъ зовутъ

Пьянчужками, и къ имени Датчанъ

Всегда названье гнусное прибавятъ.

Да! недостатокъ этотъ помрачаетъ

Въ насъ качества блестящія, и цѣну

Имъ во сто разъ навѣрно уменьшаетъ.

Когда природа заклемила человѣка

Съ его рожденія какимъ нибудь порокомъ,

Въ которомъ и винить его нельзя,

Когда одинъ невольный недостатокъ,

Зависающій отъ нашего устройства,

Котораго и умъ не уничтожить...

Привычка что ли, принимается невольно

Къ его манерамъ и ослабить ихъ очарованье —

То съ человѣкомъ тѣмъ случается вотъ что:

Всѣ добродѣтели его — хоть будь онъ

Небесными, всѣ качества души

Останутся ничтожны въ общемъ мнѣнн,

Замараны невольнымъ недостаткомъ.....

Мельчайшей капли горечи, довольно,

Чтобъ отравить весь кубокъ и испортить

Прекрасное вино.

(на стѣнѣ слѣза появляется Тѣнь.)

Гораціо.

Принцъ, тѣнь идетъ!

Гамлетъ. О Ангелы небесъ! благія силы раа!..

Спасите насъ, покрывъ своимъ крыломъ!

Ктобъ ни былъ ты являющийся здѣсь,

Небесный духъ, или адскій демонъ, небо

Иль адъ тебя послалъ — мнѣ все равно!
 Какія бъ ни были памѣтенья твои
 Зловѣщія или добрыя, — явился
 Ты здѣсь въ такомъ мнѣ драгоцѣнномъ видѣ,
 Что я хочу съ тобою говорить.
 О! умоляю отвѣчай мнѣ! не заставь
 Погибнуть въ неизвѣстности ужасной!
 Скажи, зачѣмъ твои святые кости
 Оставили свой гробъ, зачѣмъ могила,
 Въ которую тебѣ мы съ плачемъ опустили,
 Открыла мраморный свой зѣвъ, и снова ты
 На свѣтъ явился? Отчего теперь
 Бездушный трупъ, ты вздѣлъ доспѣхи брани
 И бродишь здѣсь при свѣтѣ ты луны
 Явленіемъ своимъ, сей ночи придавая
 Таинственнаго страха отпечатокъ!
 Зачѣмъ ты повергаешь насъ, несчастныхъ смертныхъ,
 Въ невольный страхъ и ужасъ? Для чего
 Ты души наши отравляешь думой
 Которая превыше нашихъ силъ?
 Скажи, зачѣмъ? съ какою цѣлью? Что ты
 Потребуешь отъ насъ?

(тѣнь манитъ его на стѣну.)

Горацио. Онъ дѣлаетъ вамъ знакъ,
 Какъ будто говорить онъ хочетъ только съ вами
 Найдитъ.

Марцелло. И посмотрите, принцъ,
 Какъ ласково зоветъ онъ васъ подальѣ
 Но.... не ходите.

Горацио. *(съ испугомъ.)* Ради Бога, не ходите!

Гамлетъ. Онъ говорить со мною хочетъ! Я
 Пойду за нимъ!

Горацио. Принцъ, полно, не ходите!

*(тѣнь все продолжая манитъ Гамлета, сходитъ по
 правому входу и становится у кулисы направо.)*

Гамлетъ. А почему же? мнѣ чего бояться!
 За жизнь? — я ею дорожу небольшою
 Какъ мѣднымъ пенни! — А за душу....
 Но онъ безсиленъ надъ моею душою:
 Она безсмертна такъ же какъ и онъ.....
 Опять зоветъ — иду за нимъ.

Горацио. А если
 Онъ заведетъ васъ на берегъ морской
 Иль на вершину вдругъ скалы высокой,
 Нависшей надъ волнами, и потомъ
 Вдругъ измѣнить свой видъ, и васъ лишитъ разсудка,
 Видѣнемъ страшнымъ? Принцъ, остерегитесь!
 Вѣдь кружится невольно голова,
 Когда на море смотришь съ высоты
 И слышишь какъ оно реветъ тамъ подъ ногами.

(тѣнь снова манитъ Гамлета.)

Гамлетъ. Онъ все зоветъ!... Иди! я слѣдую.

Марцелло. Мой принцъ,

Вы не пойдете.

Гамлетъ. Руки прочь! долой!

Горацио. Одумайтесь, останьтесь!

Гамлетъ. Прочь пигмеи!

Судьба зоветъ меня, ее я слышу голосъ,
 И каждый нервъ мой сталъ сильнѣй чѣмъ жилы
 У льва Немейскаго.

(тѣнь снова манитъ.)

Опять зоветъ! Долой, вамъ говорю
 Клянуся небомъ, въ тѣнь я обращу
 Того кто вздумаетъ держать меня.... Дорогу!

(къ тѣни.)

Иди, я за тобой!

*(тѣнь и Гамлетъ уходятъ направо, сцену мало
 по малу начинаетъ покрывать туманъ, въ ко-
 торомъ исчезаютъ стѣны и башни замка.)*

Горацио.

Онъ просто помѣшался!

Марцелло. Идемъ за нимъ, тутъ слушаться не должно.

Горацио. Идемъ скорѣй, чѣмъ кончится все это!
 Марцелло. Да! что-то въ Даніи недоброе творится.
 Горацио. Тамъ Богъ разсудить.
 Марцелло.

Поскорѣй за ними!

(уходятъ, сцена нѣсколько времени пуста, туманъ все гуще и гуще, онъ совершенно скрываетъ декорацію замка.)

СЦЕНА ПЯТАЯ. ПРИБРЕЖЬЕ МОРСКАГО БЕРЕГА.

Скалы на берегу, который идетъ вкось; вдали видѣнъ королевскій замокъ съ башнями и стѣнами, окна все еще освѣщены.

Входятъ Тѣнь и Гамлетъ.

Гамлетъ. Куда меня вести ты хочешь? Говори!

Я дальше не пойду!

Тѣнь. Взгляни мнѣ на лицо.

Гамлетъ. Ну! я гляжу.

Тѣнь. Ужъ скоро часъ наступить,

Въ который снова долженъ возвратиться

Я буду въ пламя сѣрное къ мученьямъ.

Гамлетъ. О, бѣдный призракъ!

Тѣнь. Не жалѣй меня.

Но слушай всей душой, что я тебѣ открою.

Гамлетъ. Я выслушать обязанъ. Говори!

Тѣнь. И мстить обязанъ, выслушавъ разсказъ мой.

Гамлетъ. Что? мстить?

Тѣнь. Тѣнь твоего отца съ тобою говорить,

Тѣнь, осужденная бродить здѣсь по ночамъ,

А днемъ терзаться въ пламенной темницѣ,

Доколѣ всѣ мои грѣхи земные

Не выгорятъ въ чистилищномъ огнѣ...

Когдабъ я могъ тебѣ открыть всѣ тайны

Моей мучительной темницы — мой разсказъ

Тебѣ бы душу каждымъ словомъ устранилъ

И кровь оледѣнилъ въ твоихъ бы юныхъ жилахъ....

Глаза твои, подобно двумъ звѣздамъ,

Изъ орбитъ вышли бы, и кудри бы распустились

И каждый волосъ поднялся бы твой

На головѣ, какъ иглы дикобраза.....

Но тайны тѣ для смертныхъ недоступны.

Гамлетъ! Внимай, внимай, внимай, и если ты

Родителя любилъ....

Гамлетъ. Создатель!

Тѣнь. Отомсти

За смерть его, за подлое убійство!

Гамлетъ. Убійство! Га!

Тѣнь. Убійство! и какое

Изъ всѣхъ убійствъ другаго нѣтъ подлѣй.

Ужаснѣе, страшнѣе моего!

Гамлетъ. О поскорѣй открой мнѣ все; на крыльяхъ,

Быстрѣ мысли, страсти и любви,

Я полечу къ отмщенью.

Тѣнь. Одобряю

Твою поспѣшность. Ты бы былъ сонливѣй

Тѣхъ жирныхъ травъ, которыя гниютъ

Безжизненно на Леты берегахъ,

Когда бѣ спокоенъ былъ въ такое ты мгновеніе....

И такъ, Гамлетъ, ты выслушай меня.

Слухъ разнесли, что сонный я въ саду

Ужаленъ былъ змѣю.—Этой ложью

Вся Данія была обманута безчестно

На счетъ причинъ моей внезапной смерти....

Но благородный юноша, узникъ

Ты истину,—тотъ змѣй теперь на тронѣ.

Гамлетъ. Предчувствія мои! сбылись вы! дядя? онъ?

Тѣнь. Онъ, онъ, чудовище, кровоосѣнитель гнусный

Очарованьемъ словъ, преступными дарами,

(—О! будьте прокляты преступные дары,

И ты, лукавое, ласкательное слово,

Которые такъ могутъ завлекать—).

Добился до того, что свой преступный пылъ

Супругѣ онъ моей измѣнницѣ внушилъ,

Ви, добродѣтельно прославившейся прежде...
 О Гамлетъ! гдѣ же жить обманчивой надеждѣ,
 Когда и тутъ гнѣздо ужъ свило преступленье!
 Да! страшно было матери твоей паденье!
 Меня, чья жаркая и честная любовь
 Ни разу данныхъ клятвъ ничѣмъ не нарушала,
 Вдругъ промѣнять на гнуснаго мерзавца,
 Котораго всѣ качества—ничто
 Въ сравненіи съ моими были.... Но всегда
 Ужъ такъ бываетъ. Добродѣтель твердо
 Противится всѣмъ искушеньямъ зла,
 Хоть въ видѣ ангела порокъ къ ней появився,
 Развратъ же,—дай ему небесную одежду
 И положи его на одръ лазурный неба
 И съ ангеломъ его соедини, —
 Ему наскучать неба наслажденья,
 И добровольно въ грязь онъ спустится скорѣй.
 Постой! я утренній услышалъ вѣтерокъ,
 Расскажь я сокращу. Въ то время, какъ я спалъ
 Въ саду, послѣ обѣда, какъ всегда
 Привыкъ я это дѣлать, дядя твой
 Ко мнѣ подкрался съ стѣлянкой белладонны
 И влилъ мнѣ въ ухо этотъ страшный ядъ.
 Для крови человѣка онъ ужасенъ,
 И съ быстротою ртути онъ по жиламъ
 Расходится и свертываетъ кровь,
 Въ запекущую массу, такъ какъ капля
 Одна лишь кислоты, свернетъ все молоко
 И на меня подѣйствовалъ онъ такъ же.
 Подобно Лазарю; въ одно мгновеніе я
 Проказою покрылся какъ короедъ,
 Зловонною и мерзостной.... И вотъ
 Какъ потерялъ я, сонный, мой вѣнецъ,
 Существованіе, супругу..... и все это
 Рукою брата!... Смерть меня застала
 Въ располхъ,—я не былъ приготовленъ къ смерти,
 Не причащенъ, грѣховъ не исповѣдалъ
 И долженъ былъ предъ Вышнимъ Судіею

Явиться съ полнымъ гнетомъ преступленій...
 О! страшно, страшно, страшно исказанно!...
 О Гамлетъ! если есть въ тебѣ хоть капля крови,—
 Не допусти ты этого, не дай
 Ты ложу королевскому скверниться
 Кровосмѣшеніемъ проклятымъ и развратомъ...
 Но помни,—чтобы ты для мнѣ не предпринималъ,
 Самъ сохранись ты чистъ, и мать свою не трогай.
 Оставь еѣ отмщенію небесъ
 И угрызеньямъ совѣсти преступной.
 Прощай! мнѣ надобно съ тобой разстаться,
 Свѣтащій червь уже блѣднѣетъ, возбѣщая,
 Что утро близко. Да! прощай, прощай, прощай!
 И помни объ отцѣ, безвременно погибшемъ!...
 (исчезаетъ).

ГАМЛЕТЪ. О полчища небесныя!... Земля!... и.... что еще?
 Ахъ что-ли призывать?... О ужасы! о позоръ!...
 Охъ сердце, тише, тише бейся!... Не старѣйтесь
 Вы мускулы мои, но укрѣпитесь вдвое,
 Чтобъ поддержать меня... О! «помни объ отцѣ!»
 Да, тѣнь несчастна, я буду помнить
 Покажется память въ мозгъ сохранится
 Разстроенномъ ужаснымъ откровеньемъ!...
 «И помни объ отцѣ!»... Изъ памяти моей
 Я все изглажу, все!... Пустыня воспоминанья,
 И книжныхъ правилъ сборъ, всѣ слабые слѣды
 Промедшаго, ума всѣ замѣчанья
 И юности мечты! И вѣсто ихъ, одно
 Воспоминаніе остается,—оно,
 Клянуса небомъ, твердо сохранится
 Въ скрижаляхъ памяти.... Чему теперь молиться?
 Мать!... гнусная развратница! Злодѣй!
 Злодѣй проклятый!... Да еще въ добавокъ
 Съ улыбкой на устахъ.... Гдѣ памятная книжка?
 Запишемъ въ ней, что можно улыбаться
 И въ тоже время быть злодѣемъ!... Да!
 Возможно въ Даніи оно по крайней мѣрѣ...

Ну, лядюшка—вы здѣсь! Теперь запишемъ лозунгъ:
«Прости, прости, прости, и помни объ отцѣ
Безвременно погибшемъ!» Я поклоняюсь!

Горацио *(за сценой издали)*. Принцъ! принцъ.

Марцелло *(за сценой)*. Принцъ Гамлетъ! государь!

Горацио *(за сценой)*. Спаси и сохрани его Создатель.

Гамлетъ. Аминь!

Марцелло *(за сценой)*. Принцъ Гамлетъ! ей! ау!

Гамлетъ. Го! го! сюда мой соколъ дорогой.

(входятъ Горацио и Марцелло)

Марцелло Ну, что случилось Принцъ?

Горацио. Что новаго?

Гамлетъ. О много!

И новости престранныя.

Горацио. Вы намъ

Расскажите ихъ, государь?

Гамлетъ. Ни-ни!

Вы перескажите кому нибудь, пожалуй.

Горацио. Клянуся небомъ слова не промолвлю!

Марцелло. Я тоже.

Гамлетъ. Слушайте-жь.... но ктобы могъ подумать....

Но.... тайну вы навѣрно сохраните?

Горацио и Марцелло. Клянемся небомъ, государь!

Гамлетъ. Представьте!

Что въ цѣлой Даніи ни одного нѣтъ плута,
Который не былъ бы мошенникомъ. Ей Богу!

Горацио. И только то? чтобъ это намъ открытъ

Не нужно было тѣни встать изъ гроба.

Гамлетъ. Ты правъ! Да! это такъ!... и потому,

Оставя въ сторонѣ подробности,—не лучше-ль,

Пожавши руки, намъ скорѣе разойтись!

Вы можете идти куда зоветъ васъ дѣло,

Или желаніе.... У всякаго, вѣдь, есть

Свои дѣла, свои желанья.... я же,

Убогий и несчастный, я.... вотъ видите ли что!

Пойду да помоюсь!...

Горацио.

Такія рѣчи, принцъ,

Мнѣ странны, въ нихъ нѣтъ смысла и порядка....

Гамлетъ. Мнѣ очень жаль, коль рѣчи тѣ обидны.

Да! очень жаль.

Горацио.

Тутъ не въ обидѣ дѣло....

Гамлетъ. Въ обидѣ, другъ Горацио! клянуся

Святымъ Патрикѣмъ, въ обидѣ все и дѣло!

А что до появившейся здѣсь тѣни,

То, съ позволенія вашего—она

Достопочтенное и честное видѣнье!

А что касается до вашего желанья

Узнать, что было между нами, тутъ

Узду вамъ надо наложить себѣ

На любопытство.... Ну, теперь, друзья,

Во имя дружбы и товарищества, васъ

Просить я буду.... Сдѣлайте мнѣ милость.

Горацио. Какую, государь? Готовы мы на все.

Гамлетъ. Все, что вы видѣли,—храните въ тайнѣ!...

Горацио.

Принцъ,

Мы общаемъ это вамъ охотно!

Гамлетъ. Да этого мнѣ мало, поклонитесь!

Горацио. Даю вамъ слово, принцъ, что тайну сохраню.

Марцелло. Я тоже, государь.

Гамлетъ.

Нѣтъ, этого мнѣ мало,

Клянитесь мнѣ мечомъ.

Марцелло.

Да мы ужъ поклонились!

Гамлетъ. Нѣтъ на мечѣ моемъ!

Тѣнь *(изъ подъ земли)*.

Клянитесь.

Гамлетъ.

А, пріятель!

Ты здѣсь еще! Ну, ладно, успокойся, смирно!...

Вы слышите, изъ погребѣ товарищъ

Васъ просить,—дайте жъ клятву поскорѣ!

Горацио. Назначьте, принцъ, *въ чемъ* мы должны поклониться.

Гамлетъ *(отводя ихъ въ сторону)*. Клянитесь мнѣ мечомъ ■
слова не промолвить

О томъ, что видѣли.

Тѣнь *(подъ землею)*. Клянитесь.

Гамлетъ.

Ну, дальше отойдемъ!

Здѣсь и тамъ?

(отходитъ на нѣсколько шаговъ).

Приблизьтесь, господа,

И руку протянувъ, вы надъ мечомъ клянитесь,

Мечомъ тѣмъ, никогда не говорить о томъ,

Что слышали вы здѣсь!

Тѣнь *(подъ землею)*. Мечомъ его клянитесь!

Гамлетъ. Отлично, старый кротъ! ты славно роешь землю,

Мой бравый пионеръ! Еще пойдемъ подальше.

(снова отходитъ на нѣсколько шаговъ).

Горацио. Клянуся небомъ, странное явленье!

Гамлетъ. Такъ примемъ же его какъ страннику прилично!

Земля и небо, другъ Горацио, не мало

Въ себѣ хранятъ такихъ великихъ тайнъ,

Что и не снилося философамъ ученымъ!

Пойдемте-жь!... Да! еще одно вамъ наставленье.

Какую-бъ странность глазъ вашъ не примѣтилъ

Въ моихъ манерахъ,—очень можетъ быть,

Что я въ послѣдствіи найду приличнымъ

Принять манеры странныя,—клянитесь

Спасеніемъ души, что никогда, увидя

Такое поведеніе, не случится,

Сложивши руки накрестъ, головою,

Качая, или иначе произнести

Двусмысленное слово, напримѣръ:

«Да, знаемъ мы, что это означаетъ.»

Иль: «Еслибъ только захотѣть, такъ можно-бъ...»

Иль: «Говорить то только нѣтъ охоты...»

Или еще: «Есть люди, для которыхъ

«Когдабъ они лишь смѣли бы, не трудно...»

Или другимъ какимъ нибудь намекомъ

Давая знать, что тайна вамъ извѣстна

Клянитесь никогда не выдавать меня,

И пусть вамъ въ нужный часъ поможетъ само небо!

Тѣнь *(изъ подъ земли)*. Клянитесь!

Гамлетъ.

Успокойся, успокойся

Ты тѣнь несчастная. И такъ, друзья,

Я доверяюсь вамъ любовію моею

И все, что только можетъ сдѣлать бѣдный Гамлетъ,

Чтобъ доказать вамъ дружбу и любовь,

Онъ сдѣлаетъ при помощи Господней.

Пойдемте же домой, и вѣчное молчанье!...

Разстроены бѣдный свѣтъ,—проклятіе! зачѣмъ

Мнѣ суждено разстройство то исправить!

Пойдемте же, друзья.... всѣ вѣстѣ.... поскорѣе.

(Уходитъ)

АКТЪ ВТОРОЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ. КОМНАТА ВЪ ДОМѢ ПОЛОНИА.

Таже декорация, что въ третьей сценѣ перваго акта.

Входятъ Полоній, и Ринальдо въ дорожномъ платьѣ.

Полоній. Отдай ему, вотъ деньги, да и письма.

Ринальдо. Слушаю-сь.

Полоній.

Но прежде, другъ Ринальдо,

Поступишь ты умно, осмѣлюсь вездѣ

На счетъ его.

Ринальдо.

Я такъ и думалъ сдѣлать

Полоній. Вотъ молодецъ, умно! Ты, видишь ли, узнай

Сперва такъ, вообще о Датчаныхъ въ Парижѣ,

Какъ, гдѣ они живутъ, съ кѣмъ дружны, сколько тратятъ,

И какъ увѣришься изъ разговоровъ съ ними,

Что Лаэртъ имъ знакомъ, старайся отобрать

Отъ нихъ побольше подробностей, однако

Все вида не давай, что близокъ ты ему.

Скажи, что знаешь ты его, такъ, мимоходомъ,

Какъ, напримеръ: «Его отца я знаю,
Семейство, и онъ самъ немного мнѣ знакомъ»
Ты понимаешь!

Ринальдо.

Какъ же, понимаю!

Полоній. «Онъ самъ немного мнѣ знакомъ, но»—можешь

Прибавить такъ: «весьма немного, и
«Коль это тотъ, то долженъ быть онъ мотомъ,
«Гулякой», и тогда приписывай ему
Ты всякіе пороки, но отнюдь
Лишь не безчестные, избави Боже!... нѣтъ!
А знаешь юности свободной увлеченія
И уклоненія, неразлучныя съ свободой...

Ринальдо. Страсть къ картамъ, напримеръ?

Полоній. Да! или пьянство.... тамъ

Задорность, вспыльчивость, привычку къ брани....
Распутство—даже это позволяю.

Ринальдо. Но этимъ можно обезчестить человѣка!

Полоній. Э, вовсе нѣтъ! коль ловко ты возьмешься!

Конечно, увеличивать не надо
Его въ привычкѣ къ гнусному разврату
Варугъ обвинивъ, я не о томъ толкую;
Въ твоихъ упрекахъ долженъ быть и тактъ.
Ты долженъ ихъ произнести такъ ловко,
Чтобъ недостатки эти приписать
Одной лишь юности и пылкимъ увлеченьямъ,
Свободы полной злоупотребленью,
Порывамъ быстрого ума и жаркой крови!

Ринальдо. Но, сударь....

Полоній.

Что? ты хочешь знать, зачѣмъ

Ты долженъ поступать такимъ манеромъ?

Ринальдо.

Я именно хотѣлъ спросить объ этомъ.

Да,

Полоній. Да я и рѣчь мою къ тому веду

И штуку ловкую я, кажется, придумалъ.

Когда ты Лазарю припишешь это все,

Всѣ эти легкіе, пустые недостатки,

Коль тотъ, съ кѣмъ говорилъ ты, самъ замѣтилъ

Въ немъ что нибудь такое, тотчасъ онъ

Тебѣ отвѣтитъ: «Сударь» или «другъ мой»,
Иль «милостивый государь», смотря,
Какая у него или въ странѣ привычка
Къ другому обращаться...

Ринальдо.

Точно такъ!

Полоній. Ну, такъ тогда... постой! на чемъ бишь я остановился?

Клянусь святой обѣдней, я хотѣлъ
Сказать вѣдь что-то.... Да! такъ я остановился...

Ринальдо. На «сударь, другъ мой, милостивый государь».

Полоній. Да, да! на «милостивый государь!» такъ точно....

Такъ онъ тебѣ тотчасъ же и отвѣтитъ:

«Я знаю этого вельможу молодого,
«Его я видѣлъ вотъ тогда-то, тамъ-то,
«Онъ былъ вотъ съ тѣмъ и тѣмъ, и я его засталъ
«Въ игрѣ, иль въ оргіи, поссорился онъ съ тѣмъ-то,
«Въ воланъ играя, или въ домѣ былъ такомъ-то».
Какомъ—ты знаешь самъ, иль что нибудь другое
Подобное. Теперь смотри, что выйдетъ изъ того,
На уду лжи,—ты слышишь рыбку правды!
Вотъ этимъ-то путемъ мы, люди съ головой,
И узнаемъ при помощи увертокъ
Всю подноготную и съ помощью неправды—
До правды добираемся. Теперь
Ты понимаешь, съ помощью какого
Искусства, правду ты узнаешь объ Лазартъ?...
Ты понялъ, вѣдь, надѣюсь?

Ринальдо.

Какъ же, сударь, понялъ.

Полоній. Ну, Богъ съ тобой, счастливый путь теперь.

Ринальдо. Мое почтеніе!...

(идетъ вонъ).

Полоній (вслѣдъ ему). Да! смотри за нимъ построже!

Ринальдо. Исполню въ точности.

Полоній.

Да музыкѣ, скажи,

Чтобъ онъ учился непремѣнно.

Ринальдо.

Хорошо.

Полоній. Прощай!

(Ринальдо уходитъ, въбѣгаетъ Офелія).

Ну, что съ тобой, Офелія, такое?

Офелія. Ахъ, батюшка, я страшно испугалась.

Полоній. Чего это, скажи ты ради Бога?

Офелія. Я, батюшка, сидѣла за шитьемъ,

Какъ вдругъ ко мнѣ вошелъ неожиданно Гамлетъ,

Одежда въ безпорядкѣ, самъ безъ шляпы,

Чулки спустилися до самыхъ пятокъ.

Лицо же блѣдное, какъ будто полотно.

Колѣни у него дрожали и стучали

Одно въ другое, на лицѣ же ужасъ

Такой написанъ былъ, какъ будто бы сейчасъ

Изъ ада онъ пришелъ къ намъ съ страшной вѣстью

И вдругъ внезапно выросъ предо мной...

Полоній. Пожалуй, что любовь съ ума его свела.

Офелія. Не знаю такъ ли, но... боюсь, что правда!

Полоній. А говорилъ съ тобою онъ?

Офелія. Онъ взялъ

Меня за кисть руки, и крѣпко сжалъ мнѣ руку,

Потомъ на всю длину ее онъ отошелъ

Другой рукой прикрылъ глаза

(показываетъ)

Вотъ такъ.

И долго, долго мнѣ смотрѣлъ въ лицо,

Какъ будто рисовать портретъ съ меня хотѣлъ.

Потомъ, слегка мнѣ руку пожимая

И голову три раза опуская

И подымая снова, онъ вздохнулъ

Такимъ тяжелымъ и протяжнымъ вздохомъ,

Что, кажется, вся внутренность его

Вдругъ потряслась, и онъ умереть тотчасъ же;

Потомъ онъ отошелъ и удалился вонъ,

Но обращая все лицо ко мнѣ

Какъ человѣкъ, которому не надо

Глазъ, чтобъ найти дорогу,

Вышелъ онъ—

А все еще глаза его слѣдили

Мое лицо.

Полоній (встревоженный). Скорѣй, скорѣй пойдемъ

Намъ короля тотчасъ увидѣть нужно...

Тутъ дѣло ясное, что это бредъ любви

Онъ обращаетъ всю свою жестокость,

Самъ на себя, и волю направляетъ

На самые ужасные поступки.

Мнѣ очень жаль... Скажи мнѣ, ты ему

Чего нибудь такого не сказала?

Офелія. Нѣтъ, батюшка, я только лишь, согласно

Желанью вашему, не принимала писемъ

И избѣгала общества его.

Полоній. Ну, такъ и есть! Вотъ и причина вся!

Досадно, право, какъ я прежде не подумалъ,

Поближе рассмотреть все это дѣло!...

Я думалъ шутить онъ и хочетъ погубить

Тебя. Вѣдь вотъ не кстати осторожность!

Ужъ, кажется, намъ, старикамъ, такая

Судьба написана—во всемъ пересолить!

А въ осторожности всего еще почаше!...

Пойдемъ скорѣе къ королю. Немедля

Его должны о всемъ мы извѣстить

Скрывая это чувство, мы гораздо

Гораздо болѣе надѣлаемъ бѣды,

Чѣмъ правду всю открывъ разсердимъ короля.

(уходятъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ. ЗАЛА ВО ДВОРЦѢ КОРОЛИ.

На заднемъ фонѣ открытая галлерей, справа спускъ внизъ, нѣсколько большое окно съ цвѣтными стеклами, вдали видны верхушки деревьевъ королевскаго сада.

Входятъ Король, Королева, Розенкранцъ, Гильденстернъ и свита.

Король. Привѣтъ вамъ Гильденстернъ и Розенкранцъ!

Мы видѣть васъ уже давно желали,

Но независимо отъ этого желанья
 Необходимость намъ въ услугахъ вашихъ
 Заставила насъ требовать не медля
 Прѣзда вашего. Вы слышали, конечно.
 О превращеніи, случившемся съ Гамлетомъ...
 Я превращеньемъ это называю
 Не даромъ. Какъ снаружи, такъ и духомъ
 Онъ сталъ другимъ внезапно человѣкомъ.
 Причина такъ потрясшая разсудокъ
 Несчастнаго Гамлета, несомѣнно,
 Есть смерть его отца,—другой не можетъ быть.
 Вы вмѣстѣ съ нимъ воспитаны, и съ дѣтства
 Съ нимъ дружны,—я прошу васъ здѣсь остаться
 И вашимъ обществомъ развлечь его стараться,
 Внушить ему охоту къ тѣмъ забавамъ,
 Которыя такъ свойственны годамъ
 Гамлета бѣднаго, а между тѣмъ
 Ловить всѣ случаи, чтобы узнать навѣрно
 Нѣтъ ли другихъ причинъ той горести упорной,
 Чтобъ, зная ихъ, могли мы имъ помочь.

Королева. Онъ часто говорилъ о васъ, я вѣрно знаю,
 Что въ свѣтѣ никого не любить онъ какъ васъ.
 И если вы окажете намъ дружбу
 Остаться съ нами нѣсколько недѣль,
 И службу намъ сослужите по просьбѣ
 Вы можете увѣрены быть въ томъ,
 Что мы достойно васъ, по царски наградимъ.

Розенкранцъ. Король и Королева! Вы надъ нами
 Имѣете всесильнѣйшую власть,
 И не просить,—приказывать вамъ должно.

Гильденстернъ. А мы обязаны всегда повиноваться.
 Располагайте нами какъ угодно
 Къ стопамъ мы повергаемъ королевскимъ
 Готовность нашу, преданность и службу.

Король. Благодарю васъ, Розенкранцъ и васъ,
 Мой добрый Гильденстернъ.

Королева. Благодарю усердно.
 Васъ, Гильденстернъ и добрый Розенкранцъ.

Идите же теперь скорѣй къ Гамлету
 Увы! его уже узнать нельзя.

(къ свѣтъ)

Эй! проводить господъ къ Гамлету.
 Гильденстернъ. Дай Богъ, чтобы присутствіе и всѣ заботы наши
 Ему хотя не много пользы принесли.
 Королева. Дай Богъ, дай Богъ, я тоже повторяю!

(Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ въ сопровожденіи свѣтъ, входитъ Полоній).

Полоній. Послы вернулись изъ Норвегіи съ вѣстями
 Прекрасными, и просятъ позволенія
 Вамъ, государь, представиться.

Король. Всегда
 Вѣстей пріятныхъ ты являешься отцомъ.

Полоній. Надѣюсь, государь! Въ душѣ моей я ставлю
 Преданность королю съ обязанностью къ Богу
 Не иначе какъ наравнѣ. И если
 Обычная моя привычка, проникать
 До сущности вещей, не измѣнила мнѣ,
 То я осмѣлюсь думать, что нашелъ
 Причину помѣшательства Гамлета.

Король. Такъ сообщите же намъ ее скорѣй.
 Я жажду это знать.

Полоній. Позвольте, государь,
 Сперва примите вы посланниковъ, а послѣ
 Я сообщу мои догадки—это будетъ
 Дессертомъ послѣ сытнаго обѣда.

Король. Прими ихъ самъ и приведи сюда.

(Полоній уходитъ).

Онъ говоритъ мнѣ, милая Гертруда.
 Что онъ нашелъ причину и источникъ
 Болѣзни сына нашего.

Королева. Я знаю
 Причину эту—это смерть отца
 И слишкомъ скорый бракъ нашъ.

Король.

Мы увидимъ

(входят Полоній, Вольтимандъ и Корнелій)

Привѣтствуемъ съ прїздомъ васъ, друзья!

Ну, что же Вольтимандъ, какой отвѣтъ принесть ты

Отъ брата нашего, норвежскаго монарха?

Вольтимандъ. Привѣтствія и дружескій поклонъ.

При первомъ нашемъ словѣ, онъ тотчасъ же

Послалъ приказъ остановить всѣ сборы

Военные племянника. Дотошъ

Онъ думалъ все, что тѣ приготовленья

Направлены на Польшу были, но, взглянувшись,

Онъ убѣдился въ правдѣ нашихъ словъ.

Разгнѣванный, что пользуясь болѣзнию

И безпомощной дряхлостью его,

Его обманывать осмѣлились столь дерзко,

Онъ тотчасъ же послалъ вѣстныя къ Фортинбрасу

Явиться предъ лицо его, и принцъ

Приказъ исполнилъ. Получилъ отъ дяди

Престрогий выговоръ, и клятву далъ предъ нимъ,

Что противъ нашего величества не будетъ

Предпринимать онъ ничего. Тогда

Король, довольный этимъ послушаньемъ,

Три тысячи экю ему назначилъ

И позволеніе далъ, ужь собранное войско

Употребить противъ поляковъ. Вотъ

(подавая письмо)

Письмо, въ которомъ онъ васъ проситъ, государь,

Позволить тѣмъ войскамъ пройти чрезъ ваши земли

На здѣсь изложенныхъ условіяхъ своихъ.

Король. Довольны мы вполне такой удачей,

А что касается до просьбы этой, мы

Прочтемъ ее попозже, на свободѣ,

И будемъ отвѣчать. Благодаримъ душевно

За исполненіе прекрасное. Теперь

Вы можете идти на отдыхъ, приглашаю

Сегодня васъ на ужинъ, мы душевно

Васъ рады видѣть здѣсь!

(Вольтимандъ и Корнелій уходятъ).

Полоній.

Гмъ! И такъ

Отлично кончено предпринятое дѣло...

Король и королева! Разсуждать

О томъ, что именно есть власть царей

И подданныхъ повиноваться, почему

Ночь—ночью называется, день—днемъ,

А время—временемъ, по моему лишь значить

Терять безъ пользы день и ночь,

И вообще лишь только тратить время,

И такъ какъ краткость можемъ мы назвать

Душой ума, а многословіе одеждой

Иль оболочкой лишь его,—я постараюсь быть

Какъ можно кратче. Благородный Гамлетъ

Сошелъ съ ума... я говорю *сошелъ**съ ума*, а не *безумецъ* потому,

Что тотъ кто бы осмѣлился подумать,

Что знаетъ въ чемъ безумье состоятъ,

Безумецъ былъ бы самъ.

Королева.

Нельзя ли

Помеи въ вѣтѣ, и скорѣе

Начать о дѣлѣ.

Полоній.

Вѣрите, королева,

Что о вѣтѣ я не думаю совѣтъ.

Клянусь вамъ въ томъ.... И такъ я продолжаю.

Сомнѣнья нѣтъ, что сынъ вашъ помѣшался,

По истинѣ прискорбно это, и прискорбно

Что это истина.... Глупа хоть антитеза,

Но вы ужь извините,—о вѣтѣ

Не думаю теперь я вовсе... Да!

Такъ принцъ помѣшалъ... Это разъ принявъ,

Намъ остается только отыскать

Причину горькаго такого проявленія

Иль правильнѣе—аномаліи и такой...

Такое проявленіе, безъ сомнѣнья,

Въ своемъ аномальномъ явленіи

Причину вѣдь должно имѣть¹⁾. . . Такъ вотъ
 Что остается намъ узнать, и вотъ
 Какъ разсуждаю я объ этомъ... Вы слышите,
 За положеньями мои!... У меня
 Есть дочь,—я разумѣю *есть*, доколѣ
 Она принадлежить мнѣ. Дочь моя
 Послушная обязанностямъ, кон
 Дочерній долгъ ей налагаетъ.... Вы замѣьте это!...
 Вручила мнѣ вотъ что. .

(показываетъ письмо).

Подумайте теперь

И заключеніе придетъ само собою.

(читаетъ).

«Идолу души моей, небесной Офеліи, олицетворенной красоты.» Неудачное, совсѣмъ неудачное выраженіе! Чтѣ это значить: «олицетворенная красота?» развѣ у красоты есть лицо?... Но, слушайте дальше! «Пусть сохранитъ она эти строки на своей бѣлоснѣжной груди...»

Королева. Это писалъ Гамлетъ къ Офеліи?

Полоній. Позвольте ваше величество, я привожу его подлиннымъ слова!

(читаетъ).

«Сомнѣвайся, что звѣзды на небѣ блестятъ,

«Сомнѣвайся, что солнце въ лазури есть ясной,

«Сомнѣвайся во всемъ, что тебѣ говорятъ

«Даже въ истинѣ, но не въ любви моей страстной.

«Милая Офеліа! стихотворное искусство не далось мнѣ, и не умѣю укладывать въ рифмы вздохи моего сердца съ искусствомъ «присяжнаго пииты, но я умѣю любить тебя болѣе всего на «свѣтѣ, и ты можешь смѣло вѣрить этой любви. Прощай. Твой «навсегда, обожаемый мой ангелъ, твой до тѣхъ поръ, пока- «нѣсть духъ будетъ оживлять мое брѣнное тѣло. Гамлетъ.»

¹⁾ Въ подлинникѣ непереводимая игра словъ на *effect* и *defect*. Покойный Вронченко пробовалъ передать ее игрой словами *дѣйствіе* и *бездѣйствіе*, но вышла натяжка: которой мы предпочли избѣгнуть, на- «ирая не на игру, но на созвучіе словъ, «проявленіе» и «явленіе».

Вотъ что, покорная родительскимъ приказамъ.

Офелія вручила мнѣ, ужъ прежде

Она мнѣ открывала постепенно

Его любви къ ней возрастанье.

Король. Но какже приняла она его любовь?

Полоній. А къмъ вы государь считаете меня?

Король. Почтеннымъ и достойнымъ человѣкомъ.

Полоній. Останусь я всегда такимъ по мѣрѣ

Моихъ немощныхъ силъ... Чтѣбъ думать вы могли,

Когда бѣ, примѣтивъ я столь сильную любовь

(А я ее примѣтилъ даже прежде,

Чѣмъ дочь открыла мнѣ его исканья)

Чтѣбъ думать вы могли, великій государь

И вы монархія, когда бѣ, служа попечителемъ

Иль книжкой записной, я сталъ бы вдругъ иѣмымъ

Наперсникомъ любви ихъ, еслибъ я

Свидѣтелемъ ставъ страсти ихъ молчалъ бы

Или смотрѣлъ спокойно? За кого

Вы приняли-бъ меня?... Нѣтъ! сдѣлалъ я иначе.

Я тотчасъ же за дѣло приступилъ,

И дочери сказала: «принцъ Гамлетъ—царскій сынъ.

«Тебя онъ выше родомъ и не должно

«Быть между вами ничего,»—потомъ

Я запретилъ ей видѣться съ Гамлетомъ,

Не принимать ни писемъ, ни подарковъ,

Она послушалась моихъ совѣтовъ,

А принцъ—чтобъ поскорѣй разсказъ покончить мой,—

Отвергнутый, сначала впалъ въ тоску,

Потомъ почувствовалъ онъ отвращеніе къ пищѣ,

Потомъ бессонницу, потомъ истому тѣла,

Потомъ явилось мозга ослабленіе,

А ужъ потомъ дошелъ онъ постепенно

И до безумія, которое теперь

Имъ завладѣло, и которое мы всѣ

Оплакиваемъ горько.

Король.

Неужели

Причина въ этомъ?

Королева.

Очень можетъ быть

Полоний. Когда случалось, я хотѣлъ бы знать,
Что утвердительно сказалъ я: «это такъ»,
А вышло иначе?

Король. Миѣ не случалось слышать!

Полоний. Коль я теперь ошибся, я согласенъ,
(показывая на голову и на плечи)

Чтобъ миѣ вотъ это, съ этого, долой
Снесли немедленно. Ужъ если только разъ
На слѣдъ попалъ я—доберусь до правды,
Хоть подъ землей ее заройте.

Король. Но какиѣ
Ты способомъ насъ можешь въ томъ увѣрить?

Полоний. Вы знаете, что Гамлетъ иногда
Гуляетъ въ этой галлерей сряду
Часа четыре?

Королева. Это правда.

Полоний. Ну,
Такъ какъ придетъ онъ снова на прогулку,
Я дочь къ нему пошлю, а самъ я и король
Мы спрячемся здѣсь за перила, да и будемъ
Свидѣтелями свиданья ихъ. Когда
Не любить онъ ее, и не любовь причина
Того, что онъ разсудокъ потерялъ,
Согласенъ я лишиться мѣста моего
Въ совѣтъ государственномъ, и пусть
Меня пошлютъ куда нибудь на ферму
Завѣдывать тодною свинопасовъ.

Король. Попробуемъ мы это средство

(входитъ Гамлетъ, онъ читаетъ)

Королева. Посмотрите,
Идетъ бѣдняжка съ книгою въ рукѣ!

Полоний. Уйдите-ка отсюда поскорѣе,
Я умоляю васъ, уйдите! Я сейчасъ
Заговорю съ нимъ, будьте ужъ спокойны
Я дѣло сдѣлаю отлично и въ порядкѣ!

(Король и Королева уходятъ со свитою).

Полоний (подходя къ Гамлету, который спитъ). Какъ здо-
ровье принца Гамлета?

Гамлетъ. Благодарю васъ, я слава Богу здоровъ.

Полоний. Вы, конечно, знаете меня, принцъ?

Гамлетъ. Какъ же! ты рыбный торговецъ!

Полоний. Нѣтъ, принцъ, вы ошибаетесь.

Гамлетъ. Въ такомъ случаѣ я желалъ бы, чтобъ ты былъ та-
кимъ же честнымъ малымъ, какъ любой изъ этихъ людей.

Полоний. Честнымъ малымъ, принцъ!...

Гамлетъ. Да-съ, милостивый государь! Какъ посмотришь на лю-
дей, да на всѣ гадости, которыя творятся на свѣтѣ,
такъ и увидишь, что изъ десяти тысячъ человѣкъ, едва вы-
берешь одного честнаго.

Полоний. Великая правда, принцъ!

Гамлетъ. Да и не удивительно! Если даже солнце зараждаетъ
въ мертвой собакѣ червей и, не смотря на свое божествен-
ное происхождение, согрѣваетъ своими лучами падаль... Есть
у тебя дочь?

Полоний. Какже, принцъ, есть!

Гамлетъ. Не пускай ее на солнце!.. Плодородіе конечно дѣло
хорошее, да не въ этомъ случаѣ—ты понимаешь, любезный
другъ? Берегись же!

Полоний. Что же вы этимъ хотите сказать, принцъ? (всторуку)
Все моя дочь на утѣ! Однакоже онъ меня сразу и не узналъ,
вообразилъ, что я рыбный торговецъ. Да! далеко зашло
дѣло! Впрочемъ чтожь?... въ старые годы и со мной лю-
бовь играла почти такія же штуки. Попробуемъ-ка еще по-
говорить съ нимъ... Что это вы читаете, принцъ?

Гамлетъ. Слова, слова, слова!

Полоний. Но о чемъ именно тутъ говорить?

Гамлетъ. Кто да кто говорить?

Полоний. То есть, я спрашиваю, что именно содержится въ этой
книжѣ?

Гамлетъ. Вздоръ и гнусная клевета! Негодай сатирикъ увѣ-
ряетъ, что у стариковъ борола сѣдая, лицо сморщенное, что
изъ глазъ у нихъ течетъ липкая матерія въ родѣ аравійской
камеди, что у нихъ въ головѣ ума вовсе не полагается, а

икры ногъ совсѣмъ высохли. Все это, конечно, правда, да говорить и писать этого не слѣдуетъ. Вѣдь вотъ вы, напримѣръ—пошли вамъ Богъ способность рака, подвигаться пятакъ назадъ, ну, и были бы вы однихъ лѣтъ со мною.

Полоній (въ сторону) Это, конечно, сумасшествіе, но странно, въ немъ замѣтна какая-то послѣдовательность. (громко Гамлету) Здѣсь сквозной вѣтеръ принцъ, не лучше ли бы было удалиться вамъ въ болѣе теплое мѣсто. ²⁾

Гамлетъ. Куда же это? Въ могилу, что ли?

Полоній. Дѣйствительно теплое мѣстечко пѣшли! (въ сторону) Какая мѣткость въ нѣмыхъ отвѣтахъ! Это часто впрочемъ случается съ сумасшедшими, они отвѣчаютъ иногда такъ кстати, что и здоровому съ ними не сравняться. Однакожь оставимъ его, надо устроить поскорѣй свиданіе съ Офеліей. (громко) Принцъ, позвольте мнѣ поднести къ вашимъ ногамъ мой прощальный привѣтъ!

Гамлетъ. Это лучший подарокъ, который вы мнѣ можете сдѣлать кромѣ моей смерти, моей смерти, смерти моей. ³⁾

Полоній. Прощайте, принцъ!

Гамлетъ. Несносный старый дуракъ!

(Входятъ Гильденстернъ и Розенкранцъ.)

Полоній. Вы ищете принца Гамлета онъ здѣсь.

Розенкранцъ. Благодарю васъ, сударь.

(Полоній уходитъ.)

Гильденстернъ. Ваше Высочество...

Розенкранцъ. Принцъ?

²⁾ Въ подлинникѣ «*out of thea ir*» буквально «*прочь отъ воздуха*» смыслъ вопроса «въ могилу чтоли?» не измѣняется отъ нашей переложки, а это главное.

³⁾ Въ подлинникѣ «*I will most humbly take me leave of you*» т. е. «*возьму отпускъ*» Гамлетъ отвѣчаетъ что онъ отдастъ это всего охотнѣе кромѣ одной вещи, своей жизни. Перевести первую фразу слово въ слово—была бы натяжка русскаго языка, и мы въ нашемъ переводѣ старались сохранить смыслъ и игру словъ замѣненіемъ словъ «*возять*» и «*жизнь*» словами «*принести*» и «*смерть*».

Гамлетъ. А! мои добрые, мои дорогіе друзья! Ну, что, какъ вы поживаете, ты Гильденстернъ и ты Розенкранцъ. Милые мои, какъ идутъ ваши дѣла?

Розенкранцъ. Такъ себѣ, принцъ, не слишкомъ хорошо и не очень дурно.

Гильденстернъ. Счастіе, благодаря Бога, не удручаетъ насъ своими дарами. Мѣсто наше—не совсѣмъ на вершинѣ шляпы фортунны.

Розенкранцъ. Но и не подъ подошвой еѣ.

Гамлетъ. Значитъ, въ серединѣ, на высотѣ пояса, т. е. въ средоточіи ея милостей? Мѣсто хорошее!

Гильденстернъ. Да, она съ нами не церемонится.

Гамлетъ. Такъ вы оба съ ней въ близкихъ отношеніяхъ? Впрочемъ, оно неудивительно, вѣдь она женщина, легкаго поведенія... Ну, что новаго?

Розенкранцъ. Да ничего, принцъ, развѣ только что свѣтъ сдѣлался лучше.

Гамлетъ. Вотъ какъ!—ну, значить свѣтопреставленіе недалеко! Но только новость ваша вздоръ.... Однако, позвольте васъ спросить кой о чемъ болѣе близкомъ собственно вамъ.... Скажите-ка мнѣ друзья, что вы сдѣлали вашей любовницѣ фортуны, что она послала васъ въ тюрьму?

Гильденстернъ. Въ тюрьму, Ваше Высочество?

Гамлетъ. А какже? вѣдь Данія — тюрьма.

Розенкранцъ. Этакъ и весь свѣтъ — тюрьма.

Гамлетъ. Разумѣется, да еще какая огромная, сколько въ ней отдѣльныхъ флигелей, дворовъ и казематовъ.... А хуже всѣхъ — Данія.

Розенкранцъ. Мы не согласны съ этимъ.

Гамлетъ. Ну, такъ для васъ конечно. Данія не тюрьма! Вѣдь добро и зло существуютъ только относительно нашихъ вкусовъ. Что хорошо для васъ,—худо для меня. Для меня Данія — тюрьма!

Розенкранцъ. Тутъ ваше честолюбіе виновато, оно дѣлаетъ для васъ изъ Даніи тюрьму, вашей душѣ въ ней слишкомъ тѣсно.

Гамлетъ. Господи! да я весь и съ душою помѣщаюсь въ орѣхо-

вой скорлупѣ и буду считать себя владыкою всего свѣта..

Да вотъ бѣда, меня иногда одолеваетъ черныя мечты!

Гильденстернъ. Эти-то мечты и составляютъ сущность честолюбія, потому что все существованіе честолюбиваго чело-вѣка, это — тѣнь мечты.

Гамлетъ. Да вѣдь самая мечта только тѣнь!

Розенкранцъ. Правда ваша, но по моему, честолюбіе до того призрачно, что оно — тѣнь тѣни.

Гамлетъ. Слѣдовательно, наши нищія — тѣла вещественныя, а наши короли, наши славолюбивые герои — только ихъ тѣни?... Пойдемте-ка лучше ко двору, потому что, откровенно го-вора, я вовсе не расположенъ сегодня къ отвлеченнымъ умствованіямъ.

Розенкранцъ и Гильденстернъ. Мы готовы къ услугамъ ва-шимъ...

Гамлетъ. Ради Бога безъ услугъ! Я не хочу смѣшивать васъ съ тѣми, которые мнѣ служатъ, — потому что, говоря откровенно, — мнѣ отвратительно служить. Но скажите по правдѣ и дружбѣ, зачѣмъ вы пріѣхали въ Эльсиноръ?

Розенкранцъ. Повидаться съ Вами, Ваше Высочество, другой причины нѣтъ.

Гамлетъ. Я такъ бѣденъ, что у меня даже словъ благодарно-сти не хватаетъ, но все таки — благодарю васъ, и прошу вѣрить, что эта благодарность, хоть на одну поль-пенини, а все таки превышаетъ цѣну, которой заслуживаетъ ваша дружба ко мнѣ... Только не посылали ли за вами? Сами ли вы вздумали пріѣхать, по собственному ли побужденію?... Ну-же!... Будьте откровенны со мною, отвѣчайте.

Гильденстернъ. Какже прикажете отвѣчать вамъ, принцъ?

Гамлетъ. Какъ вамъ угодно, но только, разумѣется, на мой во-просъ... За вами посылали! я это вижу по вашимъ ли-цамъ, вы не умѣете притворяться какъ слѣдуетъ... Я знаю, я увѣренъ, что нашъ добрый король и наша добро-дѣтельная королева посылали за вами.

Розенкранцъ. Но съ какою цѣлью, принцъ?

Гамлетъ. Это ужъ вы должны мнѣ сказать... Заклинаю васъ именемъ нашей дружбы, нашей симпатіи, правами дол-гѣйшихъ отношеній нашихъ, всѣми заклѣтіями которыя, въ

состояніи выдумать ораторъ болѣе искусный чѣмъ я, — будьте откровенны... посылали за вами?

Розенкранцъ (*тихо Гильденстерну*). Что тутъ отвѣчать?

Гамлетъ (*въ сторону*). Я не спускаю съ васъ глазъ! (*громко*)

Колѣн любите меня — отвѣчайте-же!

Гильденстернъ. Принцъ, за нами, дѣйствительно, посылали.

Гамлетъ. А я вамъ даже скажу — *замолите*, и предупрежу этимъ ваше признаніе. Такимъ образомъ тайна, которую вы объ-щали хранить королю и королевѣ ни мало не нарушится... Съ нѣкоторыхъ поръ, я, самъ не знаю отъ чего, потерялъ всю прежнюю веселость, отказался отъ всякаго движенія, и чувствую въ душѣ такую страшную тоску, что чудное созданіе творца, называемое землею, кажется мнѣ бесплод-нымъ холмомъ, великолѣпный наѣсъ, называемый небомъ, эта роскошная твердь, которая виситъ надъ нашими голо-вами величественнымъ куполомъ, устланнымъ блестящимъ золотомъ безчисленныхъ звѣздъ, кажется мнѣ какимъ-то зловоннымъ скопищемъ, заразныхъ паровъ. Вѣдь ужъ чего кажется лучше чело-вѣка — этого совершеннѣйшаго произве-денія природы, — какъ высокъ полетъ его ума, какъ без-граничны его способности, какъ величественъ и гармо-нически хорошъ его образъ! Какъ близко подходитъ онъ по своимъ дѣйствіямъ къ безтѣлеснымъ ангеламъ, по уму къ самому Богу! Онъ вѣнецъ творенія, онъ царь всего живущаго! А между тѣмъ что онъ въ моихъ глазахъ? — Квинтэссенція праха и пыли!... Нѣтъ; я не могу любить чело-вѣка вообще... да и женщину тоже, хотя ваша улыбка и хотеть кажется сказать противное.

Розенкранцъ. Ваше высочество, подобная мысль и въ голову намъ не приходила.

Гамлетъ. Чего же вы смѣялись когда я сказалъ что не могу лю-бить чело-вѣка?

Розенкранцъ. Я думалъ въ это время о томъ, что если вы не любите чело-вѣка вообще, то плохо примите актеровъ, ко-торыхъ мы встрѣтили на дорогѣ, и которые ждутъ сюда предложить вамъ свои услуги.

Гамлетъ. Отчего же? нѣтъ! Занимающій роли королей будетъ принять превосходно! Его Величество получить отъ меня

должную дань почтения. Странствующий рыцарь может вволю упражняться своимъ туннымъ мечомъ и картоннымъ щитомъ. Играющій любовниковъ не будетъ вздыхать понапрасну, коникъ спокойно кончить свою роль, а шутъ заставитъ смѣяться самыхъ серьезныхъ людей... Наконецъ, первая любовница будетъ коверкать какъ ей угодно бѣлые стихи драмы, лишь бы хорошо выражала любовь свою. Какіе это актеры! (*)

Розенкранцъ. Тѣ самые, которыхъ вы прежде такъ любили, городскіе актеры.

Гамлетъ. Зачѣмъ же это они пустились странствовать? Постоянное мѣсто жительства и почтеніе и почетіе для репутаціи труппы.

Розенкранцъ. Кажется послѣднія нововведенія помѣшали имъ оставаться на мѣстѣ.

Гамлетъ. А что они по прежнему въ славѣ? Театръ ихъ по прежнему полонъ?

Розенкранцъ. Далеко нѣтъ!

Гамлетъ. Это почему? или они испортились, измѣнились?

Розенкранцъ. Вовсе нѣтъ. Они усердны по прежнему, но надо вамъ сказать, принцъ, что въ городъ къ намъ явился цѣлое гнѣздо едва выдупившихся изъ скорлупы птенцовъ, которые въ самомъ простомъ разговорѣ кричатъ изо всей силы и которыми за это аплодируютъ до упаду. Они вошли въ моду и такъ отбили публику отъ обыкновенныхъ актеровъ, какъ они ихъ называютъ, что многіе изъ носящихъ шапки, болѣе острія гусиного пера, не смѣютъ появляться въ прежній театръ.

Гамлетъ. Какъ? они дѣти? Кто же содержатель труппы, кто имъ платитъ? Намѣрены ли они заниматься своимъ искусствомъ только до тѣхъ поръ, пока сохранять свои звонкіе голоса?... А что если, со временемъ, они сдѣлаются обыкновенными актерами, что очень вѣроятно, вѣдь они, пожалуй, не добрымъ словомъ помянутъ писателей, которые теперь портятъ имъ будущность.

Розенкранцъ. Много было хапоть и съ той и съ другой стороны, а публика еще ихъ подстрекала. Было время, что и выручки не жди, если поэтъ и актеры не подерутся на сценѣ.

Гамлетъ. Неужто?

Гильденстернъ. Да, сразокъ было не мало.

Гамлетъ. И дѣти побѣдили?

Розенкранцъ. Побѣдили и теперь. Геркулесъ и его шаръ въ ихъ рукахъ. (*)

Гамлетъ. Неудивительно! Съ тѣхъ поръ какъ мой дядя сталъ королемъ, тѣ кто прежде и смотрѣть на него не хотѣли, платятъ за его миниатюрный портретъ по двадцати, сорока, пятидесяти и даже по сту червонцевъ. Клянусь честию тутъ есть что-то сверхъестественное, и философіи бы слѣдовало заняться отысканіемъ причинъ подобныхъ явленій!

(слышится трубный звукъ).

Гильденстернъ. Вотъ и актеры.

Гамлетъ. Ваши руки, товарищи! Вы дорогие гости въ Эльснортъ...

Ну же!.. О пріемѣ судить по учтивостямъ, которыя его сопровождаютъ,—такъ дайте же мнѣ исполнить этотъ долгъ хозяина, а то, пожалуй, видя ласковый пріемъ который я сдѣлаю актерамъ, вы будете еще въ правѣ сказать что я принимаю ихъ лучше чѣмъ васъ. Еще разъ повторю добро пожаловать дорогие мои гости!... А вѣдь все-таки мой дядя—вотчимъ и мать-тетка, сильно ошибаются!

Гильденстернъ. Въ чемъ, ваше высочество?

Гамлетъ. Я бываю помѣшанъ только при вѣтрѣ съ пордь-пордь-веста, а когда онъ дуетъ съ зюйда, я еще отлуню ластреба отъ анста!

(входитъ Полоній).

Полоній. Здравствуйте, господа!

Гамлетъ. Слушай, Гильденстернъ и ты Розенкранцъ, смѣтливому человѣку и однимъ ухомъ слышать довольно. Этотъ старый младенецъ еще не вышелъ изъ пеленокъ.

Розенкранцъ. Можетъ быть, снова попалъ въ нихъ. Вѣдь говорить же, что старость—второе дѣтство.

Гамлетъ. Хоть пари держать онъ пріиметъ объявить о пріѣздѣ актеровъ!—Правда, правда, это было именно въ понедѣльникъ утромъ!

Полоній. Я пришелъ сказать вамъ новость, принцъ.

(*) Все что напечатано мелкимъ прифтомъ—можетъ быть, выпускаемо на сценѣ.

(*) Театръ of the Globe, имѣлъ, во времена Шекспира, вышесказаннаго Геркулеса, несущаго земной шаръ. (Steevens).

Гамлетъ. Я тоже хочу сказать вамъ новость, велемудрый Полоній.

«Въ то время Росцій былъ актеромъ въ Римѣ!»

Полоній. Именно актеры прѣхали сюда, принцъ.

Гамлетъ. Ой ли?

Полоній. Клянусь честью!

Гамлетъ. «Всякъ актеръ на сѣлѣ, на ушастомъ ослѣ?»

Полоній. Да какіе актеры, принцъ! Лучшіе изъ всѣхъ актеровъ въ свѣтѣ: для трагедій, комедій, исторической драмы, идиллій, идиллій комической, идиллій исторической, трагедій исторической, идиллій трагико-комико-исторической, съ единствомъ времени и мѣста и безъ единства. Для нихъ по рукѣ и мрачный Сенека и веселый Плавтъ, что же касается до слога и свободы изъясненія—нѣтъ имъ равныхъ!

Гамлетъ. «О Іеофай, израильскій судья,

«Какое ты сокровище имѣлъ!»

Полоній. А какое же сокровище, принцъ?

Гамлетъ. Да!

«Она дочь прекрасную, единую имѣлъ

«И къ ней любовію послышанной горѣлъ.»

Полоній (*осторожно*). Опять о моей дочери!

Гамлетъ. Такъ, что ли, старый Іеофай?

Полоній. Вы, вѣроятно, называете меня этимъ именемъ потому, что у меня есть дочь, которую я люблю всей душой.

Гамлетъ. Выводъ не вѣренъ! Одно изъ другого вовсе не слѣдуетъ!

Полоній. Такъ что же слѣдуетъ-то, принцъ?

Гамлетъ. А вотъ что!

Былъ странный случай

Что вдругъ, незначай

Далѣе вы знаете

Случилось такъ

Какъ думалъ всякъ!

А остальное найдете въ первой части пѣсни, продолжать какъ видите нѣкогда...

(*входятъ актеры*).

Гамлетъ (*продолжаетъ*). Милости просимъ, господа, милости просимъ! Я радъ видѣть, что вы все здоровы. Милости

просимъ, друзья! О-го-го, старый пріятель, какую ты бороду отпустилъ, ужъ не хочешь ли меня перещеголять? А! и вы здѣсь, госпожа первая любовница! Клянусь небомъ ты, въ это время выросъ на цѣлый каблукъ. Дай Богъ чтобы годосъ твой, отъ слишкомъ частаго употребленія, не сдѣлался похожъ на звукъ потертой монеты! Господа, вы прѣхали сюда какъ нельзя болѣе кстати, и мы подобно французскимъ сокольничьимъ, примемся за первую попавшуюся добычу. Ну-ка! давайте образчикъ вашего искусства... поскорѣй чувствительный монологъ?

1-й актеръ. Какой прикажете, принцъ?

Гамлетъ. Я слышалъ разъ какъ ты декламировалъ отрывокъ, который кажется вовсе и не попалъ на сцену, а если и попалъ то былъ игранъ только одинъ разъ, такъ какъ если я не ошибаюсь пѣса была не по вкусу публикѣ, она была для толпы *икрою* вкуса которой знаютъ только гастрономы. Но по моему мнѣнію и по мнѣнію людей, болѣе меня свѣдущихъ въ искусствѣ, это была прекрасная пѣса, хорошо сочиненная и написанная со вкусомъ. Помнится общій голосъ былъ, что стихи слишкомъ холодны при пустотѣ содержанія, что впрочемъ слогъ безъукоризненно-натураленъ, но что не смотря на это пѣса написана просто и правильно по полна истины и прелести безъ всякихъ претензій. Тамъ былъ одинъ отрывокъ, который я особенно любилъ,—это рассказъ Энея Дидонѣ, и между прочимъ то мѣсто, въ которомъ онъ рассказываетъ объ убійствѣ Пріама. Если ты его не забылъ, то начини вотъ съ какого стиха... Поймай... дай вспомнить.

«Свирѣпый Пирръ, гирканскій лютый тигръ...

Нѣтъ не то!.. а начинается съ *Пирра*. Да!

Свирѣпый Пирръ, въ своемъ доспѣхѣ черномъ ⁵⁾

Жестокимъ замысломъ его во всемъ подобномъ

И какъ они, скрытый ото дня

⁵⁾ Стихи, которые декламируетъ актеръ, отличаются стариннымъ разборомъ и странными оборотами. Вѣроятно Шекспиръ, стараясь тутъ подражать тогдашнему трагическому стилю, можетъ быть, въ качествѣ новатора съ цѣлью осмѣять его. Слѣдуя здѣсь примѣру прежнихъ переводчиковъ, мы тоже старались придать стиху, колоритъ нашего псевдоклассического слога.

Въ глубокихъ пѣдрахъ страшнаго коня,
 Теперь еще ужаснѣе явился.
 Тройнею кровію доспѣхъ его покрылся,
 Той кровью, что пролилъ въ убійствахъ онъ ужасныхъ,
 То старцевъ кровь и женъ, дѣтей и дѣвъ несчастныхъ!
 Грядетъ онъ посреди развалинъ и огня
 Несчастіемъ Тронъ, днесь погибшей отъ огня...
 То пламя освѣтитъ Пріамова убійство,
 По стогнамъ рыщетъ Пирръ, хмѣленъ отъ кровопійства
 И взоръ его горитъ, въ себѣ соединя
 Огонь гнѣва, съ заревою пожарнаго огня.
 Пріама ищетъ онъ, согбеннаго годами...

Продолжай.

Полоній. Да какъ же вы хорошо читаете, принцъ, съ чувствомъ,
 съ выраженіемъ!

4-й актеръ. И вотъ нашелъ его, дрожащими руками
 Подъялъ Пріамъ свой мечъ, но снова мечъ упалъ;
 Съ годами силу царь и мощь всю потерялъ!
 Къ нему стремится Пирръ, одинъ коня розмахъ
 Несчастнаго царя низвергнувъ быстро въ прахъ.
 Пергамъ почувствовалъ ударъ сей, зданья града
 Обрушились и стѣны повергнулась громада.
 При громѣ томъ ударъ свой Пирръ остановилъ
 И руку занесъ, недвижимъ онъ пребылъ.
 Подобно статуѣ злодѣя неподвижной
 Уста отверзстыя, объятый непостижной
 И новой жалостью. Такъ бури начинанью
 Всегда предшествуетъ могильное молчанье...
 Недвижимъ воздухъ, вѣтеръ замолчалъ
 И смертный сонъ окрестность всю объялъ.
 Но скоро грянетъ громъ, и молніи заблещутъ
 И люди отъ него въ испугъ затрепещутъ!
 Подобно этому, Пирръ вострепнулся вновь,
 И снова подъ мечемъ его струится кровь.
 Циклопъ, броню куя для Марса, не страшнѣй
 Желѣзо молотомъ разилъ, чѣмъ сей злодѣй
 Разилъ Пріама, будь ты проклята судьба!
 Имятница, коварная раба

Людей, имъ счастья удачу посылая
 Не по заслугамъ, о развратница ты злая!
 О Боги, нагло какъ она смѣется вами!
 Освободите же, мы молимъ со слезами,
 Отъ власти вы еѣ столь гибельной, людей
 Разбейте спицы колеса у ней
 И бросьте въ адъ разломанныя спицы!

Полоній. Это слишкомъ длинно.

Гамлетъ. Какъ и борода твоя, для сокращенія и то и другое
 не мѣшало бы отправить къ цирюльнику (актеру). Про-
 должай, пожалуйста, ему вѣдь подавай или шутовской
 баетъ, или непристойную сцену, иначе онъ заснетъ. Про-
 должай!.. О Гекубѣ теперь.

4-й актеръ. Кто видѣлъ бѣдствія растрепанной царицы.

Гамлетъ. Растрепанная царица!

Полоній. Превосходно! «растрепанная царица» о-очень хорошо!

4-й актеръ. Лющей токи слезъ, испуганной, босой,

Едва прикрытой лишь одеждою почной,
 Какъ онъ ни будь жестокъ, холоденъ и бездушенъ
 И къ горестямъ чужимъ и скорби равнодушенъ;
 Онъ проклялъ бы сто разъ фортуны злой дѣянье..
 И боги самые, когда бы ихъ вниманье
 Съ небесъ Гекубы вопль и слезы привлекали,
 Коль только горести доступны имъ земли
 Къ ней жалость страшную бѣ навѣрно ощутили
 И очи бы свои слезами омочили!

Полоній. Посмотрите, однако, онъ перемѣнился въ лицѣ, у него
 на глазахъ слезы.—Перестань, пожалуйста!

Гамлетъ. Хорошо, доскажешь послѣ. (Полонію) Полоній, по-
 заботься, пожалуйста, чтобъ актеровъ хорошо приняли и
 дали имъ приличное помѣщеніе и содержаніе, понимаешь?
 Чтوبъ всего было вдоволь! потому что они сокращенная и
 живая лѣтопись нашего времени, и лучше по смерти
 имѣть дурную эпитафію, чѣмъ попасть имъ при жизни на
 зубокъ.

Полоній. Принцъ, я приму ихъ по ихъ достоинству.

Гамлетъ. Выше ихъ достоинства, мой другъ, гораздо выше...
 Еслибъ обходиться съ каждымъ по его достоинству, то кто

бы ушелъ отъ плетей? Обойдись съ ними такъ, какъ требуетъ этого *твой* санъ и *твое* достоинство, и чѣмъ менѣе они будутъ заслуживать твою благосклонность, тѣмъ болѣе будетъ она имѣть цѣны. Ступай же съ ними.

Полоній. Пойдемте господа!

Гамлетъ. Идите за нимъ. Завтра мы дадимъ представленіе.

(Полоній уходитъ съ актерами исключая одного, которому Гамлетъ сдѣлалъ знакъ остаться).

Гамлетъ. *(оставшемуся актеру)*. Скажи мнѣ, старый товарищъ, можете вы сыграть «Убіиство Гонзаго»?

1-й актеръ. Можемъ ваше высочество.

Гамлетъ. Вы сыграете его намъ завтра. А можешь ты выучить двѣнадцать или шестнадцать строкъ, которыя я вставлю въ текстъ. Можемъ?

1-й актеръ. Могу, государь.

Гамлетъ. Прекрасно, иди же за этимъ вельможей, да не очень смѣйся надъ нимъ!

(актеръ уходитъ).

Гамлетъ *(продолжая)*. Друзья, я расстаюсь съ вами до вечера, и еще разъ говорю—добро пожаловать въ Эльсиноръ!

Розенкранцъ *(кланяясь)*. Принцъ...

Гамлетъ. А теперь прощайте.

(Гильденстернъ и Розенкранцъ уходятъ)

Гамлетъ *(одинъ)*. Ну, слава Богу! наконецъ-то я одинъ.

Какой я жалкій и ничтожный человѣкъ!...

Подумать даже страшно, что актеръ

Въ комедіи, написанной другимъ,

Въ изображеніи вымышленной скорби,

Достигнуть могъ того, чтобъ слиться

Душей съ изображаемымъ имъ чувствомъ,

И голосъ свой заставить прерываться,

Всѣмъ существомъ своимъ съ тѣмъ вымысломъ сливаться..

И все изъ за чего?—Изъ за Гекубы!.. Что же

Ему Гекуба, или онъ Гекубъ?

Что вспоминая объ ея бѣдахъ

Онъ слезы льетъ и сердце надрываетъ?..

А чтобъ онъ сдѣлалъ, еслибъ на моемъ

Онъ мѣстъ былъ и столько же имѣлъ

Причинъ какъ я къ страданію?

Слезами

Онъ сцену-бъ затопилъ, и зрителей бы слухъ

Онъ воплями своими устрасилъ бы.

Отъ воплей тѣхъ виновный бы смутился,

Невинный самый испугался-бъ, и смятенъе

Къ непонимающимъ закралось бы въ сердца

А зрѣніе и слухъ въ основахъ потряслись

У всѣхъ безъ исключенія...

А я?...

О медленность проклятая! о мерзость!

О низкая душа! Я остаюсь спокоенъ

Въ бездѣйствіи и колебаны гнусномъ

Я равнодушенъ къ собственной обидѣ,

И ничего не смѣю я сказать

Въ защиту короля, утратившаго тронъ

И жизнь, путемъ подлѣйшаго убійства.

Подлецъ! подлецъ!...

Кто назоветъ меня

Безчестнымъ трусомъ? кто меня въ лицо

Ударить? Бороду мнѣ вырветъ и въ глаза

Ее мнѣ бросить? Кто меня возьметъ

Рукою за носъ? Скажетъ мнѣ отважно,

Что я солгалъ, и кровную обиду

Заставитъ проглотить спокойно?...

Выходите!...

Я все снесу! Я кротче голубицы...

Я всякую снесу обиду!...

Да!... должно быть

Иначе бы давно я коршуновъ кормилъ

Зловоннымъ трупомъ короля-мерзавца...

Да! онъ мерзавецъ! гнусный, кровавадный

Соединяющій развратъ съ измѣной!...

О Боже, какъ я глупъ и жалокъ! Какъ прилично

Мнѣ—сыну умерщвленнаго отца,

Мнѣ, вызванному къ мести самымъ небомъ
И адомъ вмѣстѣ, облегчать мой гнѣвъ
Словами бранными, ругаться и кричать
Хмѣльной распутницѣ себя уподобляя....
Да, стыдно, стыдно!...

Нѣтъ! подумать надо,
(послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія)

Да! это такъ! Я слышалъ, что преступникъ,
Присутствуя при пьесѣ театральной,
Похожей на свершенное имъ дѣло,
Нерѣдко поражается неволью
Играемою сценою, и тотчасъ же,
При вѣсѣхъ онъ отарываетъ свой проступокъ.
Убийство нѣмо, но чудесной силой
Судьбы, оно само себѣ и измѣняетъ
И говорить невольно начинать....
Я сдѣлаю вотъ какъ!...

Актеры передъ лядей
Сыграютъ пьесу, схожую съ убійствомъ
Отца.... А я... я буду наблюдать
Его черты, я доберусь до правды!...
И если онъ смутится....

Горе!... Горе
Ему! я буду знать, что дѣлать мнѣ тогда
Быть можетъ тѣнь, которую я видѣлъ,
Была лукаваго искуснымъ павожденьемъ...
Вѣдь демонъ можетъ намъ являться въ видѣ
Любимаго предмета.... Онъ всеиленъ
Надъ грустною душою, и — кто знаетъ,
Быть можетъ онъ меня повергнулъ въ искушенье
И слабостью моею воспользоваться хочетъ
И горестью, чтобъ погубить мнѣ душу....
Нѣтъ! Я хочу вѣрнѣе убѣдиться
И представленіе ловушкой будетъ тайной,
Въ которую поймаю я злодѣя.

(уходитъ).

АКТЪ ТРЕТІЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ. ЗАЛА ВО ДВОРЦѢ.

Таже декорация что во второй сценѣ втораго акта.

Входятъ Король, Королева, Полоній, Офелія, Гильденстернъ и
Розенкранцъ.

Король. Вы въ разговорахъ съ нимъ не замѣчали вовсе
Причины помѣшательства, которымъ
Внезапно миръ его спокойныхъ дней
Нарушился?

Розенкранцъ. Онъ сознаетъ открыто,
Что чувствуетъ безуміе свое,
Но о причинахъ никогда ни слова,
Хоть мы добиться ихъ не разъ уже старались.

Гильденстернъ. Онъ, кажется, не хочетъ намъ позволить
Проникнуть въ тайну сердца своего
Въ безуміи его какъ будто есть и ловкость
И каждый разъ, какъ мы къ нему приступимъ
Съ попытками признанія добиться
Объ состояніи его, онъ тотчасъ
Становится къ намъ крайне недовѣрчивъ.

Королева. Но хорошо онъ принялъ васъ?

Розенкранцъ. Прекрасно.

Со всей учтивостію свѣтской и привѣтомъ.

Гильденстернъ. Но съ принужденностью намъ слишкомъ очевидной.
Розенкранцъ. Онъ мало спрашивалъ, но тотчасъ отвѣчалъ
И безъ малѣйшаго стѣсненія.

Королева. А пытался

Вы развлекать его и втягивать въ забавы?

Розенкранцъ. Мы, государыня, случайно повстрѣчались

Въ дорогѣ съ трупною актеровъ и ему

Мы посѣтили рассказать про встрѣчу,

Казалось новость эта для него

Была пріятна. Здѣсь теперь актеры

И кажется приказъ ужъ получили
Сегодня вечеромъ играть предъ принцемъ.

Полоній. Правда,
И принцъ мнѣ поручилъ просить васъ всепокорно
Пожаловать на это представление.

Король. Мы будемъ съ радостью; такое направление
Его ума отрадно для меня.
Пожалуйста, побольше разжигайте
Въ немъ страсть къ театру, вообще
Старайтесь направлять способности ума
Его къ забавамъ этимъ.

Розенкранцъ. Мы исполнимъ
Охотно порученье ваше, Государь.

(Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ).

Король. Гертруда милая, оставь насъ, мы секретно
Послали къ Гамлету сюда его позвать,
Чтобъ встрѣтился съ Офеліею онъ
Какъ будто бы случайно. Между тѣмъ
Я и Полоній спрячемся здѣсь такъ,
Чтобъ слышать все бы мочь, не будучи открытымъ
И по словамъ его потомъ судить, любовь ли
Иль что другое такъ свело его съ ума.
Подслушиванье здѣсь законно и похвально.

Королева. Я удаюсь. Что же до тебя,
Офелія, я отъ души желаю,
Чтобъ красота твоя счастливою причиной
Безумства Гамлета была, тогда
Я буду смѣть надѣяться, что можешь
Твое участіе и добродѣтель снова
Его привести на счастье вамъ обоимъ
Къ выздоровленію, столь желанному для насъ.

Офелія. Я, государыня, сама того желаю.

Полоній. Офелія! прохаживайся здѣсь, (королю)
А мы скорѣй на мѣсто, государь! (Офеліи)
Ты сдѣлай видъ какъ будто бы читаешь,
Тогда понятно станеть, отчего
Ты здѣсь одна. Притворство намъ привычно

И часто съ помощью наружности почтенной
И набожности минимой, за святого
Мы чорта самого преловко выдаемъ.
Король (въ сторону). О правда, страшная, мучительная правда!
Какъ тяжело мнѣ отозвалась въ сердцѣ
Замѣтка эта — совѣсть пещи! —
Лицо развратницы не такъ еще противно
Подъ маскою румянъ, бѣлила и скурмы,
Какъ преступленіе мое, подъ хитрой рѣчью
О добродѣтели, сокрытое. Да! тяжело!
Тяжелый и невыносимый грузъ!
Полоній. Плеть сюда! скорѣй, скорѣй на мѣсто!

(уходятъ, входитъ Гамлетъ).

Гамлетъ. Быть или не быть — вотъ онъ вопросъ! Должна-ли
Великая душа сносить удары рока,
Или вооружась противъ потока бѣдствій
Вступить съ нимъ въ бой и положить конецъ
Страданью....

Умереть — заснуть.... и только?

И этимъ сномъ покончить навсегда
Съ страданьями души, и съ тысячею болѣзней,
Природой привитыхъ къ немощной плоти нашей....
Конецъ прекрасный, и вполне достойный
Желаній жаркихъ....

Умереть — заснуть....

Заснуть... быть можетъ видѣть сны.. какіе?
Да! вотъ помѣха! Развѣ можно знать
Какіе сны намъ возмутятъ сонъ смертный?...
Тутъ есть о чемъ подумать!

Эта мысль

И дѣлаетъ столь долгой жизнь несчастныхъ.
И кто бы въ самомъ дѣлѣ захотѣлъ
Сносить со стономъ иго тяжелой жизни,
Когда бъ не страхъ того что будетъ тамъ, за гробомъ
Кто бъ захотѣлъ сносить судьбы все бичеванья
И все обиды сѣтя, поруганья
Тирана, оскорбленья гордеца,

Отверженной любви безмолвное страданье
Законовъ медленность, и дерзость наглеца,
Который облеченъ судьбой всеисильной властью,
Презрѣнне не вѣжъ къ познающимъ и уму,
Когда довольно остраго книжала,
Чтобъ успокоиться на вѣкъ?... Ктобъ захотѣлъ
Нести спокойно грузъ несчастной жизни,
Когда бъ не страхъ *чего-то* послѣ смерти,
Невѣдомой страны, откуда ни одинъ
Еще доселѣ путникъ не вернулся...
Вотъ что колеблетъ и смущаетъ волю,
Что заставляетъ насъ скорѣй сносить страданья,
Чѣмъ убѣгать къ инымъ, невѣдомымъ бѣдамъ,
Да! малодушными насъ дѣлаетъ сомнѣнье....
Такъ блѣдный свой оттѣнокъ размысленъ
Кладетъ на яркій цвѣтъ ужъ твердаго рѣшенья
И мысли лишь одной достаточно, чтобъ вдругъ
Остановить важнѣйшихъ дѣлъ теченье.
О еслибъ.... Ахъ, Офелія!... О, Ангелъ,
Въ своей молитвѣ чистой помини
Мои грѣхи!

Офелія. Принцъ, какъ здоровье ваше?

Гамлетъ. Благодарю васъ, я здоровъ.

Офелія. Мой принцъ

Отъ васъ подарки я имѣла, что залогомъ
Воспоминанія дарили вы. Давно
Желала я ихъ возвратить. Позвольте
Теперь мнѣ это сдѣлать

Гамлетъ. Отъ меня?

Подарки? нѣтъ ошиблись; вамъ подарковъ
Я не давалъ.

Офелія. Вы знаете, мой принцъ,

Что вы подарки эти мнѣ давали
И сладкія слова, которыми дары
Вы приправляли, — возвышали цѣну
Бездѣлокъ этихъ. Но теперь, когда
Онѣ утратили уже свое значенье,
Возьмите ихъ назадъ. Для любящаго сердца

И драгоценныя не дороги подарки
Съ минуты той, когда дающій ихъ
Становится намъ чуждъ. Возьмите же ихъ, принцъ.

Гамлетъ. Вотъ какъ! А что ты честная дѣвушка?

Офелія. Принцъ!...

Гамлетъ. И красавица?

Офелія. Что вы хотите сказать, Ваше Высочество?

Гамлетъ. А то, что если ты честна и вмѣстѣ съ тѣмъ красива,
такъ не слѣдуетъ пускать твоей честности дружить съ
красотою.

Офелія. Но развѣ можетъ красота желать лучшаго спутника
какъ честность?

Гамлетъ. Въ самомъ дѣлѣ? А по моему сила красоты скорѣе
обратить твою честность въ гнусный развратъ, чѣмъ могу-
щество честности, преобразуетъ красоту по своему подобію.
Прежде это считалось парадоксомъ, а нынче стало дока-
заннымъ фактомъ.... Было время, что я любилъ тебя.

Офелія. Да, принцъ, по крайней мѣрѣ вы заставили меня этому
вѣрить.

Гамлетъ. А вѣрить-то и не слѣдовало! Какъ не прививай до-
бродѣтель, точно оспу, къ ветхому человѣку, никогда она
вполнѣ не примется. Я не любилъ тебя!

Офелія. Значитъ я жестоко обманулась.

Гамлетъ. Знаешь что? Убирайся-ка въ монастырь! Что тутъ
заниматься размноженіемъ грѣшнаго люда? Вѣдь вотъ я,
считаю себя еще порядочнымъ человѣкомъ, а между тѣмъ
могъ бы, еслибъ захотѣлъ, найти въ себѣ столько недо-
статковъ, что лучше бы мнѣ не родиться на свѣтъ. Я въ
высшей степени гордъ, злопамятенъ, самолюбивъ. Въ го-
ловѣ моей гнѣздятся столько дурныхъ помысловъ, что у
меня не хватитъ соображенія, чтобъ привести ихъ въ по-
рядокъ, воображенія, чтобъ придать имъ должную форму и
времени, чтобъ ихъ выполнить. Гдѣ необходимость, чтобъ
подобные мнѣ пресмыкающіеся ползали между небомъ и
землею? Мы все мерзавцы, не вѣрь ни одному изъ насъ!
Пошла въ монастырь!... Гдѣ твой отецъ?

Офелія. Дома, принцъ!

Гамлетъ. Запри двери на ключъ и не позволяй ему выходить, пусть дурачится себѣ дома. Прощай!

Офелія. Спаси его милосердное небо!

Гамлетъ. Если вздумаешь идти замужъ, вотъ тебѣ въ приданое горькая убійственная истина. Будь холодна какъ ледъ и чиста какъ снѣгъ, а клеветы все-таки не избѣжишь. Пошла въ монастырь! Слышишь?... Прощай... или ужъ если тебѣ припала такая охота выходить замужъ, выбери себѣ съумасшедшаго.... Люди съ здравымъ разсудкомъ слишкомъ хорошо понимаютъ, какихъ чудовищъ вы изъ нихъ дѣлаете.... Пошла въ монастырь, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше! Прощай!

Офелія. Силы небесныя; возвратите ему память!

Гамлетъ. Слыхалъ я также о вашей страсти мазаться. Богъ далъ вамъ одну походку, а вы выдумали другую, вы прыгаете какъ стрекозы, вертитесь туда и сюда, смѣетесь надъ созданіями Божиими, и выдаете за незнаніе и невинность ваше притворство. Довольно! не говорить мнѣ больше объ этомъ! Я съ ума сошелъ именно отъ этой причины! Свадебъ болѣе не будетъ; тѣ кто уже поженились, пусть живутъ, исключая одного изъ нихъ, а другіе останутся такъ какъ есть. Пошла въ монастырь, пошла!

(уходитъ).

Офелія. Какой высокій умъ погибъ въ немъ безвозвратно!

Придворной ловкости образчикъ, храбрый воинъ,
Ученый, цвѣтъ, надежда королевства,
Онъ зеркаломъ изящества служилъ,
Притворомъ, за которымъ все сѣдлано....
И все погибло, все, надежды никакой!
А я несчастная и горькая, которой
Судьбою было суждено узнать
Всѣ сладости его признаній страстныхъ,
Осуждена теперь я видѣть этотъ умъ
Надтреснутому колоколу равнымъ
И издающимъ звукъ невѣрный и фальшивый
И эту молодость, и эту красоту
Погибшими отъ дуновенья вѣтра

Безумія. О горе, горе мнѣ!

Несчастная! зачѣмъ его я прежде знала

И знаю я теперь!

(входятъ Король и Полоній).

Король.

Любовь! нѣтъ не любовь

Его безумія причина. Впрочемъ, рѣчь

Его хоть не всегда согласна съ здравымъ смысломъ,
Но на безуміе далеко не походить.

Въ душѣ его, боюсь, закралось что-то,

Что умъ его тревожить, и быть можетъ

Что это что-то намъ грозитъ бѣдою....

Чтобы предупредить подобную опасность,

Вотъ я на что рѣшился. Я хочу.

Чтобъ онъ немедленно бы въ Англію уѣхалъ

Потребовать уплаты дани,

Которую намъ все не высылаютъ.

Быть можетъ, море, мѣста перемѣна

И новые предметы, развлекутъ

Его, и выгонятъ изъ сердца принца

Тѣ думы, что его больной тревожатъ мозгъ.

Полоній. Прекрасно, государь! но... какъ вы тамъ хотите,

А при своемъ я мнѣньи остаюсь,

Любовь несчастная,—всежъ главная причина

Его безумія..

(Офелія, которая подходитъ къ нему).

Офелія, не надо

Намъ повторять, что принцъ здѣсь говорилъ.

Мы сами слышали отъ слова все до слова.

(Королю)

Вы, Государь, распоряжайтесь такъ

Какъ вамъ угодно; но послушайте совѣта.

Позвольте послѣ пьесы, королевѣ

Имѣть съ нимъ откровенный разговоръ

Наединѣ, пусть материнской лаской

Она добьется что его такъ мучить...

Пожалуй, даже строгость не мѣшаетъ,

А я, коль вы позволите, такъ спрячусь,
Чтобъ слышать разговоръ.

Не выйдетъ ничего

Ну! въ Англіюго тогда пошлите,
Иль удалите въ мѣсто вы другое,
Куда благоугодно будетъ вамъ.

Король. Я такъ и сдѣлаю, не слѣдуетъ звать:
Безумство сильныхъ должно наблюдать!

(уходятъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ. ЗАЛА ВО ДВОРЦѢ.

Въ глубинѣ сцены устроенъ театръ, занавѣсъ опущенъ, справа и слѣва кресла для зрителей, кресла короля и королевы на возвышеніяхъ справа и слѣва около сцены.

Входить Гамлетъ и нѣсколько актеровъ въ костюмахъ.

Гамлетъ (*актеру, одѣтому королемъ*). Пожалуйста, не забудь произнести этотъ монологъ именно такъ, какъ я тебѣ указавъ, съ увлеченіемъ и силой, потому что если ты произнесешь его на манеръ большей части изъ вашей братии, такъ мнѣ было бы пріятнѣе слышать, что стихи мои читаютъ уличный глашатай. Не размахивай воть такъ руками, будь умѣренъ во всемъ, даже посреди бури, потока, урагана страстей, старайся соблюдать мѣру, смягчающую ихъ рѣзкость. По моему, нѣтъ ничего отвратительнѣе, какъ видѣть здоровыхъ молодцовъ въ огромныхъ парикахъ, которые рвутъ на клочки страсть и дерутъ уши партеру, которому, впрочемъ, только и подавай что нелѣпую мимику, да побольше шуму. Я бы перепоролъ всѣхъ этихъ наглецовъ, которые корчутъ Термагантовъ и юродствуютъ хуже самого Ирода ¹⁾. Пожалуйста избѣгай, этого промаха!

¹⁾ Иродъ и Термагантъ—лица часто появлявшіяся въ мистеріяхъ до шекспировскаго времени. Иродъ являлся всегда бѣснующимся.

Актеръ. Приницъ, я общаю вамъ это.

Гамлетъ. Да смотри ужъ и не очень холодно играй, а представь это твоему собственному размышленію. Движенія должны согласоваться со словами, слова съ движеніями, и при этомъ всегда слѣдуетъ стараться не выходить изъ предѣловъ естественности. Всякое уклоненіе отъ этого правила уже не сообразно съ цѣлью театральнаго представленія, которое должно быть вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности, представлять въ настоящемъ видѣ добродѣтель и порокъ, и каждой эпохѣ, каждому возрасту придавать настоящій ихъ характеръ. Если мы переступаемъ эту цѣль или не достигаемъ ее, мы, пожалуй, заставимъ смѣяться невѣжу, но оскорбимъ человѣка со вкусомъ, а похвала послѣдняя одна только и важна для насъ. Да! мнѣ случилось видѣть игру и слышать громкія похвалы такимъ актерамъ, которые, прости Господи, и на людей то не были похожи и орали такъ, что я, право, всегда думалъ, что ихъ сотворилъ не Богъ, а какой-то подмастерье природы, который думавъ натворить людей, и вмѣсто того надѣлалъ какихъ-то отвратительныхъ вырождковъ.

Актеръ. Кажется мы значительно исправились въ этомъ отношеніи.

Гамлетъ. Исправьтесь совсѣмъ и будетъ превосходно... Да! пожалуйста, чтобъ играющіе роли шутовъ ничего не прибавляли своего. Между ними водятся такіе, которые, чтобъ заставить смѣяться дураковъ, острять и шутить именно въ то время, когда ходъ пьесы требуетъ всего вниманія зрителей. Это ни на что не похоже, и шутъ, позволяющій себѣ подобные фарсы изъясняетъ этимъ наглѣйшую претензію. Идите же, приготовьтесь.

(актеры уходятъ; входятъ Полоній, Гильденстернъ и Розенкранцъ.)

Гамлетъ (*продолжая*). Ну, что Полоній, король намѣренъ смотреть нашу пьесу?

Полоній. Какъ же ваше высочество! и королева тоже... они сейчасъ будутъ.

Гамлетъ. Такъ поторопни актеровъ.

(Полоній уходитъ).

Гамлетъ (*Розенкранцу и Гильденстерну*). А вы не пойдете ли помочь ихъ приготовленіямъ?

Оба. Извольте, ваше высочество

(*уходятъ, выходитъ Гораціо*).

Гамлетъ. А! Гораціо!

Гораціо. Къ вашимъ услугамъ, принцъ.

Гамлетъ. Милый мой Гораціо! ты лучший изъ всѣхъ людей, которыхъ я знаю.

Гораціо. Мой дорогой принцъ...

Гамлетъ. Не думай что это лестно!... какой выгоды ждать мнѣ отъ тебя, бѣдняка, у котораго весь доходъ—его ленсто-щимая и ясная веселость? Развѣ бѣднякамъ лѣстятъ? Нѣтъ! Пусть медоточивый языкъ льстеца лижетъ ноги глупаго богача, пусть низкопоклонство падаетъ ницъ передъ выго-дой! Слушай! Съ тѣхъ поръ какъ я сталъ способенъ выби-рать людей и различать ихъ между собою, я отмѣтилъ тебя печатью моего предпочтенія, потому что увидѣлъ въ тебѣ человѣка, легко и свободно несшаго бремя горя, че-ловѣка, принимающаго съ одинаковымъ равнодушіемъ обиды и дары счастья. Блаженны тѣ люди, которыхъ разсудокъ и страсти уравновѣшены до такихъ размѣровъ! Они не будутъ покорною игрушкою счастья! Дайте мнѣ человѣка, который бы не былъ рабомъ своихъ страстей, и я прижму его къ моей груди, какъ прижимаю тебя, буду носить его образъ въ моемъ любящемъ сердцѣ подобно твоему! Но до-вольно объ этомъ. Сегодня передъ королемъ сыграютъ драму, въ которой одна сцена напоминаетъ убійство моего отца, о которомъ я тебѣ ужъ говорилъ. Когда дойдетъ дѣло до нее, прошу тебя, наблюдай за дѣйемъ со всѣмъ вниманіемъ, которое необходимо при моихъ подозрѣніяхъ. Если тайна его злодѣйства не выдастъ себя какимъ ни-будь знакомъ или словомъ съ его стороны, то привидѣніе, явившееся мнѣ, было дьявольскимъ навожденіемъ и по-мыслы мои преступны и черны какъ наковальня Вулкана... Смотри за нимъ внимательно!... Я съ своей стороны не-спущу глазъ съ его лица, и потомъ мы сообщимъ другъ другу наши замѣчанія, и выведемъ окончательное заклю-ченіе.

Гораціо. Съ удовольствіемъ, принцъ, и если хоть одно его слово, одно движеніе ускользнетъ отъ меня—я отвѣчу за него головою.

Гамлетъ. Они идутъ, надо снова надѣть спокойную маску!

(*Датскій маршъ, трубы. Входятъ Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ, Гильденстернъ и при-дворные*).

Король. Какъ поживаетъ нашъ племянникъ Гамлетъ?

Гамлетъ. Отлично! я на дітѣ, имъ пищу хамелеона, кормлюсь воздухомъ, упиваюсь надеждами. Каплуна вамъ этимъ не откормить.

Король. Я ничего не понимаю изъ твоихъ словъ. Они не отно-сятся ко мнѣ.

Гамлетъ. И ко мнѣ тоже. ²⁾ (*Полонію*) Полоній, ты кажется, говорилъ мнѣ, что, будучи студентомъ, ты игралъ на снѣгъ?

Полоній. Какъ же, какъ же, принцъ! и еще считался отличнымъ актеромъ

Гамлетъ. А въ какой роли?

Полоній. Юлія Цесаря, принцъ. Меня убивали въ Капitolіа. Брутъ закалывалъ меня!

Гамлетъ. Брутъ, какъ извѣстно, по латыни Brutus, и означаетъ «животное», и въ этомъ случаѣ онъ вполнѣ заслужилъ свое названіе убивъ въ Капitolіа такого капитальнаго теленка. ³⁾ Актеры готовы?

Розенкранцъ. Готовы, ваше высочество, они ждутъ только вашего приказанія.

(*всѣ садятся*).

Королева. Гамлетъ, мой милый, сядь возлѣ меня!

Гамлетъ. Извините, матушка, тутъ есть магнитъ посылить.

(*показываетъ на Офелію*).

²⁾ Въ подлинникѣ «these words are not mine—No, nor mine now» т. е. эти слова не мои—да и не мои уже теперь.

³⁾ Фраза «Брутъ какъ вамъ извѣстно и проч.» прибавлена перевод-чикомъ съ цѣлью сохранить игру словъ на Brutus, непонятную по рус-ски.

Полоний (королю). А? что? каково? замѣчаете?

Гамлетъ (садится у ногъ Офеліи). Прелестная Офелія, можно мнѣ лечь къ вамъ на колѣни?

Офелія. Нѣтъ, ваше высочество?

Гамлетъ. Да вѣдь головой только прилечь?

Офелія. Можете, ваше высочество...

Гамлетъ. А вы вѣрно другое подумали?

Офелія. Я ничего не думала, принцъ.

Гамлетъ. А вѣдь дѣло не дурное, прилечь на колѣни иначе, не головою? а?

Офелія. Что такое, ваше высочество?

Гамлетъ. Ничего-съ, такъ.

Офелія. Вы сегодня веселы, принцъ.

Гамлетъ. Кто это, я-то?

Офелія. Да, вы принцъ.

Гамлетъ. А то какъ же! вѣдь я въ шуты къ вамъ попалъ! Да что и дѣлать людямъ какъ не веселиться! Посмотрите на мою мать, видите какая она веселая, а вѣдь отецъ умеръ всего два часа тому назадъ.

Офелія. Вы ошибаетесь, принцъ, уже болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло.

Гамлетъ. Ой ли? Какъ же это давно было! Ну, въ такомъ случаѣ пусть чортъ ходитъ въ трауръ, а я надѣну горюстаевый плащъ! О Боже! два мѣсяца уже прошло со дня его смерти, а его все еще помнить! Этакъ можно надѣяться, что память о великомъ человѣкѣ прожить даже до шести мѣсяцевъ? Но клянусь Богородицей, для этого нужно покрайней-мѣрѣ, чтобъ онъ построилъ нѣсколько церквей, а иначе онъ рискуетъ быть забытъ, какъ тотъ, для котораго написана эта извѣстная эпитафія.

Увы, увy, увy!

Конька забыли мы!

Звукъ трубъ. Начинается пантомима. 4) Входитъ на сцену король и королева; они какъ видно изъ движеній, страстно любятъ другъ друга. Они обнимаются, короле-

4) Въ до-шекспировское время, пьесѣ всегда предшествовала объясняющая пантомима.

ва падаетъ передъ мужемъ на колѣни и какъ видно клянется ему въ любви. Онъ подымаетъ ее, целуетъ и ложится на лужайку отдохнуть. Когда онъ заснулъ, королева уходитъ. Входитъ новое лицо, снимаетъ съ спящаго корону, целуетъ ее, потомъ лѣтъ въ ухо ему ладъ и уходитъ. Королева возвращается и знаками выражаетъ свое отчаяніе. Является отравитель съ нѣсколькими лицами, которые вмѣстѣ съ нимъ знаками выражаютъ свою горестъ и уносятъ трунъ. Отравитель начинаетъ ухаживать за королевою, подноситъ ей подарки, она сначала противится, но потомъ принимаетъ его любовь.

Офелія. Что значить эта сцена, принцъ?

Гамлетъ. Да ничего хорошаго, тутъ что-то кроется!

Офелія. Эта пантомима изображаетъ вѣроятно сюжетъ пьесы? (входитъ Прологъ) 5).

Гамлетъ. А вотъ этотъ молодецъ объяснить намъ въ чемъ дѣло, актеры вѣдь такой ужъ народъ, тайны хранить не умѣютъ, все объясняютъ.

Офелія. Онъ намъ объяснить что значить эта пантомима?

Гамлетъ. Какъ же, онъ вамъ всякую пантомиму объяснить, всякое движеніе растолкуетъ. Вы только не постыдитесь сдѣлать какое нибудь этакое движеніе... знаете? а онъ ужъ объяснитъ вамъ въ чемъ дѣло.

Офелія. Вы злы, принцъ, я хочу слушать, не мѣшайте мнѣ.

Прологъ. Для актеровъ и для представленья
На колѣняхъ просимъ снисхожденья,
За ошибки просимъ мы пощады,
Чѣмъ богаты мы, такъ тѣмъ и рзды.

Гамлетъ. Что это? Прологъ или девизъ для перстня?

Офелія. Очень коротко.

Гамлетъ. Женская любовь не длиннѣе!

(на сцену входятъ Король и Королева).

Театральный Король. Ужъ тридцать разъ, какъ колесница Феба 6)
Обычный путь вокругъ свершила неба;

5) Прологъ, необходимое лицо старинныхъ пьесъ.

6) Смотри примѣчаніе 5-е, 2-го акта.

И тридцать раз уже луна при этомъ
Путь озаряла намъ своимъ заемнымъ свѣтомъ;
Съ тѣхъ поръ какъ намъ амуръ соединилъ сердца,
И вышли мы съ тобой съ подъ брачнаго вѣнца
И неразрывными связались цѣнами.

Театральная Королева. О! пусть еще пройдутъ неслышныя намъ
нами

Миллионы перелѣтъ и солнца и луны,
А будемъ мы судьбой съ тобой соединены!
Но ах! я съ горестью, супругъ мой, замѣчаю
Твои страданія, и горько я рыдаю
При видѣ слабости и немощи такой...
Но милый мой супругъ, той горестью пустой
Не огорчайся ты, намъ, женщинамъ, судьбой
Бояться суждено, утратить дорогой
И милый намъ предметъ, и чѣмъ сильнѣй мы любимъ
Тѣмъ опасеніемъ себя мы больше губимъ.
У насъ боязнь идти съ любовью наравнѣ,
Или ихъ вовсе нѣтъ, или крайни ужъ онѣ.
Ты опытомъ узналъ любви моей всю силу
А страхъ тебя узрѣть низринутымъ въ могилу
Не меньше сей любви. Когда любовь сильна
Ко всякимъ мыслямъ насъ должна привести она
И сердце страхомъ тѣмъ всечасно осаждено
Навѣрно сердце есть и страстно и влюбленно!

Театральный Король. Но милая моя, я долженъ смерти ждать
Ослабли силы всѣ, едва могу дышать...
А ты останешься одна на этомъ свѣтѣ
И у искателей ты будешь на примѣтѣ,
Супруга новаго навѣрно изберешь
И на престолъ его съ собою возведешь.

Театральная Королева. Могу ль кого любить, тебѣ узнавшимъ
цѣну?

Любовь такую я сочла бы за измѣну!
Пусть буду проклята, коль снова подъ вѣнецъ
Я встану, пусть меня тогда разитъ Творецъ!

Гамлетъ (въ сторону). Вотъ она, польза-то гдѣ!

Театральная Королева. Вторичный бракъ, всегда одинъ расчетъ
И не любовь къ нему, — корысть одна ведетъ.
Мнѣ кажется что я вторично-бъ умертвила
Умершаго, когда бъ другого допустила
Со мною тронъ, любовь и царство раздѣлать.

Театральный Король. Такъ думаешь теперь, то очень можетъ
быть.

Но намъ случается нерѣдко обѣщанья
Святые нарушать, повѣрь мнѣ — начинаю
Памѣти тяжелы, — конецъ ея — легокъ.
Да! клятва женщины, похожа на цвѣтокъ:
Сегодня разцвѣтетъ, а черезъ день завянетъ.
Я твердо убѣжденъ, что скоро часъ настанетъ,
Когда откажешься ты отъ твоихъ же словъ.
Характеръ нашъ, повѣрь, уже всегда таковъ.
Забыть не трудно намъ долговъ своихъ уплату,
Забыть не трудно намъ недавнюю утрату
И ты, теперь рѣшась вдовницею пребыть.
Нарушишь клятву ту, и скоро можетъ быть.

Театральная Королева. Пусть небо въ свѣтѣ, въ нинѣ мнѣ
земля откажетъ.

Пусть день покоя мнѣ не дастъ, и ночь мнѣ свяжетъ
Разсудокъ грезами ужасными, и пусть
Надежду замѣнитъ отчаянье и грусть,
Пусть будетъ мнѣ дворцомъ моимъ темница,
Пусть нинѣй будетъ жить несчастная царица,
Пусть радость пропадетъ и смѣнится тоской,
Пусть мукой вѣчною, неслыханною, злой
Удѣлъ мой будетъ здѣсь, и тамъ судьба моя,
Коль сдѣлавшись вдовой, супругой стану я.

Гамлетъ. А вѣдь надуетъ, и на клятву не посмотритъ!

Театральный Король. То клятвы страшныя. Супруга дорогая,
Оставь меня теперь, я чувствую, нѣмая
Усталость клонитъ мнѣ главу, и близокъ сонъ
Пусть усладитъ страданія мнѣ онъ.

(онъ ложится и засыпаетъ).

Театральная Королева. Пусть тихія мечты, твой сладкій сонъ ласкаютъ.

И горе лютое тебя совѣсть не знаетъ.

(она уходитъ).

Гамлетъ (къ матери). Ну, что королева, нравится вамъ пьеса?

Королева. Королева слишкомъ много общается, мнѣ кажется.

Гамлетъ. Что-жъ! вѣдь она сдержитъ слово!

Король. Однако, Гамлетъ, ты знаешь пьесу? нѣтъ ли въ ней чего неприличнаго!

Гамлетъ. Нѣтъ, Ваше Величество, вѣдь это все шутка, тутъ даже и отравляютъ такъ, для шутки. Самая невинная пьеса, какъ видите!

Король. А какъ она называется?

Гамлетъ. Мышеловка! Впрочемъ, названіе аллегорическое. Пьеса эта изображаетъ убійство случившееся въ Вѣнѣ. Короля зовутъ Гонзаго, а жену его Бабтиста. Вы сейчасъ увидите, это было гнусное, подлое злодѣяніе... да намъ-то что до этого? Ваше Величество и я, мы вѣдь никого не убивали, и это до насъ не касается. У кого чесотка, тотъ пусть и чешется — а у насъ вѣдь руки здоровы!

(входитъ Луціанъ, племянникъ театральнаго короля).

Гамлетъ (продолжаетъ). Этого зовутъ Луціанъ, онъ племянникъ короля.

Офелия. Вы берете на себя обязанность хора, принцъ.

Гамлетъ. Я вообще въ переводчики гожусь, хотите я пойду на эту должность между вами и вашимъ любовникомъ? Отлично исполню эту обязанность, только бы увидѣть мнѣ васъ въ дѣйствіи!

Офелия. Вы колки, принцъ.

Гамлетъ. А нусти-ка я въ ходъ одну тушую штуку, вотъ бы вы раскричались!

Офелия. Отъ часу не легче.

Гамлетъ. Точно какъ у васъ, при выборѣ супруга... Ну, чтожъ, начинай, убійца — Полно гримасы-то строить, начинай же. Ужъ мрачный воронъ

Зоветъ злодѣйскимъ карканьемъ на мщеніе!

Луціанъ. Рука моя не дрогнетъ, зрѣль мой ковь

И смертоносный адъ уже давно готовъ,

И часъ насталъ теперь исполнѣ благоприятный!

Никто изъ жителей вселенной необъятной

Не зритъ что я творю. Ты, пагубная влага,

Которую изъ травъ ночныхъ взяла отвaga,

Которая была проклятыя Гекаты

Осынена и смущена трикраты,

Исполни же свою обязанность, губи

Злодѣя моего, бушуй въ его крови.

(вливаетъ ядъ въ ухо спящаго).

Гамлетъ. Онъ отравляетъ его, какъ видите, въ саду, чтобъ завладѣть его короной. Короля зовутъ Гонзаго, происшествіе истинное и драма написана прекрасными итальянскими стихами. Сейчасъ вы увидите какъ убійца добился любви гонзаговой жены...

Офелия. Его величество встаетъ!

Гамлетъ. Чего это онъ, поддѣльнаго огня испугался?

Королева. Что съ вами, государь?

Полоній. Остановите представленіе!

Король. Огня, мнѣ душно!

Полоній. Огня, огня, огня!

(все уходитъ въ смятеніи, кромѣ Гамлета и Гораціо).

Гамлетъ. Ха, ха, ха!

Стонетъ олень, пораженный стрѣлой,

Лань невредима, спокойно пасется,

Плачетъ одинъ—веселится другой.

Чтожъ? ничего! такъ на свѣтъ ведется.

Что Гораціо! Еслибъ судьба обошлась со мною неучтиво, и сдѣлала бы меня нищимъ,—неправда ли, что одной этой эффектной сцены съ прибавкой кучи перьевъ на шляпѣ да двухъ прованскихъ розъ на башмакахъ, достаточно бы было, чтобъ попасть въ труппу актеровъ?

Гораціо. Да, на половинное содержаніе.

Гамлетъ. На полное, мой другъ, на полное!

Въ датской Зевсъ сидѣлъ королѣмъ,

Но теперь—тотъ вѣкъ прошелъ
И сидитъ на датскомъ тронѣ,
Преестественный—фазанъ! ⁷⁾

Горацио. А гдѣ же послѣдняя рѣма?

Гамлетъ. Милый мой Горацио, боюсь объ закладъ, что тѣнь была права, на цѣлую тысячу червонцевъ боюсь! ты замѣтилъ... когда дѣло дошло до отравленья!...

Горацио. Еще бы, да это бросалось въ глаза!

Гамлетъ. Ха, ха, ха! Музыку, флейтищиковъ сюда!

И если королю не любо представленье,

То значить.... чувствуетъ къ нему онъ отвращенья!

Музыку сюда!

(входятъ поспышно Гильденстернъ и Розенкранцъ.)

Гильденстернъ. Ваше высочество, позвольте вамъ сказать нѣсколько словъ!

Гамлетъ. Сколько вамъ угодно,—хоть цѣлую исторію!

Гильденстернъ. Принцъ, король....

Гамлетъ. Ну, что жъ король?

Гильденстернъ. Удалился на свою половину сильно разстроенный.

Гамлетъ. Виномъ, вѣрно?

Гильденстернъ. Нѣтъ, ваше высочество—гнѣвомъ.

Гамлетъ. Такъ обратитесь къ доктору, это будетъ умнѣе, потому что если я примусь за лечение, такъ пропишу ему такое слабительное, что онъ и жизни будетъ не радъ!

Гильденстернъ. Принцъ, удостойте говорить съ большей послѣдовательною и не отклоняйтесь отъ предмета.

Гамлетъ. Ну, я успокоился, говори!

Гильденстернъ. Глубоко огорченная королева, мать ваша, посылаетъ меня къ вамъ....

Гамлетъ. Милости просимъ!

Гильденстернъ. Ваше высочество, учтивость тутъ не кетати...

Если вамъ угодно отвѣчать серьезно—я исполню поруче-

ніе королевы, если же не угодно—я уйду и тѣмъ все и кончится.

Гамлетъ. Не могу, милостивый государь.

Гильденстернъ. Чего не можете, принцъ?

Гамлетъ. Серьезно отвѣчать,—вѣдь я сдѣлаю смѣшнѣйшій!.. но я готовъ отвѣчать вамъ, или, правильнѣе, моей матери, возможно-серьезно. Не будемъ тратить словъ, къ дѣлу! Моя мать, вы сказали...

Розенкранцъ. Поручила вамъ сказать, что ваше поведение поразило ее, удивило ее до нелзя.

Гамлетъ. Какой же я однако удивительный сынъ, когда могъ до такой степени удивить такую удивительную мать!.. Но за этимъ материнскимъ удивленіемъ вѣрно слѣдуетъ еще что нибудь?.. Продолжайте.

Розенкранцъ. Она желаетъ говорить съ вами прежде чѣмъ ляжетъ спать, въ своей спальнѣ.

Гамлетъ. Мы повинемся, будь она десять разъ нашей матерью! Еще чего не имѣете ли сказать?

Розенкранцъ. Принцъ, было время, когда вы меня любили.

Гамлетъ. И теперь еще люблю, клянусь этими десятью пальцами. ⁸⁾

Розенкранцъ. Ваше высочество! что причиною вашего разстройства? Вы облегчите себя, открывъ другу тайну своихъ страданій.

Гамлетъ. Меня беспокоитъ будущее, я боюсь за мое производство!

Розенкранцъ. Чего же вамъ бояться, когда самъ король избралъ васъ наследникомъ своимъ?

Гамлетъ. Такъ-то оно такъ! да... «покуда травка подрастетъ...» пословица-то это старая! ⁹⁾ *(входятъ флейщики).* А! вотъ и флейщики. Дайте мнѣ флейту *(беретъ флейту, Гильденстерну, который дѣлаетъ ему знакъ)* что? идти за вами? Зачѣмъ вы преслѣдуете меня какъ дичь на охотѣ?

⁸⁾ Въ подлинникѣ «by these pickers and stealers» что по толкованію Джонсона и Уаллея, въ переносномъ смыслѣ должно означать «руки».

⁹⁾ Окончаніе пословицы «Лошадка съ голоду умереть» (Malono).

⁷⁾ Въ подлинникѣ слова «was» должно рѣшовать съ «ass» вмѣсто котораго стоитъ «reassock» а въ нѣкоторыхъ изданіяхъ paddock (жаба)

Гильденстерн. Принц, если усердіе мое слишком смѣло и навязчиво, то причина этого — моя любовь къ вамъ!

Гамлетъ. Я что-то плохо это понимаю *(подавал ему флейту)*
Сыграй, пожалуйста, что нибудь на этой флейтѣ!

Гильденстерн. Не могу, принцъ.

Гамлетъ. Пожалуйста!

Гильденстерн. Ей-Богу не могу, принцъ.

Гамлетъ. Ну, ради Бога, для меня!

Гильденстерн. Да я не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ играютъ на этомъ инструментѣ.

Гамлетъ. Да вѣдь это не труднѣе чѣмъ напиримѣрь, солгать! Пальцами закрывай и открывай поочередно вот эти отверстия, а вотъ въ это дуи, и выйдетъ отлично. Посмотри, вотъ какъ нужно это дѣлать!

Гильденстерн. Да я не сумѣю извлечь нужныхъ звуковъ, у меня нѣтъ на это дарованія.

Гамлетъ. За какого же дурака меня-то ты считаешь? Въ глазахъ твоихъ я вѣдь тоже инструментъ, изъ котораго тебѣ хочется извлечь извѣстные звуки, и ты, должно быть, отлично знакомъ съ этимъ инструментомъ. Ты хочешь узнать, что у меня на душѣ, заставить звучать всѣ ея струны... А между тѣмъ вотъ въ этомъ небольшомъ кускѣ дерева заключается прелестная мелодія, иѣжный и сладкій голосъ, и ты не можешь заставить его издавать звуки!... Чортъ подери! Неужели же ты думаешь что со мной легче справиться чѣмъ съ флейтой? Какой бы музыкальный инструментъ не былъ я, но не тебѣ извлечь изъ меня звуки, пріятель! *(выходит Полоній)*. А! здорово Полоній!

Полоній. Ваше Высочество, королева желаетъ говорить съ вами немедленно.

Гамлетъ *(подходя къ окну)*. Посмотри-ка на это облако, которое такъ похоже на верблюда!

Полоній. Клянусь святой обѣдой, дѣйствительно — точно верблюдъ.

Гамлетъ. Впрочемъ мнѣ кажется оно больше похоже на хорька.

Полоній. Позвольте!... дѣйствительно, какъ есть хорекъ!

Гамлетъ. Или на кита!

Полоній. И съ китомъ сходство поразительное, ваша правда!

Гамлетъ. Я сейчасъ приду къ матушкѣ! *(встопону)* Они копчатъ тѣмъ что задурачать меня до сумасшествія... *(Полонію)* Я сейчасъ приду!

(Полоній уходитъ).

Гамлетъ. Сейчасъ! легко сказать, — оставьте меня, друзья мои *(всѣ уходятъ)*.

Гамлетъ *(одинъ)*. Вотъ почти часъ настала тѣнямъ благоприятный.

И тайнамъ волшебства, тогъ грозный, страшный часъ,
Когда вскрываются забытыя могилы
И алъ дыханьемъ отравляется земля.
Теперь я чувствую, что я на все способенъ!
Пить кровь людскую, и злодѣйства совершать,
Такія, отъ которыхъ свѣтъ дневной
Померкнуть можетъ. Тпше бейся сердце...
Мы къ матери идемъ, не потеряй
Свою всегдашнюю природу.

Будемъ тверды.

Но не допустимъ, чтобъ душа Нерона
Мнѣ въ грудь забралась, будемъ непреклонны,
Но не безжалостны. Пусть острые книжалы
Въ словахъ моихъ сокроются, но руки
Останутся спокойно, безъ оружія,
Пусть сердце и уста при этомъ облекутся
Въ покровъ притворства, какъ бы не ужасны
Упреки были, но... душа моя!
Не позволяй идти за словомъ дѣлу!

(уходитъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ. МОДЕЛЬНЯ КОРОЛЯ.

Готическая комната, справа большое окно съ цветными росписными стеклами, передъ окномъ наполь, съ подушками на подножии и открытой книгой. За наполью крестъ.

Входятъ Король, Розенкранцъ и Гильденстернъ.

Король. Въ немъ что-то есть, что не по праву мнѣ,
И кажется, что съ нашей стороны
Опасно-бъ было дать его безумью волю.
Готовьтесь же немедленно къ отъѣзду.
Я тотчасъ дамъ всѣ нужные приказы,
И въ Англію скорѣй съ нимъ поѣзжайте.
Не можемъ дольше подвергаться мы
Опасностямъ несчетнымъ, непрестаннымъ,
Которыми грозитъ его безумство!

Гильденстернъ. Къ приготовленьямъ мы немедленно приступимъ;
Законна и полезна осторожность,
Предметъ которой, утверждать покой
И счастье множества вамъ подданныхъ народовъ,
Которое зависить лишь отъ жизни
Великаго монарха.

Розенкранцъ. Всякъ обязанъ.

Въ начертанномъ ему судьбою кругѣ,
Всѣ силы, всю энергію свою
На сохраненье жизни посвящать.
А для того, съ чьей жизнью неразрывно
И крѣпко связана жизнь тысячи другихъ—
Обязанность такая — долгъ священный.
Когда король умретъ, — умретъ онъ не одинъ:
Онъ за собой все близкое погубитъ.
Когда король страдаетъ, — общій стонъ
Страданье это, въ государствѣ вызываетъ.

Король. Приготовляйтесь же, прошу васъ, поскорѣй!
Безъ замедленія вамъ надо отправляться.
Рѣшился твердо я скорѣе уничтожить
Причины беспокойства моего.

Розенкранцъ и Гильденстернъ. Мы поторопимся.

(уходитъ, входитъ Полоній).

Полоній.

Великій государь!

Принцъ къ матери отправился теперь,
А я сейчасъ пойду туда и спрячусь
За занавѣсь, чтобъ слышать ихъ бесѣду,
И отвѣчаю вамъ, что выговоръ такой
Супруга ваша Гамлету задастъ,—
Что онъ опомнится! Вы очень справедливо
Замѣтили мнѣ Государь, что лучше,
Чтобы другое ухо разговоръ тотъ
Подслушало. Вѣдь мать... ну, все же мать
И къ снисхожденію склонна.... Но прощайте!
И прежде чѣмъ вы ляжете въ постель
Я рассказать приду вамъ о свиданьи.

Король. Обязешь этимъ очень ты меня!

(Полоній уходитъ).

Король (одинъ). Увы мнѣ! Къ самымъ небесамъ лазурнымъ
Злодѣйства моего кровавый паръ восходить!
Древнѣйшаго проклятiя печатью
Оно отмѣчено, проклятiя, которымъ
Богъ перваго сразилъ братоубійцу.
Я не могу молиться, хотъ желаю
Я пламенно молиться. — Мой проступокъ
Сильтѣй желанья моего, похожъ я
На человѣка, у котораго два дѣла,
Который въ нерѣшимости не знаетъ
Съ чего начать ему, и потому
Ни къ одному изъ нихъ не приступаетъ....
Неужли правда, что когда-бъ слой крови брата
Пролитой проклятой рукой моею
Былъ толще чѣмъ сама рука, и то
Небесной благодати хватило-бъ, чтобъ омыть
Ее своею милосердной влагой
И умыть ее подобно снѣгу?
Что благодать эта именно затѣмъ
И существуетъ, чтобъ прощать намъ прегрѣшенья.

Молитва будто бы ту силу и имѣть,
 Что охраняетъ насъ отъ преступленья,
 А если ужъ его мы совершили,
 То помогаетъ выкупить его?
 И такъ — помолимся, проступокъ совершенъ!
 Но какъ молиться? «Господи помилуй
 «И отпусти мнѣ грѣхъ мой ненавистный?»
 Нѣтъ это невозможно! я владѣю
 Всѣмъ, для чего я грѣхъ тотъ совершилъ...
 Короной, королевою и властью. Невозможно
 Прощенья получить за грѣхъ, когда плоды
 Того грѣха еще мы сохраняемъ.
 Въ развратномъ мірѣ нашемъ, преступленье
 Задуть золотомъ гласъ вопиющей правды,
 И часто видимъ, что плодами прегрѣшенья
 Виновный безнаказанность добудетъ.
Но тамъ, на небесахъ, — иначе! Безполезны
 Тамъ извороты хитраго ума,
 Тамъ всѣ проступки наши безъ покровъ
 Являются, и ставъ лицомъ къ лицу
 Съ грѣхами нашими, тогда ужъ мы невольно
 Должны въ нихъ сознаваться... Что же дѣлать?
 За что приняты мнѣ... Извѣдаемъ, что можетъ
 Раскаяніе сдѣлать. Власть его
 Великая! Но... что въ ней для того
 Кто и раскаянья почувствовать не можетъ!
 О страшное терзаніе! О совѣсть!
 Чернѣйшая чѣмъ смерть! О бѣдная душа!
 Попалась ты въ силки ужаснаго злодѣйства
 И чѣмъ сильнѣе вырваться ты хочешь,
 Тѣмъ больше путаешь себя ты въ тѣхъ силкахъ!
 Вы ангелы небесные придите,
 Ко мнѣ на помощь, гнитеся колѣна
 Доселѣ непреклонныя, ты сердце
 Смягчись, и сдѣлайся подобнымъ сердцу
 Новорожденнаго дитяти... Есть надежда!

(становится на колѣни у аналогія, черезъ нѣ-)

сколько минутъ входитъ Гамлетъ и увидя, короля, останавливается).

ГАМЛЕТЪ. Какой удобный случай! Онъ въ молитву
 Весь погруженъ... я дѣйствовать могу
(вынимаетъ мечъ, но вдругъ останавливается).

Да, но тогда пойдетъ онъ прямо въ небо,
 А зтоль мщеніе, котораго я жду?...
 Подумать надо тутъ!...

Злодѣй убилъ отца
 А въ благодарности я, убитаго наследникъ
 Злодѣя этого пошлю на небеса?
 Благодаренье это, а не мщеніе!...
 Онъ умертвилъ отца въ то время какъ вопиѣ
 Тотъ плотскими былъ помыслами занятъ,
 Когда грѣхи его въ расцвѣтѣ полночь были
 Какъ майская растительность!...

Кто знаетъ,
 Какъ страшенъ былъ расчетъ съ небеснымъ судіею?
 Насколько можемъ мы судить — онъ строго
 Наказанъ долженъ быть...

Такъ можно ли назвать
 Мнѣ мщеніемъ смерть убійцы — въ ту минуту,
 Когда онъ душу очищаетъ на молитвѣ,
 Готовится къ дорогѣ въ небеса?
 Нѣтъ!

(кладетъ мечъ въ ножны).

Въ ножны мечъ мой! Погоди другаго,
 Страшнѣйшаго мгновенія для удара
 Когда онъ будетъ пьянъ, иль гнѣвомъ отуманенъ,
 Иль погруженъ въ плотскія наслажденія,
 Въ игру иль въ богохульныя насмѣшки,
 Когда онъ совершать лишь будетъ преступленія...
 Тогда — рази его, низвергни въ пропасть ада
 И пусть душа его чертѣ будетъ ножи
 И ада самого!...

Мать ждетъ меня!...

А ты

Влачи покайтесь цѣнь ужасной жизни,
Отстрочку я даю тебѣ, — не увольнение!

(уходитъ).

Король (встаетъ). Нѣтъ, лгутъ мои слова, мысль далеко отъ
неба,

А слову одному безъ мысли, до небесъ
Достигнуть невозможно

(уходитъ).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ. СПАЛЬНЯ КОРОЛЕВЫ.

Посрединѣ задней декораціи альковъ, закрытый занавѣсомъ, направо
налой, налѣво столъ, на лѣвой стѣнѣ два портрета. Возлѣ стола кресло.

Направо за наложную дверь.

Входятъ Королева и Полоній.

Полоній. Онъ тотчасъ будетъ здѣсь, смотрите же, построже

Вы дайте выговоръ ему. Скажите,
Что выходки его ужъ слишкомъ далеки
Зашли и далѣ ихъ выносить нельзя,

Что вы должны были стать между нмъ и гнѣвомъ
Монарха Данин. Я больше не скажу
Ни слова, сами знаете вы лучше,
Что надо дѣлать. Я же попрошу

Одного только, — твердости побольше!

Королева. Я общаю, будь вполне спокоенъ.

Но онъ идетъ, скорѣе удались!

(Полоній прячется за занавѣсъ, входитъ Гамлетъ).

Гамлетъ. Что вамъ угодно, матушка? Я здѣсь!

Королева. Ты оскорбилъ отца, Гамлетъ, и очень сильно.

Гамлетъ. Вы оскорбили сильно моего отца!

Королева. Ты говоришь какъ сжульнишій, полно!

Гамлетъ. Вы говорите какъ преступница. Довольно!

Королева. Что это значить, Гамлетъ?

Гамлетъ. Что такое?

Королева. Или ты забылъ съ кѣмъ говоришь?

Гамлетъ.

О нѣтъ!

Клянусь святымъ крестомъ. Вы—королева

Супруга брата моего отца

И, — Господи! зачѣмъ же не иначе!

Вы мать моя!

Королева.

Такъ говорить со мною

Я не позволю сыну, а пришлю

Сейчасъ кого нибудь кто говорить съ тобою

Съумѣетъ лучше! (хочетъ идти).

Гамлетъ (удерживая ее за руку). Что! куда!

Садитесь и ни съ мѣста! Да! ни съ мѣста!

Покажѣте я предъ вашими очами

Здѣсь не поставлю зеркала, въ которомъ

Увидите вы грязь своей души!

(закрываетъ дверь на ключъ).

Королева. Что хочешь дѣлать ты? убить меня, спасите!

Полоній (за занавѣсомъ). На помощь!

Гамлетъ (выхвативъ мечъ). Это что такое?

Мышь! Ставлю на закладъ червонецъ

Убита сразу!

(прокалываетъ занавѣску).

Полоній.

Я убить, спасите, охъ!

(подаетъ и умираетъ).

Королева. О что ты сдѣлалъ!

Гамлетъ. Самъ не знаю что!

Король?

(поднимаетъ занавѣску и вытаски-
ваетъ тѣло Полонія).

Королева. Какой кровавый, бѣшеный поступокъ!

Гамлетъ. Да, да, кровавый! — Матушка! онъ столько-жъ

Почти ужасенъ какъ другой — убить монарха

И съ братомъ въ бракъ его потомъ вступить!

Королева. Убить монарха?

Гамлетъ. Да! убить, убить!

Я именно сказалъ убить!

(къ Полонію).

Несчастный,

Безумец дерзкий и нескромный — извини:
Я думалъ здѣсь найти другаго, — поважѣе!
Что дѣлать! Видишь самъ, опасно
Въ дѣла чужія не спросишь совѣта.

(*королевъ*).

Да полно руки вамъ ломать!... Садитесь!
И дайте мнѣ вамъ сердце истерзать,
Когда осталось въ немъ хоть капля чувства
И къ преступленію привычка не совѣмъ
Еще его окаменила.

Королева.

Что такое

Я сдѣлала, чтобъ говорить со мною
Такъ грозно ты осмѣлился?

Га! что?

Гамлетъ. Извольте, я скажу — такое преступленіе

Которое собою губить прелесть и румянецъ
Стыда невиннаго; въ притворство обращаетъ
Святую добродѣтель, и съ чела
Любви невинной, разъ вѣнецъ срывааетъ
И гнойной язвой замѣняетъ тотъ вѣнецъ.
Онъ клятвы брашней святость нарушаетъ
И живой дѣлаетъ, какъ клятву игрока.
Такой поступокъ — что свершивъ его,
Ты губишь святость брачныхъ договоровъ,
И брака таинства ты въ шутку обращаешь!
Во гнѣвъ отъ него святые небеса,
Земля-жъ покрыта грустію, какъ будто
Послѣдній день для міра наступилъ!

Королева. О Боже? про какой ты говоришь поступокъ

Такимъ ужаснымъ голосомъ!

Гамлетъ.

Смотри

Вотъ два портрета... То изображенья
Двухъ братьевъ. Посмотри сюда, на этотъ,
Какая вѣжливость дышетъ здѣсь въ чертахъ!
Гиперіона кудри, лобъ Зевеса,
Взоръ Марса, повелительный и грозный

Осанка тѣла, складъ — Меркурія, который
Ниспосланный на землю небесами
Спустился только что на горную вершину...
Какое совершенство очертаній!
Казалось Боги, каждый въ свой чередъ,
Ему свои дарили совершенства,
Чтобъ совершенное созданье сотворить!
Онъ былъ твой мужъ!

Теперь гляди сюда!

Вотъ пышный твой мужъ — несчастный колосъ ржи,
Источенный червями — онъ убійца,
Убійца брата, похититель трона...
Гдѣ были у тебя глаза? Какъ можно
Оставить было этотъ холмъ цвѣтущій
И въ это броситься зловонное болото?
О! гдѣжь твои глаза, скажи мнѣ? Тутъ нельзя
Все на любовь свалить, въ твои года
Порывы страсти не мутятъ разсудокъ.
И кровь спокойно льется въ жилахъ. Неужели
Найдется хоть одно разумное творенье,
Которое рѣшится на обмѣнъ,
Подобный этому. Вѣдь чувства ты имѣешь
Не камень и не пень ты... но должно быть
Тѣ чувства снять, — иначе быть не можетъ!
Безумный даже выбрать бы сумѣлъ
При страшной разницѣ такой. О Боже!
Скажи, какой же демонъ омрачилъ
Твой разумъ, на глаза тебѣ повязку
Накинуть? Зрѣніе безъ осознанья, осознанье
Безъ зрѣнья, — слухъ безъ рукъ и глазъ,
Одно лишь обонянье — и того не надо!..
Частица одного изъ этихъ чувствъ
И та не сдѣлала-бъ безумной той ошибки!
О стыдъ! гдѣ твой румянецъ... Ахъ проклятый!
Когда ты можешь зажигать такъ страсти
Въ груди у женщины, которая была
Такъ много лѣтъ ужъ матерью, супругой, —
То растопи же въ молодыхъ сердцахъ

Какъ мягкій воскъ, святую добродѣтель!
Нѣтъ послѣ этого стыда и воздержанья!
И что-жъ дурнаго отдаваться страсти,
Когда и ледъ горитъ, когда самъ разумъ
Къ услугамъ похоти!

Королева. О Гамлетъ, ради Бога

Не продолжай! ты обратилъ мой взоръ
На душу грѣшную, и съ ужасомъ я вижу
На ней ужасныя, несладкія пятна.

Гамлетъ. Дышать зловоннымъ испареньемъ ложа

Кровосмѣшенъ осквернецаго, питаться
Пометомъ гнуснаго, ужаснаго разврата!
Валяться въ грязной лужѣ сладострастья!

Королева. О, перестань! — Слова твои — книжаль

И каждый, грудь разить мнѣ безпощадно...
Довольно, милый Гамлетъ!

Гамлетъ. О! убійца!

Мерзавецъ!.. Онъ не стоитъ сотою доли
Убитаго! Онъ не король, онъ шутъ
На королевскомъ тронѣ для потѣхи
Разсѣвшаго!.. Онъ наглый воръ,
Укрившій ловко Датскую корону
И спрятавшій ее въ карманъ!...

Королева. Довольно!..

Гамлетъ. Паяцъ въ порфирѣ!..

(У него является тѣнь отца Гамлета).

Силы неба!.. защитите!..

Покройте крыльями главу мою!..

О! что ты!

Желаешь возвѣстить мнѣ милый призракъ?

Королева. Увы! онъ сумасшедшій!

Гамлетъ. Что? съ упрекомъ

Явился ты къ слабѣющему сыну,

Что пропускаетъ время онъ напрасно

И забываетъ заповѣдь твою?

О говори же!

Тѣнь. Помни, сынъ мой,

Что я пришелъ тебя на мѣсть подвинуть,

И разбудить уснувшую рѣшимость!

Но посмотри, здѣсь мать твою, она

Въ тѣмной испугъ тобой погружена.

О облегчи души ея страданья,

Въ некрѣпкомъ тѣлѣ страшныя тѣ терзанья,

Что возбуждаетъ мощь воображенія,

Скажи скорѣй ей слово утѣшенія!

Гамлетъ. Что съ вами, матушка?

Королева.

Что Гамлетъ мой съ тобою?

Зачѣмъ глаза ты устремилъ въ пространство?

Зачѣмъ ты съ воздухомъ вступаешь въ разговоръ?

Въ очахъ испуганныхъ души видна тревога,

И волосы твои, какъ будто бы живые

На головѣ встаютъ, подобно сонной рати

Тревогою застигнутой средѣ ночи?

О милый сынъ мой, затуши скорѣй

Прохладою водою терпѣнья пламень гнѣва...

На что ты смотришь, Гамлетъ!

Гамлетъ.

Это онъ!

Смотрите какъ онъ грустенъ! Видъ его

И въ камни бы вдохнулъ способность къ состраданью

(къ Гамлету)

О! не смотри такъ жалобно! твой видъ

Убьетъ всю твердость моего рѣшенія,

Я потерять могу всю силу для отмщенія,

Душа откажется исполнить устъ угрозы,

И вмѣсто крови—станутъ литься слезы!

Королева. Съ кѣмъ говоришь ты?

Гамлетъ.

Развѣ ничего

Вы тамъ не видите?

Королева.

Нѣтъ! ничего не вижу,

Хотя все вижу, что вокругъ насъ здѣсь.

Гамлетъ. И ничего не слышите?

Королева.

Я слышу

Твой лишь да мой слова,—и только!

Гамлетъ. Да посмотрите же сюда!.. Какъ медленно и грустно,

Онъ удаляется!.. Вѣдь это онъ, отецъ,

Онъ въ той же самой царственной одеждѣ,

Которую носилъ еще при жизни!
Смотрите... вотъ уходитъ, вотъ... исчезъ...

(Тѣнь исчезаетъ).

Королева. Игра воображенья это, смутный призракъ,
Которые такъ часто бредъ рождаетъ.
Гамлетъ. Бредъ? Но пощупайте мнѣ пульсъ.. Смотрите...
Онъ бьется ровно, точно какъ у васъ!
Нѣтъ! не въ бреду я говорилъ!—Съ вопросомъ
О чемъ угодно, можете ко мнѣ,
Вы обратится,—я отвѣчу здраво,
И слово въ слово повторю вопросъ!..
Такъ съумасшедшему не сдѣлать!.. Мать моя!
Во имя неба, не ласкайся мыслью,
Что то безуміе мое, а не твой грѣхъ,
Который поднялъ здѣсь карательный свой голосъ,
Вѣдь этимъ раны ты не заживишь,
А лишь снаружи ты ее залечишь,
Внутри-жъ невидимый таясь будетъ гной
И разъѣдать измученное тѣло...
Нѣтъ! лучше исповѣдайся предъ небомъ,
Раскайся въ прошломъ, и подумай о грядущемъ,
Не утучнивай зловреднаго растенья,
Не увеличивай зловредности его!
Прости мнѣ правду!... Въ этомъ гнусномъ свѣтѣ,
Прощенья у порока просить правда
И молить точно милость, позволенъ,
Его на путь блаженства навести.

Королева. О Гамлетъ! ты на части рвешь мнѣ сердце!

Гамлетъ. О брось же часть порочную подальше,
И съ частью чистой, въ чистотѣ живи!
Прощай...

Но не ходи ты, умоляю, къ дядѣ,
Хоть съ виду сохранил ты добродѣтель,
Коль въ сердцѣ нѣтъ ее.

Чудовище-привычка,
Которая въ насъ чувства убиваетъ
И чистымъ ангеломъ, случается, бываетъ

И добродѣтели удобную одежду
Даетъ своей несокрушимой силой,
Прощай еще разъ—если есть въ тебѣ
Способность у небесъ просить благословенья,
Я твоего прошу:

(показывая на тѣло Полонія).

А этого глупца
Мнѣ жалко! Каюсь я въ напрасномъ томъ убійствѣ;
Но.... такъ судьба хотѣла! Надо было,
Чтобъ казни былъ и для него орудіемъ,
Какъ онъ—орудіемъ гибели моей!
Я позабочусь о его могилѣ,
И за убійство — отвѣчаю самъ.
Прощай же! Я обязанъ быть жестокимъ,
Вѣдь нѣжность бы моя тебѣ всю душу
На части растерзала!

Зло свершилось,
Но зло страшнѣйшее осталось впереди!
Да! вотъ еще что...

Королева. Что мнѣ надо дѣлать!

Гамлетъ. Конечно, ужъ не то, что говорилъ я!

Пусть пьяный мужъ васъ увлечетъ на ложе,
Пусть толстою рукой по щекамъ онъ потреплетъ
И назоветъ васъ душечкой, жизненкомъ,
И пусть за пару страстныхъ поцалуевъ,
При помощи его развратныхъ ласокъ,
У васъ онъ купитъ истину, заставитъ
Сознаться васъ, что я не съумасшедшій,
Что притворяюсь я.—Оно вѣдь такъ и должно,
Какъ въ самомъ дѣлѣ, столь прекрасной королевы,
Разумной, мудрой, можно вдругъ скрывать
Отъ этой гнусной твари, этой жабы,
Столь важные секреты?..

Кто тутъ станетъ
Молчать?.. Вѣдь это невозможно!..

Нѣтъ!
На переборъ разсудку выносите,

Вы клетку съ птицами на крышу, дверь откройте
И выпустите птицъ, да кстати за одно,
Какъ обезьяна въ баснѣ, попытайте,
Залѣзть и сами въ клетку, и слетѣвъ
На мостовую—голову сломайте!

Королева. О вѣрь, коль слово есть дыханье, а дыханье
Есть наша жизнь,—во мнѣ нѣтъ больше жизни,
Чтобъ вымолвить хоть слово изъ того.

Что ты сказалъ мнѣ, Гамлетъ дорогой!

Гамлетъ. Я въ Англію назначенъ. Вамъ извѣстно?

Королева. Увы! я позабыла!—Такъ рѣшили.

Гамлетъ. Со мною грамоты секретныя отправятъ

И двумъ друзьямъ —

Я вѣрю тѣмъ друзьямъ,

Не болѣе какъ двумъ ехиднамъ—дано приказаніе,
Тѣ грамоты доставить, и вести
Меня прямымъ путемъ къ устроенной ловушкѣ.
Пусть будетъ такъ!

Пріятно увидеть,

Какъ собственный подкопъ убьетъ сапера!
И буду я сильнѣйшимъ дуракомъ,
Коль не удастся мнѣ подкопъ устроить ниже
Подкона ихняго, и ихъ взорвать на воздухъ.
И ничего забавнѣе не знаю,
Какъ встрѣча двухъ враждебныхъ хитрецовъ!
Полонія убійства, вѣроятно,
Отъѣздъ ускорить мой, скорѣе отнесу,
Я тропъ его подальше.

Ну, прощайте!

(показывая на Полонія).

Совѣтникъ этотъ сталъ теперь и важень,
И молчаливъ, и скромнень—а вѣдь былъ
При жизни пренуебнѣйшимъ болтуномъ!
Ну, чтожъ, пойдемъ, пріятель! Надо кончить!
Прощайте матушка!

(Королева уходитъ въ одну сторону,
Гамлетъ въ другую, съ тѣломъ Поло-
нія на плечахъ).

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ. СПАЛЬНЯ КОРОЛЕВЫ.

Входятъ Король, Королева, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Король (къ королеве). Волнение это, эти впадохи, непременно
Должны имѣть причину, что случилось?

Мы знать должны! Гдѣ сынъ вашъ королева?

Королева (Гильденштерну и Розенкранцу). Оставьте насъ на время.

(Гильденштернъ и Розенкранцъ уходятъ).

Государы!

Что видѣла сегодня ночью я!

Король. Что, что такое, милая Гертруда?

Что Гамлетъ?

Королева. Гильденъ и безумецъ, точно море
Въ борьбѣ съ жестокии ураганомъ! Онъ въ припадкѣ
Услышалъ тутъ за занавѣсомъ шорохъ..
«Мышь!» вдругъ вскричалъ и выхвативъ свой мечъ.
Пронзилъ Полонія, не зная самъ, что тотъ,
За занавѣсомъ спрятался...

Король. О горе!

И насъ могла-бъ постигнуть та же участь,
Когда-бъ мы были тамъ. Его свобода
Грозитъ опасностью для всѣхъ. Для насъ
И для меня... Для каждаго изъ насъ!
Какъ оправдать ужасный тотъ поступокъ?
На насъ отвѣтственность, падеть его навѣрно
Должны мы были это ранѣ предвидѣть,
И помѣшать несчастному безумцу
Свершить ужасное такое преступленіе.
Но намъ любовь къ нему мѣшала, не хотѣли,
Совѣтовъ мудрости послушать мы при этомъ,
Мы поступили точно челоуѣкъ,
Болѣзнію постыдной зараженный,
Который, стыдясь скрывая свой, даетъ
Болѣзни время заразить всю кровь.
Куда пошелъ онъ?

Королева. Спрятать трупъ подальше.

Въ безумствѣ даже чувство видно въ немъ.

Оно блестяще, какъ дорогой металлъ,
Средь грубой массы рудной.

Сожалѣть

И горько плачешь онъ о томъ убійствѣ.

Король. Гертруда милая, скорѣй пойдешь, съ зарею
Его отправить надобно.

Поступокъ

Его ужасный, надо будетъ скрыть,
Или въ другомъ представить, лучшемъ видѣ,
Для этого мы все свое искусство
И власть свою употребить должны...
Эй Гильденстерн!

(Гильденстерн и Розенкранцъ входятъ).

Друзья, скорѣй возьмите

Съ собою стражу...

Гамлетъ нашъ въ безумьи

Положи убилъ и трупъ его

Унесъ изъ комнаты Гертруды...

Поскорѣе

Его вы отыщите...

Берегитесь

Вы Гамлета хоть словомъ раздражить,

А тѣло отнесите вы въ часовню...

Поторопитесь, умоляю вас!

(Гильденстерн и Розенкранцъ уходятъ).

Пойдемъ Гертруда, соберемъ друзей

Мудрейшихъ нашихъ, и объявимъ

Имъ, что намѣрены мы дѣлать, и несчастье,

Которое случилось.

Можетъ быть,

Что мы принявъ предосторожность эту,

Спасемъ себя отъ отравленныхъ стрѣлъ

Которыя съ конца въ конецъ по свѣту,

Такъ ловко мечеть клеветы, и стрѣлы

Ее, напрасно воздухъ поразятъ,

О поскорѣй пойдешь! Душа моя полна

Нѣмого ужаса и трепета...

Скорѣй!

(поспѣшно уходятъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ. ЗАЛА СЪ ГАЛЛЕРЕЕЙ.

Декорация второй сцены, второго акта.

Вбѣгаетъ съ лѣстницы Гамлетъ.

Гамлетъ. Спрятанъ отлично!

Нѣсколько голосовъ за сценой. Принцъ! Принцъ Гамлетъ.

Гамлетъ. Однакомъ тише!.. Что это за шумъ? Кто зоветъ Гамлета? А! вотъ они идутъ!

(входятъ Гильденстернъ и Розенкранцъ).

Розенкранцъ. Принцъ, куда вы дѣли трупъ?

Гамлетъ. Возвратилъ его праху, изъ котораго онъ былъ сотворенъ!

Розенкранцъ. Потрудитесь сказать намъ, гдѣ онъ находится, чтобъ мы могли взять его оттуда и отнести въ часовню.

Гамлетъ. И не воображайте этого!

Розенкранцъ. Чего, Принцъ?

Гамлетъ. Что я сдѣлаю по вашему, а не по моему... Къ тому же—терпѣть допросъ отъ губки! Что отвѣчать ей, королевскому сыну?

Розенкранцъ. Такъ вы считаете меня губкой, принцъ?

Гамлетъ. Да! Ты губка, поглощающая королевскія милости, награды, власть—все! Впрочемъ, такіе слуги очень удобны для королей, они для нихъ точно для обезьяны пища, которую она сохраняетъ за щеками, чтобъ проглотить когда проголодается. Стоить тебя позвать—и ты снова, въ качествѣ губки, выпустишь изъ себя всю влагу милостей, и съежиться отъ сухости.

Розенкранцъ. Я не понимаю ваше высочество.

Гамлетъ. И хорошо дѣлаешь! Слова плута, снять въ ухъ глунца¹⁾

Розенкранцъ. Ваше высочество, благоволите сказать намъ, гдѣ тѣло, и пожаловать съ нами къ королю.

Гамлетъ. Тѣло при королѣ, но король не въ этомъ тѣлѣ²⁾, Король—нѣчто.

¹⁾ Въ подлинникѣ «A knavish speech sleeps in a foolish ear» переводъ буквальный, это, должно быть, поговорка.

²⁾ Въ подлинникѣ «The body is with the king, but the king is not with the body» слово «body» очевидно относится здѣсь къ трупу.

Гильденстернъ. *Ничто?* принцъ...

Гамлетъ. Или, пожалуй, *ничто* *)... Пойдемте-ка къ нему, мы съ нимъ будемъ играть въ жмурки!

(уходятъ)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ. СПАЛЬНЯ КОРОЛЕВЫ.

Входятъ Король и свита.

Король. За нимъ послалъ я, и велѣлъ скорѣе
Найти гдѣ скрытъ онъ тѣло. Какъ опасно
Его на волѣ оставлять! Однакожь
Не можемъ мы всей строгостью законовъ
Противъ него вооружиться. Онъ любимъ
Безмысленной толпой, которой для сужденія
Довольно глазъ, а не разсудка. А при этомъ
Проступокъ судить легче наказанья,
Чтобы предупредить все толки недовольныхъ,
Изгнаніе его, плодомъ должна казаться
И продолжительныхъ и мудрыхъ размышлений
Болезнямъ страшнымъ—страшныя лекарства
Иначе быть не могутъ!

(входитъ Розенкранцъ).

Ну! что онъ.

Розенкранцъ. Мы, государь, добыться не могли,
Куда онъ спряталъ тѣло.

Король. Гдѣжь онъ самъ?

Розенкранцъ. Въ сосѣдней комнатѣ, подъ стражею надежной
Ждетъ повелѣній вашихъ.

Король. Пусть введутъ,

Его предъ насъ.

Розенкранцъ. Эй, Гильденстернъ, введи скорѣе принца.

(входятъ Гамлетъ и Гильденстернъ)

Король. Ну, Гамлетъ, гдѣ Полоній?

Гамлетъ. На обѣдѣ!

Король. На обѣдѣ! гдѣ же это?

Гамлетъ. На такомъ обѣдѣ, гдѣ не онъ обѣдаетъ, а имъ обѣдаютъ. Его кушаетъ цѣлое собраніе червей-политиковъ. Червь—царь всехъ обжоръ! Мы откармливаемъ животныхъ, чтобъ откармливать ими себя, а себя откармливаемъ чтобъ откармливать червей. Толстый король и худощавый нищій—два разныхъ блюда за столомъ у червя—вотъ и все.

Король. Увы, увы!

Гамлетъ. Вѣдь очень можетъ случиться, что человѣкъ словить рыбу червякомъ который отвѣдалъ короля, и съѣсть потомъ рыбу, съѣвшую этого червя!

Король. Что же изъ этого?

Гамлетъ. Да ничего, я хотѣлъ только показать какой дорогой, король можетъ попасть въ желудокъ раба!

Король. Гдѣ Полоній?

Гамлетъ. Въ раю!... Не вѣрите, пошлите справиться, если посланный вашъ не найдетъ его тамъ, ступайте сами искать его въ противоположномъ мѣстѣ!... Во всякомъ случаѣ, если не найдете его въ продолженіе мѣсяца, такъ онъ самъ скажется вашему носу, при входѣ на лѣстницу на галлерей!

Король (свита). Идите туда скорѣе!

Гамлетъ. Не торопитесь! онъ и подождетъ!

(свита уходитъ).

Король. Гамлетъ! для пользы твоего здоровья, которое столько же намъ дорого, какъ прискорбень для насъ твой поступокъ, нужно тебѣ скорѣе уѣхать отсюда. Приготовляйся же поскорѣе, корабль готовъ, вѣтеръ попутный, твои спутники ждутъ тебя и все готово для твоей поѣздки въ Англію.

Гамлетъ. Такъ въ Англію?

Король. Да, Гамлетъ!

Гамлетъ. Хорошо.

*) Въ подлинникѣ The king is a thing,—or nothing.

Король. Ты еще бы вѣрнѣ могъ сказать *хорошо*, еслибъ зналъ мои намѣренія.

Гамлетъ. Я знакомъ съ ангеломъ, который ихъ видитъ!... Ну, чтожъ! Въ Англію такъ въ Англію! Прощайте, дорогая маменька!

Король. Любящій тебя отецъ, Гамлетъ.

Гамлетъ. Нѣтъ! маменька! Отецъ и мать,—мужъ и жена, мужъ и жена—одно тѣло—слѣдовательно... прощайте, маменька! —Идемъ въ Англію!

(*уходитъ*).

Король (*Гильденстерну и Розенкранцу*). Слѣдуйте за нимъ! шагъ за шагомъ! торопите его на корабль, не теряйте времени. Я желаю, чтобъ онъ сегодня же оставилъ здѣшнія мѣста. Идите, все готово, торопитесь, ради Бога!

(*Гильденстернъ и Розенкранцъ уходятъ*).

Король (*одинъ*). Владыко Англіи! ты знаешь мощь мою...

Еще не зажили въ твоёмъ великомъ царствѣ
Удары датскаго меча, и добровольно
Ты намъ почтенія платишь дань.

И такъ,

Коль дорожишь моею ты дружбой
Исполни-жь ты приказъ мой—смерть Гамлету!
О! выполни его!

Гамлетъ—моя болѣзнь,

Которая жжетъ кровь мою, и ты
Одинъ лишь можешь излечить меня!
Покажешь не узнаю что *свершилось*
Чтобъ ни было—спокою я не буду
И итти счастья для меня!

(*уходитъ*).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ. МОРСКОЕ ПРИБРЕЖЬЕ.

Таже декорация что въ пятой сценѣ перваго акта. Вдали видны корабли Фортинбраса.

(*Входятъ Фортинбрасъ, офицеры и войско.*

Фортинбрасъ (*одному изъ офицеровъ*). Капитанъ! отнесите отъ меня привѣтъ королю Дании, скажите ему, что, согласно договору, Фортинбрасъ проситъ позволенія пройти черезъ его земли. Вы знаете, гдѣ назначено сойтись войскамъ? Если его величество пожелаетъ видѣться со мною, я посѣбшу принести къ его стопамъ должную дань почтенія, скажите это ему.

Офицеръ. Я исполню приказаніе вашего высочества!

Фортинбрасъ. Впередъ! и помнить что мы на дружеской землѣ!

(*уходитъ съ войскомъ, офицеръ остается, входятъ Гамлетъ, Гильденстернъ и Розенкранцъ*).

Гамлетъ (*офицеру*). Другъ мой, чья это войска?

Офицеръ. Племянника норвежскаго короля—Фортинбраса.

Гамлетъ. Что, это противъ всей Польши походъ, или только противъ какой нибудь ея пограничной части?

Офицеръ. По правдѣ сказать, мы идемъ на завѣваніе земли, приобрѣтеніе которой доставитъ намъ только славу, но ровно никакой выгоды. Я бы не взялъ ее въ арендное содержаніе за пять червонцевъ, и еслибъ вздумали продать ее, ни Норвегія, ни Польша не выручили бы за нее болѣе этого.

Гамлетъ. Такъ поляки и защищать ее не станутъ!

Офицеръ. Напротивъ, они ужъ и гарнизонъ туда послали!

Гамлетъ. Двухъ тысячъ человекъ и двадцати тысячъ червонцевъ было бы не достаточно, чтобъ рѣшить этотъ пустой споръ! Это одинъ изъ тѣхъ нарывовъ, которые являются вслѣдствіе застоя жизненныхъ соковъ государства при слишкомъ продолжительномъ мирѣ и благоденствіи. Благодарю тебя, мой другъ!

Офицеръ. Прощайте.

(*уходитъ*).

Розенкранцъ. Прикажете продолжать путь, принцъ?

Гамлетъ. Идите, я сейчасъ васъ догоню.

(*Гильденстернъ и Розенкранцъ уходятъ*).

Гамлетъ (*одинъ*). Какъ все меня зоветъ ко мнѣнью

И въ медленности громко упрекаетъ!

Чтожъ человекъ такое, если онъ

Все счастье свое лишь поставляетъ въ томъ,
Чтобъ ѣсть да пить?

Животное! не больше!

Ужъ вѣрно тотъ кто надѣлалъ насъ щедро
Способностию понимать весь міръ
Не для того намъ мудрый данъ разсудокъ
Чтобъ оставался онъ безъ дѣла, праздный!...
Забывчивость ли глупая, или трусость
Которая меня все заставлялетъ
Поглубже обсуждать задуманный поступокъ
И къ доли мудрости примѣшивать три доли
Трусливой подлости,—но только не могу
Себя растолковать, зачѣмъ я до сихъ поръ
Все собираюсь, дѣлать, и стою
На томъ же мѣстѣ.

Вѣдь причина есть.

Есть сила, воля, средства! Все зоветъ,
Меня на мѣсть, примѣры отовсюду...
Вонъ, эта армія, которую ведетъ
Принцъ-юноша; онъ смѣло въ бой стремится
Опасности, душа героя не боится,
Онъ славы жаждетъ, и смѣяся жизнь
Онъ подвергаетъ всѣмъ случайностямъ сраженья...
И все изъ за бездѣлки... Да величье
Прямое въ этомъ лишь и состоитъ,
Что только въ важныхъ случаяхъ возненье
Къ герою въ душу проникаетъ, но воля чести
Вышлазась въ дѣло—и соломинки довольно.
Чтобъ быть причиной ссоры неизбежной.
А я то чтоже! У меня убить отецъ,
Мать обезчещена, все, все зоветъ къ убійству,
Все возбуждаетъ гнѣвъ мой и мой разумъ,
А я дремлю, межъ тѣмъ какъ къ моему
Стыду, и вижу двадцать тысячъ человекъ
Идущихъ на смерть для пустой лишь тѣни,
Для славы,—и идти такъ радостно, спокойно
Какъ будто бы въ покойную постель!
Идти сражаться за клочекъ земли,
Который даже малъ бы былъ, чтобъ всѣхъ ихъ
Похоронить... Проснись скорѣе сердце!

И пусть отнынѣ помыслы мои
Къ отмщенію стремятся одному,
Изъ вовсе помысловъ ужъ болѣе не будетъ!

(уходитъ).

СЦЕНА ПЯТАЯ. ЭЛЬСИНОРЪ, КОМНАТА КОРОЛЕВЫ.

Входитъ поспѣшно Королева за нею Гораціо.

Королева. Я видѣть не хочу ее! не нужно!
Гораціо. Но настоятельна она такъ умоляетъ,

Она въ безуміи и жалости достойна.

Королева. Чего жъ она желаетъ?

Гораціо.

Говоритъ

Она все объ отцѣ своемъ. Толкуетъ,
Что въ свѣтѣ мало правды и вздыхаетъ,
Бьетъ въ грудь себя и сердится на все.
Слова безъ смысла и безъ связи произноситъ,
Въ словахъ тѣхъ, кажется, и нѣтъ ничего,
А между тѣмъ ихъ всякій объясняетъ
По своему, пробѣлы пополюетъ...
Къ тому же видъ ее, съ которымъ говоритъ
Она, слова тѣ, всѣ ея движенія,
Имъ мнимый смыслъ какъ будто придаютъ
И можетъ смыслъ дѣйствительно въ нихъ есть
Но ужъ навѣрное они грозятъ бѣдою!

Королева. Такъ надо съ ней поговорить, а то
Она въ умахъ посѣетъ недовольство,
И разные опасныя догадки.
Впусти ее.

(Гораціо уходитъ).

Душѣ моей преступной

— Ужъ такова судьба преступниковъ — бездѣлка
И та ужъ кажется предвѣстницей бѣды.
Такъ совѣсти виновной нѣтъ покоя,

Ее боязнь всегда одолевает
И изменить себя она боится,
(*выбегает Офелия за нею Горацио*).

Офелия. Гдѣ красавица—королева Даниа?

Королева. Что съ тобою Офелия?

Офелия (*поетъ*). Какъ узнаю я дѣвица,
Друга сердца твоего?
— Шляпа въ раковинахъ, посохъ
И сандалии у него!

Королева. Милая Офелия, что значить эта пѣсня?

Офелия. Вы еще спрашиваете что? А вотъ послушайте далѣе:
Умеръ умеръ онъ дѣвица!
Далеко онъ схороненъ,
Холмъ дерновый въ изголовье,
Камень въ ноги положенъ.

Королева. Офелия, послушай!

Офелия. Ахъ да слушайте, же!
Саванъ бѣлый весь усыпанъ

(*входитъ Король*).

Королева. Послушайте, государь, какая жалость!

Офелия. Былъ цвѣтами у него,
И слезами оросили
Тѣ цвѣты друзья его.

Король. Милая Офелия, что съ вами?

Офелия. Ничего, благодарю васъ... Знаете ли что? Сова-то, говорятъ, была прежде дочерью булочника, право! Господи, Господи вотъ ужъ правда то, что мы знаемъ только что мы есть, а не знаемъ чѣмъ будемъ! хлѣбъ да соль вамъ, господа!

Король. Она думаетъ объ отцѣ.

Офелия. Ахъ, не говорите мнѣ пожалуйста, объ этомъ, но если спросить что это значить — отвѣчайте.

(*поетъ*).

Въ день святаго Валентина,
Рано дѣвица вставала

Въ двери къ милому стучалась
Валентина вызывала.

Зарумянилась денница,
Онъ къ себѣ красотку вводитъ
Отъ него потомъ дѣвица
Не дѣвицею уходитъ!

Король. Дорогая Офелия...

Офелия. Нѣтъ, зачѣмъ, я и безъ клятвы кончу.
(*поетъ*).

Ахъ зачѣмъ такъ живы люди,
Живы, хитры и коварны,
Лестью дѣвушекъ смущаютъ
А потомъ—неблагодарны!

Дѣвица говоритъ другу...
Обманулъ меня ты страшно
Обищалъ на мнѣ жениться.

А другъ отвѣчаетъ...
И женился-бъ! Чортъ же дернулъ
До вѣнца въ постель ложиться.

Король. Давно ужъ она въ этомъ положеніи?

Офелия. Впрочемъ, я надѣюсь, что все пойдетъ хорошо... Потерпѣть только надобно, потерпѣть... Да что же мнѣ дѣлать если я не могу не плакать, какъ подумая что его положили въ сырую, холодную землю... Да, да, брату надобно сказать объ этомъ! Спасибо за добрый совѣтъ! Эй! подавай карету! Прощайте, сударыни, прощайте прекрасныя дамы! Прощайте, прощайте!

(*убываетъ*).

Король. За ней скорѣе поспѣши Горацио!
Не выпускай ее изъ вида, ради Бога.

(*Горацио уходитъ*).

Да! Это скорби тяжкой адъ ужасный!
И смерть ее отца—причина этой скорби...
Гертруда милая! къ намъ горестъ не приходитъ
Одна, толпою горести идуть!...

Положя убійство, а за нимъ
Отъѣздъ Гамлета, осудившаго себя
На отдаленіе отъ насъ, своимъ злодѣйствомъ..
Народъ въ волненьи, ропщетъ, итъ конца
Догадка, толкамъ.—Мы напрасно
Положя вѣли хоронить
Безъ почестей и тайно отъ народа..
А тутъ Офелія лишилася разсудка
И наконецъ послѣднее несчастье..
— О это, стоитъ всѣхъ другихъ несчастій!
— Лазрть секретно въ Данію вернулся,
Онъ толки живые выслушиваетъ жадно
Отъ насъ въ туманѣ замысловъ скрываясь..
— Злыхъ языковъ не мало, и они
О смерти страшной Лазрта отца
Преступные рассказы шепчутъ сыну.
И клевета за немнѣемъ пищи
Насъ обвиняетъ въ злодѣяніи этомъ.
Гертруда! Это все, какъ страшное оружье
Смертельные удары мнѣ наносятъ,
Въ такомъ числѣ, что десять человѣкъ
Могли-бъ погибнуть отъ ударовъ этихъ.

(слышенъ сильный шумъ).

Королева. Что тамъ такое! Эй!

Король. Эй! кто нибудь сюда!

(входитъ дворцовый офицеръ).

Гдѣ стража! поскорѣй ее къ дверямъ!
Что сдѣлалось?

Офицеръ. Бѣгите, государь!

Не столько страшенъ океанъ въ разливѣ,
Какъ Лазрть въ бѣшенствѣ. Онъ офицеровъ нашихъ
Преодолюлъ сопротивленіе и сюда
Стремится. Весь народъ его провозглашаетъ
Своимъ властителемъ, и позабывъ законы,
Права, обычаи, прошедшее, какъ будто
Вчера лишь сотворенъ нашъ міръ, кричатъ съ восторгомъ
«Мы изберемъ царя! Лазрть нашъ царь!»

И шляпы въ воздухъ всѣ при томъ бросаютъ,
Всѣ руки—рукоплещутъ, и они
Всѣ какъ одинъ, безумно восклицаютъ

«Лазрть нашъ царь, да здравствуетъ Лазрть!»

Королева (въ сторону). О радость, на фальшивый слѣдъ попали,
Да, свора датская! Ты сбѣгала со слѣда!

Король. Дверь разломали!

(бѣгаетъ вооруженный Лазрть, за
нимъ толпа датчанъ).

Лазрть. Гдѣ онъ! гдѣ король!

(къ толпѣ).

Друзья, за мною не ходите—прошу васъ!

Толпа. Нѣтъ, нѣтъ! за нимъ!

Лазрть. Прошу васъ не входите!

Толпа. Онъ правъ! назадъ.

(уходятъ).

Лазрть. Благодарю васъ! стерегите двери!

(королю).

Король презрѣнный, — подавай отца!

Король. Лазрть, прошу тебя, немного унизкойся.

Лазрть. Когда бъ одна лишь капля крови этой

Была теперь спокойна, капля эта,

Меня клеймила бъ именемъ позорнымъ

Незаконнорожденнаго, пятнала-бъ,

И честь отца, и матери невинность!

Король. Но что причиной, Лазрть ятежу,

Въ такомъ ужасномъ и неслыханномъ размѣрѣ?

(Королева, которая удерживаетъ Лазрта).

Оставь Гертруда! пусть его! не бойся
За безопасность нашу. Санъ священный,
Вѣнчанаго владыки такъ почетенъ,
Что съ робостью ползетъ къ нему намѣна
И неуверенный бросаетъ взоръ на цѣль,
Къ которой всѣ ее желанія стремятся,
И всѣ ее порывы остаются,

Безъ ожидаемыхъ послѣдствій — Отвѣчай
 Мнѣ Лазрть, что причиной злобы этой?
 — Оставь его Гертруда! — Говори!

Лазрть. Гдѣ мой отецъ?

Король. Онъ умеръ...

Королева. Но король

Невиненъ въ этой смерти!

Король. Не мѣшай!

Пусть онъ свободно мнѣ даетъ вопросы.

Лазрть. *Какъ* умеръ, знать хочу! Обманъ тутъ не удался,
 Въ адъ клятвы подданства, и къ демону присяга!
 Въ геенну вѣрности, совѣсть! Не боюсь я
 Ни ада, ни его ужасныхъ мукъ!
 Торжественно я отрекаюсь здѣсь
 Ото всего, души моей спасенья
 И царствія небеснаго, лишь только-бъ
 Мнѣ смерть отца достойно отомстить.

Король. Да кто-жъ тебя и остановить въ этомъ?

Лазрть. Никто! клянусь, лишь собственная воля,
 А что до средствъ, — ихъ у меня и мало,
 Да съ малымъ я большое совершу!

Король. Я понимаю гнѣвъ твой, милый Лазрть,
 И то, что истину узнать желаешь ты
 О смерти твоего отца. Но неужели
 Ты въ мщеніи своемъ смѣшаешь намѣренъ,
 Враговъ съ друзьями, тѣхъ, кому та смерть
 Была несчастьемъ и печалью, съ тѣми,
 Кому она была желаніемъ и пріятна?

Лазрть. Нѣтъ, я врагамъ намѣренъ только мстить.

Король. Такъ хочешь знать ихъ?

Лазрть. А друзей его

Прижму я радостно къ груди моей и буду,
 Какъ пеликанъ кормить моею кровью.

Король. Вотъ это такъ! Теперь ты говоришь
 Какъ добрый сынъ и честный человѣкъ.
 Невиненъ я въ Полоніа убійствѣ,
 И горько плачу я о немъ, и это
 Увидишь ясно ты, какъ день.

Толпа (за дверями.)

Впустить ее!

Лазрть. Что это? что за шумъ?

(входитъ Офелія странно убранная цвѣтами и
 соломой.)

Лазрть. О сохни мозгъ мой, слезы жгите очи
 И погасите въ нихъ способность зрѣнья! — Небомъ

Клянусь, Офелія, мнѣ дорогой цѣною
 Заплатить за твое безумство! Роза мая
 Прелестная и милая сестра!...

О Боже! неужели такъ же хрупко
 Разсудокъ дѣвушки, какъ жизнь у старика?
 Природа очищается любовью

И ею воспланенная душа
 Часть лучшую свою при этомъ отдѣляетъ
 И вслѣдъ любви предмету посылаетъ!

Офелія (поетъ.) Съ лицомъ непокрытымъ его хоро-
 нили

И слезы ручьями на гробъ его лили.

Прощай мой голубокъ!

Лазрть. Когда-бъ ты въ памяти была и возбуждала
 Меня къ отпущенію, не больше-бъ ты могла
 Меня на мщеніе подвигнуть!

Офелія (поетъ.) Въ могилу опускайте,

Въ землю закопайте...

Вы не слышали какъ поетъ эту пѣсню пряха за прялкой?
 Отлично поетъ! Это пѣсня управляющаго, похитившаго
 дочь своего господина!

Лазрть. Этотъ бредъ говорить для меня болѣе чѣмъ самыя
 разумныя рѣчи!

Офелія (Лазрту, подавая цвѣтокъ.) Вотъ розмаринъ, цвѣ-
 токъ вѣрности, — не измѣни мнѣ дружечикъ, а вотъ
 незабудки, не забывай меня!

Лазрть. Въ ея безуміи есть смыслъ, какъ кстати вспомнилась
 она объ вѣрности и воспоминаніи!

Офелия (*королю*). Вамъ вотъ что, — тини и колокольчики! (*королеву*). Вамъ рута,.... миѣ тоже рута. Но ваша и моя не одинаковы, для меня это символъ горести, для васъ — прощенья. Вотъ маргаритка! какая хорошенькая!.... А фиалокъ нѣтъ — извините!.... Онъ всѣ завали съ того дня какъ умеръ мой отецъ.... Онъ, говорятъ, спокойно умеръ.

(поетъ.)

Другъ мой вѣжливый — ты миѣ радость!
Лазертъ. Печаль и горестъ, гнѣвъ и самый адъ
Въ ея устахъ становятся прелестны!....

Офелия (*поетъ*). Ахъ ужель онъ не вернется
Насъ оставить навсегда?
Не вернется, онъ скончался
Не вернется никогда!

Снѣга вѣшняго бѣлѣ
Борода была его
Чтожь тутъ плакать? ... Не воротись!
Что тутъ плакать? ... Для чего?
Со святыми Господи упокой его!

И съ нимъ всѣ христіанскія души, если только это
угодно Богу.... Господь съ вами!

(убываетъ.)

Лазертъ. О Господи! Ты видишь все и судишь.
Король. Лазертъ, позволь миѣ скорбь твою дѣлать!
Имѣю я на это право и не можешь
Ты отрицать его, не ставъ несправедливъ,
Сбери мудрейшихъ изъ твоихъ друзей,
И пусть они посредниками будутъ
Между тобой и мной. Коли найдутъ они,
Что прямо или не прямо, я виновенъ
Въ убійствѣ твоего отца, я отдаю
Тебѣ корону, королевство, жизнь,
Чтобъ искупить вину мою; но если
Найдутъ они, что я невиненъ,— я прошу
Терпѣнья лишь немного отъ тебя,

И вмѣстѣ мы тогда начнемъ искать
Средствъ къ мщенію справедливому тебѣ.
Лазертъ. Согласенъ я!.. Роль смерти, погребенье,
Безъ почестей, трофеевъ и гербовъ,
Отсутствіе при этомъ духовенства
И службы погребальной,—это все,
Какъ голосъ отъ земли, вызывающій на небо,
И голосъ этотъ миѣ велитъ узнать навѣрно,
Какъ именно и что произошло.
Король. Немедленно произведемъ мы розыскъ
И голову виновнаго — на плаху,
Пойдемъ со мной теперь, прошу тебя.

(уходятъ.)

СЦЕНА ШЕСТАЯ. КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ.

Входятъ Горацио и Слуга.

Горацио. Кто спрашиваетъ тамъ меня?

Слуга. Матросы.

Они имѣютъ письма къ вамъ.

Горацио. Впусти!

(слуга уходитъ.)

Ктобъ могъ писать миѣ? Не откуда письмамъ
Ко миѣ придти, коли не отъ Гамлета.

(входятъ матросы.)

1-й Матросъ. Богъ помощь, сударь.

Горацио. И тебѣ того же желаю.

1-й Матросъ. Коли будетъ его милость, такъ поможетъ сударь
(отдавая письмо) Вотъ письмо къ вамъ — это отъ
посланника, отправленнаго въ Англію, если вы только Го-
раціо, какъ миѣ сказали.

Горацио. (*читаетъ*). «Горацио! получивъ это письмо, дай сред-
ства его подателю видѣть короля; у него есть письмо

«къ нему. Мы пробыли всего два дня въ морѣ, какъ пираты, вооруженный съ кормы до носу погнался за нами. Видя что его корабль быстрее нашего, мы по неволѣ вступили съ нимъ въ бой. Во время абордажа я перескочилъ на ихъ палубу, но въ это время нашъ корабль отделился отъ нхняго, и я остался плѣнникомъ. Они обошлись со мною какъ честные разбойники, но они знали что дѣлали, и разумѣется, разсчитывали поживиться отъ меня. Доставъ королю письмо, которое я ему посылала, и потому слѣши-ко мнѣ съ быстротою убѣгающаго отъ смерти. Я долженъ сообщить тебѣ такіа вѣсти, отъ которыхъ ты опѣтѣешь, а между тѣмъ онѣ еще все не выразить самаго дѣла. Эти добрые люди сведутъ тебя ко мнѣ. «Розенкранцъ и Гильденстернъ продолжаютъ свой путь въ Англію. Мнѣ много есть кой-чего поразсказать объ нихъ. «Прощай. Весь твой, какъ тебѣ извѣстно. Гамлетъ» (*матросамъ*). Пойдемте, я дамъ вамъ средство передать письма; торопитесь и скорѣе пойдемте къ тому кто васъ посылалъ!

(уходятъ.)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ. ДРУГАЯ КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ.

Входятъ Король и Лазертъ.

Король. И такъ, по совѣсти признать меня невиннымъ
Ты долженъ, и моею правдивой вѣрить дружбѣ,
Узнавъ, что твоего отца убійца,
И мнѣ грозилъ подобнымъ же убійствомъ.
Лазертъ. Да! это очевидно! — но скажите,
Зачѣмъ же послѣ этихъ всѣхъ,
Столь важныхъ и ужасныхъ преступлений,
Вы не хотѣли наказать злодѣя
Какъ требовали этаго величье
И санъ вашъ, справедливость, безопасность
И долгъ владыки и законодавца?

Король. По двумъ причинамъ. Можетъ быть тебѣ
И недостаточны покажутся онѣ
Но для меня — ихъ важность несомнѣнна.
Его безумно мать боготворить
И жизнь его для ней необходима....
Я жъ съ стороны своей, — ужъ и не знаю, право
Хвалиться-ль мнѣ любовію такою
Или несчастіемъ ее своимъ считать
— Я связанъ съ ней душой такъ тѣсно, неразрывно
Что не могу я безъ нее и жить
Подобно спутнику прекраснаго свѣтила,
Который вѣчно связанъ съ нимъ Другая
Причина, помѣшавшая мнѣ судъ
Надъ нимъ произвести открытый — былъ народъ.
Онъ такъ привязанъ къ принцу, что не въ силахъ
Поколебать любовь ту всѣ его проступки.
Она источнику подобна, что деревья
Въ окаменѣлость превращаетъ, и готова
Его оковы обратить въ отличие
И видѣть въ нихъ символъ великой славы.
При этихъ обстоятельствахъ, всѣ стрѣлы,
Которыя я могъ въ него пустить,
Легки бы были для такого вѣтра
И вмѣсто избранной для нихъ желанной цѣли,
На насъ, пустившихъ ихъ навѣрно-бъ обратились.
Лазертъ. И такъ, я потерялъ отца, и долженъ видѣть
Ужасное безуміе сестры,
Которой качества, — коль можно восхвалять
То что уже не существуетъ, — превышали
Все, что представить можетъ юность и невинность....
Но часъ отмищенія настанетъ для меня!
Король. Пусть не смущаютъ сонъ твой тѣ заботы,
Не думай, что такъ вялъ я и такъ глухъ
Чтобъ позабыть опасность, отъ которой
Всѣ волосы на бородѣ моей
Траслись отъ страху.. Я не позабуду!....
Ты скоро болѣе узнаешь. — Я любилъ
Какъ брата, твоего отца, и наша дружба

Была взаимная, так можешь быть увѣренъ....

(входитъ вѣстникъ.)

Что тамъ такое?

Вѣстникъ.

Письма, государь,

Отъ принца Гамлета, вотъ это вамъ, а это

Къ Ея Величеству.

Король.

Отъ Гамлета? Но кто же

Доставилъ ихъ?

Вѣстникъ.

Да, говорятъ, матросы.

Я, впрочемъ, не видалъ ихъ: эти письма

Мнѣ отдалъ Клавдій, — онъ и принималъ

Ихъ отъ подателей.

Король (взявъ письма.).

Лазрть, ты долженъ слушать!

(вѣстнику.)

Оставь насъ.

(вѣстникъ уходитъ, король читаетъ.)

«Великій и могущественный Государь! Я оставленъ нагой
«на вашей землѣ; завтра я буду просить позволенія явиться
«предъ свѣтлыми очами Вашего Величества, и тогда, если
«вы позволите, расскажу вамъ, что виною моего страннаго
«и непредвидѣннаго возвращенія. Гамлетъ.»

Что это значить? Все они вернулись.

Иль это лишь ошибка и обманъ?

Лазрть. Вы почеркъ знаете?

Король.

Да! то рука Гамлета.

«Нагой» — а тутъ, въ припискѣ сказано «одинъ».

Не знаешь ли, что это значить, Лазрть?

Лазрть. Не понимаю, Государь! Но пусть,

О пусть придетъ онъ!... Чувствую какъ въ сердцѣ

Опять горячая кипитъ отъ злобы кровь,

При мысли, что въ лицо ему сказать

Мнѣ будетъ можно: — «Это ты, убійца!»

Король. Ужъ если это такъ, Лазрть... но какъ же это такъ?

Иль какъ же было-бъ это иначе... Ты хочешь

Послѣдовать совѣту моему?

Лазрть. Да, Государь, коль только тотъ совѣтъ

Не мнѣ предписывать мнѣ станеть.

Король.

Успокойся.

Я мира для твоей души желаю,

Другаго мира я теперь не знаю.

Коль правда, что онъ возвратился, это значить,

Что онъ не хочетъ ѣхать снова... Я ему

Другое приключенье приготавливаю.

— Его давно ужъ зрѣло я обдумалъ,

И тутъ его погибель неизбежна!

А между тѣмъ и тѣмъ подозрѣнья

Тутъ не падеть ни на кого изъ насъ.

И даже мать его все приметъ за случайность.

Лазрть. Я буду слушаться вполне совѣтовъ вашихъ;

Но я желалъ бы государь, чтобъ вы

Меня избрали главнымъ тутъ оружіемъ.

Король. Вотъ и прекрасно! Здѣсь, въ отсутствіи твоёмъ,

Тебя хвалили часто передъ принцомъ.

За дарованіе одно, въ которомъ ты,

Какъ говорятъ, соперника не знаешь.

И все твои другія дарованія

И качества, не возбуждали въ немъ

И сотою доли зависти такой,

Какъ это, хоть по моему оно

Гораздо меньше зависти достойно,

Чѣмъ все другія.

Лазрть.

Но какое, Государь?

Король. То лента лишь на шляпѣ молодежи,

Но лента нужная; вѣдь яркіе уборы

Идутъ для юноши, межъ тѣмъ какъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ

Другіе, теплые нужны наряды....

— Два мѣсяца назадъ здѣсь былъ Нормандецъ....

— Я видывалъ Французовъ, съ ними дрался

И знаю ихъ искусство, — но искусство

Пріѣзжаго похоже просто было

На колдовство. Казалось, онъ припрѣсь

Къ сѣдлу, и на конѣ выдѣлывалъ такіа

Онъ вещи, что казалось — конь и всадникъ

Срослись и были существомъ однимъ!

Я пораженъ былъ просто изумленьемъ

И ни понять, ни рассказать нѣтъ силъ
Всѣ подвиги его.

Лазрть.

Нормандецъ?

Король.

Да! Нормандецъ.

Лазрть. Такъ это былъ навѣрное Ламоръ.

Король. Онъ самый.

Лазрть.

Знаю я его, онъ фениксъ!

Онъ перлъ всей націи!

Король.

И онъ тебя хвалилъ

И восхищался онъ твоимъ умѣньемъ

На шпагахъ биться. Говорилъ, что онъ не знаетъ

Тебѣ подобнаго въ искусствѣ томъ, и клялся,

Что всѣ французскіе бойцы съ тобой не могутъ

Сравниться въ вѣрности и быстротѣ удара.

Всѣ эти похвалы такъ принца раздразнили,

Что онъ давно уже горитъ желаньемъ страшнымъ

Съ тобой померяться, и съ нетерпѣньемъ ждетъ

Онъ возвращенья твоего. И вотъ,

Воспользовавшись этимъ.....

Лазрть.

Но, позвольте!

Какимъ же образомъ воспользоваться этимъ?

Король.

Лазрть! Ты искренно-ль, скажи, любилъ отца,

Иль эта горестъ — лишь лица одежда,

А въ сердцахъ нѣтъ ее?

Лазрть.

Къ чему такой вопросъ?

Король.

Не для того, чтобъ думалъ я, что ты

Къ отцу дѣйствительно былъ равнодушенъ. Нѣтъ!

Но вѣдь привязанность уже такое чувство,

Которое, какъ говоритъ намъ опытъ,

Слабѣетъ съ временемъ, и свой терять пылъ.

Вѣдь, время, даже для любви гасильникъ!

И все хорошее достоинство теряетъ

Отъ времени. Что думаемъ мы дѣлать,

Должны мы дѣлать сейчасъ же. Иначе

Желаніе проходить. Вѣдь оно

Подвержено столькимъ же измѣненіямъ,

Столь много рукъ и ртовъ мѣшать ему готовы.

А лишь измѣнится желаніе, — оно

Ужъ превращается въ обязанность, которой
Намъ исполненіе — подобно частымъ вздохамъ
Усталой груди — хотъ приносить облегченіе,
Но тяжело ее намъ все же исполненіе!
Нѣтъ, рану надо свѣжею лечить,
Пока она еще не загноилась. Гамлетъ
Назадъ вернулся. Что-же ты намѣренъ
Теперь начать, чтобъ показать себя
Достойнымъ сыномъ твоего отца,
И не на словѣ только, а на дѣлѣ?

Лазрть. Готовъ его я въ церкви задушить!

Король. Да! это такъ! для мнѣнья нѣтъ святыхъ;

Его ничто удерживать не должно!...

Но, Лазрть, моего послушай совѣта:

Останься у себя спокойно дома. Гамлетъ,

Сюда прибывъ, узнаетъ твой пріездъ.

Я постараюсь выхвалять при немъ

Твое искусство. Похвалы Француза

Я увеличу во сто разъ, и тѣмъ

На состязанье вызову съ тобою

Я Гамлета; побьюся объ закладъ,

Назначу призь. Онъ беззаботенъ, честенъ,

Великодушенъ. — Въ немъ нѣтъ тѣни подозрѣнія...

Онъ шпагъ осматривать, извѣрное, не станетъ,

А ты при ловкости тогда сумѣешь выбрать

Завостренную шпагу, а потомъ

Тебѣ легко ужъ будетъ дать ударъ

Въ замѣтъ того, который онъ нанесъ

Полонію.

Лазрть.

Я такъ и поступаю!

Я больше сдѣлаю! Я шпагу отравлю!

Я, у алхимика купилъ ужасный ядъ...

Довольно обмочить въ тотъ ядъ конецъ книжала

И легкую царяину имъ сдѣлать,

И, ни одно лекарство не спасетъ,

Отъ смерти пораженнаго! Я шпагу

Тѣмъ ядомъ вымажу, чтобъ даже легкой раны,

Достаточно бы было для того,
Чтобъ умертвить противника.

Король. Мы посаж
Еще поговоримъ объ этомъ, и устроимъ
Нашъ планъ, и расположимъ наши средства
Прилично нашему намѣренію. Когда
Намъ не удастся замыслъ нашъ, то лучше
Совесть не начинать намъ дѣла. Потому
Другое надобно еще придумать средство,
Чтобъ, въ случаѣ неожиданной неудачи,
Мы замѣнить могли-бъ разбитое оружье...
Постой... Заклады мы назначимъ... Такъ!
Когда въ жару сраженія пожелаешь.
Онъ жажду утолить, — для этого ты долженъ
Его какъ можно больше утомить.
— Ему подать вею я кубокъ, приготавливаю
Я самъ напитокъ... выпей онъ хоть каплю,
То если онъ, и избѣжитъ удара,
Не избѣжитъ мгновенной смерти... Но постой!
Что тамъ за шумъ?

(входитъ Королева).

Что сдѣлалось, Гертруда!

Королева. Одна бѣда другую намъ смѣняетъ...

Твоя сестра, Лазэртъ, погибла, потонула!

Лазэртъ. Какъ потонула! гдѣ?

Королева. Въ сосѣдствѣ есть ручей,

На берегу его раскинулась ива,
И синевагою зеленою своею,
Какъ будто смотрится въ кристальную волну.
Она пошла туда, съ гирляндой крапивы,
Ровоникуловъ, махровыхъ маргаритокъ,
И длинныхъ тѣхъ цвѣтовъ, которымъ пастухи
Такое дали неприличное названье.
Но скромныя дѣвицы ихъ зовутъ,
Обыкновенно, «пальцемъ мертвеца».
Въ то самое мгновеніе, какъ она
Старалась свой вѣнокъ повѣсить на вѣтвяхъ,

Та вѣтъ, на коей помѣстилась
Несчастная, — внезапно обломилась,
И вмѣстѣ со своимъ цвѣтущимъ грузомъ
Офелія упала въ воду. Платье
Ее сначала на волѣ держало,
Какъ будто бы сирену, и она
Все продолжала пѣть отрывки старыхъ пѣсень,
Какъ будто не подозревая той бѣды,
Которая ей смертью угрожала,
Или какъ будто-бъ родилась въ водѣ.
Но не могло продлиться это долго.
И вскорѣ, отягченный водою
Ея одежды пѣсню ту прервали,
И увлекли несчастную на дно.

Лазэртъ. И такъ погибла, утонула!

Королева. Да! увы!

Лазэртъ. Довольно для тебя, Офелія, воды!
Я слезы—воду, удержу... Напрасныя усилія.
Природа говоритъ слышать размышленья,
И стыдъ не властенъ одолѣть ее...
Такъ лейтесь же непрощенныя слезы,
И унесите вы своимъ потокомъ
Все, что осталось слабости во мнѣ!
Простите, Государь! Слова мои огонь
И страшно-бъ было пожирющее пламя,
Когда-бъ его слезами не тушить.

(уходитъ).

Король. Пойдемъ за нимъ, Гертруда. Сколько надо
Труда мнѣ было усмирить его!
Боюсь я, чтобъ новое несчастіе
Опять не разбудило раздраженья...
Скорѣй за нимъ.

(уходитъ).

АКТЪ ПЯТЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ. КЛАДБИЩЕ.

Множество готическихъ памятниковъ съ лежащими статуями, нѣсколько сосновыхъ деревьевъ между памятниками, вдали море, на переднемъ планѣ начатая могила. Лунная и свѣтлая безоблачная ночь.

Входитъ два могильщика ¹⁾ съ лопатами на плечахъ.

1-й Могильщикъ. Чтожъ? ее будутъ хоронить въ освещенной землѣ, хоть она и сама пошла на встрѣчу смерти?

2-й Могильщикъ. Вѣдь я-жъ тебѣ говорю что да! Скорѣе за дѣло. Коронеръ ²⁾ осмотрѣлъ ее и рѣшилъ, что ее слѣдуетъ хоронить по христіански!

1-й Могильщикъ. Постой, вѣдь она же добровольно утопилась.

2-й Могильщикъ. Порѣшили что вѣтъ, ну, и конецъ!

1-й Могильщикъ. Одиаконъ, по правдѣ то, вѣдь она все-таки добровольно утопилась,—кто жъ ее толкалъ! Да оно, впрочемъ, иначе и быть не могло. Слушай-ка, я вотъ сейчасъ докажу... Если я топлюсь, значитъ вѣдь топлю себя, самъ то-есть себя... вѣдь тутъ, очевидно, мое собственное дѣйствіе, а всякое дѣйствіе раздѣляется на три вѣтви: поступленіе, исполненіе и завершеніе, слѣдовательно — она утопилась добровольно.

2-й Могильщикъ. Очень хорошо, да...

1-й Могильщикъ. Постой! Вотъ здѣсь вода, ладно! Здѣсь человекъ, прекрасно! Если человекъ претъ къ водѣ и тонетъ, значитъ онъ тутъ топить самъ себя, то-есть *тонится*. Слышишь?

¹⁾ Въ подлинникѣ «two clowns» два шута. Во время Шекспира ни одна трагедія не могла обойтись безъ шутливой сцены; здѣсь Шекспиръ воспользовался случаемъ и не нарушая хода пьесы заплатилъ дань своему времени.

²⁾ Каронеръ,—чиновникъ, назначенный для обсужденія смертныхъ случаевъ, подобныхъ тому, о которомъ говоритъ могильщикъ.

Если же напротивъ, вода претъ на него и его тонить, такъ значитъ тутъ ужъ онъ не самъ тонится, то-есть топить себя. Ergo: кто не причинилъ себѣ смерти, тотъ не сократилъ добровольно своей жизни!... Ясно? ³⁾

2-й Могильщикъ. И въ законѣ такъ?

1-й Могильщикъ. Слово въ слово, спроси у коронера!

2-й Могильщикъ. А знаешь что братъ? Вѣдь не будь покойница дворника, ее бы не похоронили по христіански!

1-й Могильщикъ. Правда, малый, правда!... А вѣдь это не ладно, какъ хочешь, что дворянамъ и топиться и вѣшаться даже вальготнѣ чѣмъ намъ, грѣшнымъ. Давай-ка лопату! Нѣтъ старинные дворянъ какъ садовники, землекопы и могильщики, это вѣдь ремесло Адама.

2-й Могильщикъ. Да развѣ Адамъ-то дворянинъ былъ?

1-й Могильщикъ. Эка голова! Да откуда же дворяне взялись, всѣ отъ этого самаго Адама, значитъ и онъ былъ дворянинъ!... ⁴⁾ Слушай-ка, что я тебя спрошу; когда не съумѣешь отвѣтить, такъ сознайся, что ты дрянй.

2-й Могильщикъ. Ну!

1-й Могильщикъ. Кто строитъ прочнѣе чѣмъ каменщикъ, корабельщикъ и плотникъ?

2-й Могильщикъ. Строитель вислицъ, егѣ постройки переживаютъ тысячи жильцовъ.

1-й Могильщикъ. Молодецъ! Ей Богу молодецъ! Вислица тутъ очень кетати, но кому кетати? — Тому, кто грѣшитъ, а такъ какъ ты грѣшишь говоря, что вислица прочнѣе церкви, слѣдовательно вислица очень кетати—тебѣ. Ну-ка, покопайся еще, а?

³⁾ Здѣсь игра словъ сохранена буквально; въ подлинникѣ она на словѣ himself съ помощью котораго образуются въ англійскомъ языкѣ обратные глаголы.

⁴⁾ Въ подлинникѣ «he was the first that ever bore arms» слово *arms* значитъ *гербъ* и *земледѣльческія орудія*. Вронченко пытался передать игру словъ, производя Адама отъ Бога почему первый долженъ быть *высоко-благородный*. Мы предпочли натянутой остротѣ, совершенно, логическое разсужденіе, вполнѣ доступное для мужика всѣхъ временъ и народовъ.

2-й Могильщикъ. Кто строить прочіе каменщика, корабельщика и плотника.

1-й Могильщикъ. Ну.. дурень!

2-й Могильщикъ. А, знаю, землякъ, знаю!

1-й Могильщикъ. Ну!

2-й Могильщикъ (*подумавъ*). Нѣтъ, братъ, не знаю!

(*Гамлетъ и Горацио показываются на берегу*).

1-й Могильщикъ. Не ломай башки, ничего не выжмешь. А коли кто тебя спроситъ, отвѣчай—могильщикъ. Его работа до страшнаго суда продержится! Сбѣгай-ка къ Вогану, принеси мнѣ стаканъ водки...

(*второй Могильщикъ уходитъ*).

1-й Могильщикъ (*роетъ землю и поетъ*).

Былъ я парнемъ молодымъ,

Волочился смѣло.

Постарѣлъ,—и вотъ какъ дымъ

Смѣлость улетѣла!

Гамлетъ. Бездѣльникъ, кажется, не понимаетъ, что дѣлаетъ, пѣть,—копань могилу.

Горацио. Привычка!

Гамлетъ. Правда, рабочая рука не чувствительна!

Могильщикъ (*поетъ*).

Старость—дьяволъ верхъ взяла

Холодъ въ жилы вѣзла,

Пруть провохроу уняла

Удалъ подкѣсила!

(*вырываетъ черепъ*).

Гамлетъ. Было время, когда и у этой головы былъ языкъ, и она тоже пѣла, а теперь этотъ негодяй швыряетъ ее какъ будто бы это былъ черепъ Кайна, перваго человекоубійцы. Этотъ черепъ, съ которымъ болванъ обходится такъ безцеремленно, былъ, можетъ быть, черепомъ великаго политика, думающаго, что онъ въ состояніи обмануть самого Бога, неправда ли?

Горацио. Очень можетъ быть, ваше высочество!

Гамлетъ. Или черепомъ придворнаго умѣнаго, отчаянно говорить:

«Честь имѣю кланяться, какъ ваше здоровье? ...» Можетъ быть, онъ сидѣлъ на плечахъ господина такого-то, который хвалилъ лошадь господина такого-то, съ тѣмъ чтобъ выпросить ее!... Вѣдь такъ?

Горацио. Да, прищипъ.

Гамлетъ. И вотъ теперь—онъ достойнѣе господъ червей, на немъ нѣтъ ни мяса, ни кожи, и мерзавецъ могильщикъ лупитъ его по мордѣ лопатой. Странная перемѣна! Да бѣда въ томъ, что мы обыкновенно ее не чувствуемъ... Теперь этими костями играютъ какъ кеглями, будто ихъ созданіе ничего не стоило. Ухъ! у меня болятъ кости при-одной мысли объ этомъ.

Могильщикъ (*поетъ*).

Заступъ да могила,

Саванъ потеплѣй,

Шесть досокъ сосновыхъ, —

Вотъ приютъ людей.

(*вырываетъ другой черепъ*).

Гамлетъ. Вотъ и еще черепъ! Кто знаетъ, можетъ быть онъ принадлежалъ мудрому законодателю? Гдѣ теперь всѣ его юридическія тонкости, его крючки и закорючки, его отношенія, опредѣленія, постановленія? Какъ позволяетъ онъ этому негодю колотить себя лопатой по головѣ? Отчего онъ не затѣетъ съ нимъ уголовнаго процесса? Или, можетъ быть, онъ былъ землевладѣльцемъ, гдѣ тогда его гранаты, оброчныя статьи, залоги, привилегіи и договоры? Здѣсь заложенъ онъ самъ—въ землю, и имѣетъ привилегію—видѣть свою голову, посыпанную прахомъ и землею... Какъ? неужели всѣ его закупки, столь вѣрныя, скрѣпленные такими длинными купчими крѣпостями, укрѣпили за нимъ только это пространство земли, которое и все то можно закрыть пергаментными листами этихъ купчихъ. Въ его гробъ не помѣстились бы всѣ бумаги по владѣнію принадлежащихъ ему земель, а самъ владѣлецъ въ немъ удобно помѣстился.. Вѣдь странно, неправда ли?

Горацио. Да, привыщ!

Гамлетъ. Вѣдь пергаментъ дѣлается изъ бараньей кожи, кажется?

Горацио. Да, принцъ, и изъ телячьей, также.

Гамлетъ. Бараны-же и телята тѣ, которые вѣрятъ въ состоятельность подобныхъ документовъ! Поговорю съ этимъ бездѣлникомъ.—Чья это могила, пріятель?

Могильщикъ. Моя, сударь!

Шесть досокъ сосновыхъ,
Вотъ пріютъ людей!

Гамлетъ. Знаю что покуда она твоя, потому что ты ее роешь и въ ней стоишь.

Могильщикъ. Вы не въ могилѣ, значитъ она и не ваша, а я въ могилѣ—значитъ она моя, хоть и не для меня вырыта.

Гамлетъ. Лжешь, могила назначается для мертвеца, а не для живаго человѣка!

Могильщикъ. Больно живо ужъ вы «лжешь» говорите, сейчасъ видно, что вамъ въ могилу то не хочется, я, дескать, живой человѣкъ! ⁵⁾

Гамлетъ. Для какого человѣка роешь ты эту могилу?

Могильщикъ. Да ни для какого, она не для человѣка.

Гамлетъ. Ну, такъ для женщины...

Могильщикъ. И не для женщины!

Гамлетъ. Такъ для кого же?

Могильщикъ. Для той что была женщиной, а теперь, Господи помани ее душу, стала трупомъ!

Гамлетъ. Какъ этотъ негодяй любить точность; съ нимъ нужно осторожно говорить, чтобъ не сбиться съ толку. Чортъ возьми, Горацио, вотъ ужъ три года, какъ я сталъ замѣчать что свѣтъ пошелъ совсѣмъ на оборотъ, и крестьянинъ идетъ за приворотнымъ такъ близко, что его носокъ царапаетъ пятку послѣдняго.—Давно ли ты могильщикомъ?

Могильщикъ. Давно, баринъ, съ того самаго дня какъ покойный король Гамлетъ побѣдилъ Фортинбраса.

Гамлетъ. А давно это было?

Могильщикъ. Буто вы не знаете? Это вамъ и дуракъ скажетъ!

Въ этотъ же день родился молодой Гамлетъ, что теперь сошелъ съ ума и посланъ въ Англію.

Гамлетъ. Вотъ какъ, а зачѣмъ же его въ Англію послали?

Могильщикъ. Да вѣрно за умомъ, найдетъ его тамъ — ладно, не найдетъ—не велика бѣда.

Гамлетъ. Почему же не бѣда?

Могильщикъ. Да тамъ не замѣтатъ, что онъ полоумный, тамъ они всѣ такіе!

Гамлетъ. А какъ онъ помѣшался?

Могильщикъ. Да толкуютъ что больно странно!

Гамлетъ. Да какъ же именно?

Могильщикъ. Взялъ да и сошелъ съ ума.

Гамлетъ. Да на чемъ же?

Могильщикъ. Должно быть на землѣ, на Датской землѣ, на которой я ужъ тридцать лѣтъ могильщикомъ!

Гамлетъ. Долго ли можетъ пролежать человѣкъ въ землѣ?

Могильщикъ. Да коли заживо еще не сгнилъ отъ одной окаянной болѣзни, такъ пролежитъ восемь и девять лѣтъ. Кожевенникъ пролежитъ девять лѣтъ.

Гамлетъ. Отчего же онъ долѣе другого?

Могильщикъ. Да вѣдь онъ при жизни всѣ кожи дубить, ну и свою такъ продубить, что ее долго сырость не приметъ. А вѣдь для этихъ окаянныхъ труповъ сырость всего вреднѣе. Видите вотъ этотъ черепъ, онъ ужъ двадцать три года въ землѣ.

Гамлетъ. А чей онъ?

Могильщикъ. Одного чудака. Чей бы вы думали?

Гамлетъ. Да я то почему знаю?

Могильщикъ. Провалъ бы его взять, окаянинаго, онъ разъ вынулъ мизъ на голову цѣлую бутылку рейнвейна. Это, сударь, черепъ Йорика, царскаго шута!

Гамлетъ. Этотъ самый?

Могильщикъ. Этотъ самый!

Гамлетъ (*поднимаетъ черепъ*). Дай его сюда. Увы, бѣдняжка Йорикъ!... Я зналъ его, Горацио! Это былъ неистощимый источникъ остротъ, полное и богатое воображеніе! Сколько разъ носилъ онъ меня на своихъ плечахъ... и теперь, при
9*

⁵⁾ Въ подлинникѣ игра словъ на *lie*. и читъ «лежать» и «лгать»; мы перенесли ее на слово *живой*.

вспоминаній объ этомъ, у меня разрывается сердце! Здѣсь воть были губы, которыя я столько разъ цаловалъ!... Гдѣ теперь твои шутки, твои выходки, твои пѣсни? Гдѣ эти порывы съумасшедшей веселости, отъ которыхъ надрывались со смѣху всѣ присутствующіе? Чтожь ты не смѣешься надъ гримасой, которую скорчилъ? Гдѣ твои полныя, румяныя щеки?... Ну-ка, поди теперь въ этомъ видѣ въ спальню одной изъ нашихъ модныхъ красавицъ, съужи ей что какъ бы она ни бѣлилась, сколько бы не румянилась, а все-таки придетъ день, когда и у нее будетъ такое же лицо. Скажи, пожалуйста, Гораціо..

Гораціо. Что такое, принцъ?

Гамлетъ. Какъ ты думаешь, Александръ Великій послѣ смерти также имѣлъ такую рожу?

Гораціо. Разумѣется.

Гамлетъ. И вонялъ также скверно? Тыфу!

(бросаетъ черепъ).

Гораціо. Конечно ваше высочество.

Гамлетъ. Какъ подумаешь, для какого грубаго употребленія мы, можетъ быть, назначаемся! Кто знаетъ, Гораціо, если прослѣдить рядъ превращеній знаменитаго праха Александра, можетъ быть окажется, что прахъ этотъ пошелъ на стѣнную замазку!

Гораціо. Это довольно бы трудно было доказать, принцъ.

Гамлетъ. Отчего же? Совсе не трудно! Тутъ не пужно невозможныхъ предположеній; до этого заключенія можно дойти очень просто. Смотри воть, напримѣръ, такъ. Александръ умеръ, Александра похоронили, Александръ обратился въ прахъ, то-есть въ пыль, пыль — земля, изъ земли добываютъ глину; а чтоже мѣшаетъ, чтобъ изъ этой глины, послѣдняго превращенія Александрова праха, не сдѣлали замазку для пивной бочки.

Великій кесарь, обратившись въ прахъ
Замазкой служить на стѣнахъ,
И глина, древле что вселенну украшала
Теперь защитой отъ вѣтра людямъ стала.

Но тише, воть король, уйдемъ скорѣй подальшй!

(входитъ процессія. Священники несутъ гробъ Офеліи, за ними идутъ Лазръ и погребальный ходъ, потомъ Король, Королева и свита).

Гамлетъ *(продолжая)*.

И королева тоже!... И весь дворъ!

Кого это они хоронятъ ночью

Съ неполнымъ торжествомъ. Навѣрное покойникъ

Себя лишилъ самъ добровольно жизни.

Онъ долженъ быть изъ знатныхъ. Подойдемъ

И будемъ наблюдать

(скрывается съ Гораціо за памятникомъ).

Лазръ *(священнику)*. Еще обряды будутъ, или нѣтъ?

Гамлетъ *(за памятникомъ къ Гораціо)*. Воть благородный Лазръ, посмотри!

Лазръ. Чтожь остается дѣлать?

Священникъ.

Все что можно было,

Мы сдѣлали для этихъ похоронъ.

Кончина подозрительна была,

И еслибъ высшая не повелѣла власть,

То, по уставу церкви, мы ее

Похоронили бы въ землѣ неосвященной,

Гдѣ и осталась бы она по судный день,

На мѣсто бѣ всѣхъ молитвъ, на прахъ ея нарыли

Осколки камня, щебень, черепки,

Теперь же вмѣсто этого всего

Ее хоронятъ въ дѣвственномъ вѣнцѣ,

Цвѣтами усыпають ей могилу

И колокольнымъ звономъ провожаютъ

Ее въ послѣднее ея жилище.

Лазръ. И больше ничего нельзя ужъ дѣлать?

Священникъ. Ни шагу! Мы бы осквернили отпѣванье.

Когда-бъ его надъ нею совершили,

Когда-бъ молитвы стали мы надъ ней,

Какъ молятся о душахъ, освященныхъ
Последнимъ покаяньемъ и причастьемъ!...

Лазрть. Такъ опускайте-жь тѣло въ землю. Пусть падъ нимъ,
Надъ этимъ чистымъ, непорочнымъ тѣломъ
Фіалки выростутъ. Безжалоостный священникъ!
Я говорю тебѣ, сестра моя на небѣ
Займетъ межъ праведныхъ готовое ей мѣсто,
Межъ тѣмъ какъ ты въ аду, томиться страшно будешь!

Гамлетъ. *(изъ-за памятника)* Что, что? Сестра его, О Боже!
Королева *(бросая на гробъ цвѣты)*. Цвѣты на гробъ цвѣтка!
Прости! Я ожидала.

Что будешь ты женой для сына моего,
Цвѣтами этими украсить я мечтала,
Не гробъ, а ложе брачное его!

Лазрть. О тысячу проклятій на злодѣя,
Который былъ причиною проклятой
Безумства твоего!.. Пойдите, погодите
Могила зарывать, проститься съ тѣломъ дайте
Еще мнѣ разъ!

(вскакиваетъ въ могилу)

Теперь же,—зарывайте
Живаго съ мертвою, насыпьте надо мною
Вы гору цѣлюю, превыше Целіона,
И древняго Олимпа, облаками
Покрытаго въ вершинѣ синеватой!

Гамлетъ *(приближается)*. Кто это пышно такъ здѣсь выра-
жаешь горестъ?
Чей голосъ, звѣздный путь страданьями смущаетъ?
Я здѣсь, я Гамлетъ, Датскій принцъ!

(бросается въ могилу).

Лазрть *(въ могилу хватая его за горло)*. О, въ адъ душа
твоя!

Гамлетъ *(борется съ Лазртемъ)*. Плохая, братъ, молитва!
Советую тебѣ мое оставить горло,
И руки прочь убрать. Не золь я и не вспылчивъ,
Но всежъ опасно разбѣсить меня!

И хорошо ты сдѣлаешь, подумавъ
Объ этомъ. Убери же руки, говорю!
Король. Скорѣ разнимите ихъ! скорѣ!
Королева. О Гамлетъ, Гамлетъ!

Всѣ. Господа!

Горацъ. Мой принцъ!

Прошу васъ успокоиться.

(изъ разнимаютъ и они выходятъ изъ моилы).

Гамлетъ. За это,

Готовъ я съ нимъ сражаться до тѣхъ поръ,
Поко во мнѣ останется хоть призракъ
Однѣ лишь жизни!

Королева. Но за что, мой Гамлетъ?

Гамлетъ. Я самъ Офелію любилъ. и сорокъ тысячъ братьевъ
Ее любить какъ я бы не могли!

(къ Лазрту).

Что чувствуешь ты въ состоянн сдѣлать,
Чтобъ доказать любовь свою? Ну, что же?

Король. Онъ помѣшался, Лазрть!

Королева. Ради Бога

Не обращай вниманья на него!

Гамлетъ. Ну, отвѣчай же! Чтожъ ты можешь сдѣлать:
Рыдать? сражаться? голодомъ сидѣть?
Себя своими разорвать руками?
Пить укусу? крокодилами питаться?
И я все это сдѣлаю! Или ты
Сюда пришелъ, чтобъ плакаться, смѣяться
Надъ горестью моею, бросаясь въ могилу?...
Вели себя живаго схоронить,—
Я тоже сдѣлаю! и если ты толкуешь
Тутъ о горахъ, насыпаютъ пусть надъ нами
Милліоны десятинь, пускай вершина
Воздвигнутой тогда могилы-неполина,
Подымется до солища самого,
И пусть предъ ней простымъ пригоркомъ будутъ
И Осса и Олимпъ. Чтобъ ты не говорилъ,
Не уступлю тебѣ я въ краснорѣчьи!

Королева. Помѣшанъ онъ! Припадокъ этотъ скоро
 Пройдетъ, и снова онъ какъ будто голубица
 Послушень станетъ, скромнень, молчаливъ.
 Гамлетъ (*Лазрту*). Скажи, за чѣмъ со мной обходишься такъ
 дерзко?

Вѣдь я тебя всегда любилъ! Но... все равно,
 Чтобъ Геркулесъ не дѣлалъ, всякій знаетъ,
 Что кошка вѣтъ мышей, собака-жь, только лаетъ!
 (*уходитъ*).

Король. Иди за нимъ прошу тебя, Гораціо.
 (*Гораціо уходитъ*).

Терпѣніе Лазртъ, и помни уговоръ, нашъ!
 (*Королева*).

Гертруда! прикажи смотрѣть за сыномъ строже!
 (*въ сторону*).

Могилы эта жертвы ждетъ живой....
 Мы скоро успокоимся! Дотолъ—
 Терпѣніе!... Все будетъ хорошо!

СЦЕНА ВТОРАЯ. ТРОННАЯ ЗАЛА ВО ДВОРЦѢ.

На заднемъ планѣ двойной тронъ, на широкомъ возвышеніи въ 12-ть
 ступеней, надъ трономъ бадахишь, въ глубинѣ котораго гербъ Даніи
 а на вершинѣ королевская корона. На право и на лѣво отъ трона два
 сводчатые входа, съ вѣзъ которые видна другая зала. Стѣны украшены
 трофеями изъ знаменъ и оружія.

Входятъ Гамлетъ и Гораціо.

Гамлетъ. Довольно говорить объ этомъ! Потолкуемъ
 Мы о другомъ! Ты поминишь вѣдь, конечно,
 Всѣ обстоятельства?

Гораціо. Все помню, государь!
 Гамлетъ. Не могъ я спать—какая-то борьба
 Мнѣ возмущала сердце. Тяжело
 Мнѣ было, какъ преступнику въ оковахъ...
 Внезапно, смѣлое намѣреніе принявъ,
 — Благословенна будь спасительная смѣлость!
 Какъ часто насъ спасаетъ отъ бѣды
 Неосторожность, сдѣланная кетати,
 Межъ тѣмъ какъ всѣ умы и мудрости расчеты
 Безсильными окажутся! И это
 Должно насъ убѣдить, что высшая есть сила,
 Которая доканчивать берется
 Дѣла, задуманные нами лишь въ умѣ!

Гораціо. Да! это справедливо!
 Гамлетъ. — Изъ каюты
 Въ потьмахъ я вышелъ, и плащомъ прикрывшись,
 Пошелъ искать я спутниковъ моихъ,
 Ихъ ощупью нашелъ, открылъ ихъ чемоданы,
 Бумаги захватилъ, и тотчасъ возвратился
 Къ себѣ въ каюту. Тамъ, отбросивъ стыдъ и совѣсть,
 — Опасность такъ предписывала мнѣ,
 — Я не колебался, распечаталъ письма...
 И что же я нашелъ. Гораціо мой милый!
 Какая истинно монаршая измѣна!
 — По разнымъ государственнымъ причинамъ,
 Касавшимся спокойствія престоловъ
 Великой Даніи и Англіи, а также
 По той опасности, которую нашли
 Меня въ живыхъ оставить, Государь
 Предписывалъ немедля по прочтеніи,
 Того письма, безъ всякой проволоочки,
 Хотя бы нужной наточить топоръ,
 Мнѣ голову срубить!!

Гораціо. Возможно ли?
 Гамлетъ (*подавая ему письмо*). Читай,
 Вотъ и письмо... да нѣтъ, прочтешь ты на досугѣ...
 Но хочешь знать, что сдѣлать я тогда?
 Гораціо. Да, расскажите, принцы!

Гамлетъ. Захваченный преждемъ

Стѣнами подлой той измѣны, я сейчасъ-же
 Сталъ думать, и немедленно рѣшился.
 Я съѣлъ, и новое я написалъ письмо,
 Красивымъ почеркомъ. Во времена были,
 Синовикамъ всѣмъ нашимъ подражая,
 Стыдомъ считалъ красивый почеркъ я
 И всячески старался потерять
 Привычку эту, но теперь она
 Мнѣ помогла чудесно!... Хочешь знать,
 Что написалъ я?

Горацио. Да, скажите принцъ!

Гамлетъ. Въ письмѣ томъ, нашъ король предписывалъ ме-
 медалъ,

Владыкѣ Англіи, какъ дагянку Датчанъ,
 Коль хочеть, чтобъ межъ нами палма дружбы
 Цѣла по прежнему, и миръ носилъ вѣнецъ
 Изъ колоса пшеницы многоплодной,
 И крѣпки были узы прежней дружбы,
 Сейчасъ по полученіи письма
 Безъ проволочки времени, не давъ
 Имъ исповѣдаться—подателей казнить!

Горацио. Но какъ съ печатью сдѣлались вы, принцъ?

Гамлетъ. И здѣсь мнѣ Провидѣнье помогло.

При мнѣ была печать отца, она подобна,
 Во всемъ печати Датской. Я сложилъ
 Письмо такъ точно, какъ и первое, и надпись
 На немъ я сдѣлалъ. Запечаталъ, и потомъ
 Я положилъ его туда, откуда взялъ
 Я настоящее. . Никто и не замѣтилъ
 Подмѣна этого. На завтра была нашъ бой.
 И знаешь ты, какъ я попалъ сюда.

Горацио. И такъ они погибли?

Гамлетъ. Непремѣнно!

Они некали сами порученья,
 И смерть ихъ, совѣтъ мнѣ не мало не тревожить.
 Для подчиненнаго опасно попадаться
 Между мечей разгнѣванныхъ владыкъ!

Горацио. Что за король, о Боже всемогущій!

Гамлетъ. Не правда ли, обязанность моя

Теперь ясна какъ день. Того кто умертвлялъ
 Отца, и мать мою позорно обезчестилъ,
 Кто сталъ межъ мной и выборомъ народа,
 Кто воровскія стѣи мнѣ разставилъ,
 — Не долженъ ли и наказать его,
 И не было ль бы страшнымъ преступленьемъ
 Оставить эту язву и проказу.

Здоровыхъ тѣло гнусно заражать?

Горацио. Но онъ узнаетъ скоро всю развязку

Подмѣна вашего. Изъ Англіи его,

Навѣрное, уведомить объ этомъ.

Гамлетъ. Пусть скоро узнаетъ. Все время до того

Принадлежить вѣдь мнѣ, жизнь человека
 Превращена вѣдь можетъ быть скорѣй,
 Чѣмъ сосчитать до двухъ успѣемъ мы.

Но дорогой, Горацио, мнѣ жалко,
 Что я забылся съ Лазртомъ. Вѣдь я
 Самъ по себѣ отлично знаю, что
 Онъ долженъ чувствовать. Я дорожилъ всегда
 Его сочувствіемъ, но краснорѣчіе въ страданьи!—
 Вѣдь вотъ что возмутило душу мнѣ!

Горацио. Потихе, принцъ, идти!

(входитъ Озрикъ).

Озрикъ. Честь имѣю поздравить, ваше высочество, съ пріѣздомъ!

Гамлетъ. Благодарю васъ сэръ (къ Горацио). Ты знаешь это на-
 сѣкомое?

Горацио. Нѣтъ, ваше высочество!

Гамлетъ. Это дѣлаетъ тебѣ честь, потому что знакомство съ нимъ
 уже пятно на репутаціи человека. Онъ владѣлецъ мно-
 гихъ плодородныхъ земель... Достаточно, чтобъ глупое
 животное распоряжалось другими, ему подобными, и ужъ
 навѣрное ему найдется корякъ въ королевскихъ ясляхъ.
 Онъ глупъ, но за то владѣлецъ огромнаго пространства
 грязи.

Озрикъ. Ваше высочество! Если это не беспокоитъ ваше высо-

чество, я имѣю передать вашему высочеству нѣчто отъ его величества.

Гамлетъ. Къ вашимъ услугамъ! Только предварительно употребите по назначенію вашу шляпу, она, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно назначается для головы!

Озрикъ. Благодарю васъ, ваше высочество, но здѣсь такъ жарко!
Гамлетъ. Откуда вы что взяли? Напротивъ, очень холодно! Вѣтеръ съ сѣвера.

Озрикъ. Дѣйствительно, принцъ, порядочно холодно.

Гамлетъ. Не знаю, можетъ быть это слѣдствіе особеннаго расположения, но мнѣ кажется страшно жарко!

Озрикъ. А.... да, да, ваше высочество, жарко, очень жарко, — такъ жарко, что... я и сказать не умѣю.... Ваше высочество, видите ли, его величество поручилъ мнѣ сказать вашему высочеству, что онъ держитъ закладъ, и довольно важный, на счетъ вашего высочества. Дѣло въ томъ...

Гамлетъ (*перебизая и показывая, чтобы онъ надѣлъ шляпу*). Сдѣлайте милость!

Озрикъ. Нѣтъ, право, ваше высочество, мнѣ такъ спокойно! Извольте видѣть въ чемъ дѣло; ко двору пріѣхалъ рѣдкостный вельможа, Лазртъ, одаренный самыми возвышенными качествами, пріятный въ обществѣ и красавецъ собой... Однимъ словомъ, для того, чтобы говорить объ немъ по достоинству, должно сказать, что онъ образецъ и справочная книга всѣхъ порядочныхъ людей, потому что въ немъ соединены всѣ качества, какихъ можетъ пожелать себѣ вельможа.

Гамлетъ. Онъ, вѣроятно, не пожалуется на сдѣланный вами портретъ, но не смотря на это, я убѣжденъ, что арифметика памяти запутается, желая сдѣлать исчисленіе его достоинства, и не смотря на это, все еще не воздастъ ему должной справедливости. Во всякомъ случаѣ, и говоря только одну правду, я считаю его за высоко-порядочнаго челоуѣка, достоинства котораго такъ рѣдки, что, и это я говорю совершенно откровенно, отыскать его подобіе можно только въ зеркалѣ, въ которое онъ смотрится, и что поощражатели его, только тѣнь этого совершенства.

Озрикъ. Вы оцѣнили его по достоинству, ваше высочество!

Гамлетъ. Но въ чемъ же дѣло, сударь? Зачѣмъ одѣваемъ мы этого вельможу грубою тканью нашей похвалы.

Озрикъ (*не понимая*). Принцъ...

Горацио. Что? не понимаете? Какъ же вы это собственнаго языка не узнаете?

Гамлетъ. Иначе сказать, для чего мы понижаемъ его имя?

Озрикъ. То есть имя Лазрта?...

Горацио. Опустѣлъ кошелекъ, золото словъ все растрчено!

Гамлетъ. Да! Лазрта!

Озрикъ. Я знаю, ваше высочество, что вы не находитесь въ невѣжествѣ...

Гамлетъ. Очень радъ что знаете, хоть это еще ровно ничего не доказываетъ. Ну-съ, дальше!

Озрикъ. Что вы не находитесь въ невѣжествѣ относительно искусства Лазрта.

Гамлетъ. Ну, за это я не поручусь, это было бы слишкомъ смѣло; мало ли какія за нимъ искусства, можетъ быть, водятся...

Озрикъ. Я хочу сказать относительно его искусства управлять оружіемъ, въ этомъ отношеніи онъ, говорятъ, не имѣетъ себѣ подобнаго.

Гамлетъ. А какимъ именно оружіемъ?

Озрикъ. Шпагою и кинжаломъ!

Гамлетъ. Въ такомъ случаѣ, для вѣщей точности, нужно было прибавить «оружіемъ разнаго рода»; вѣдь шпага и кинжалъ не одно и то же, но продолжайте!

Озрикъ. Ваше высочество! Его величество прозакладовалъ шесть арабскихъ жеребцовъ, какъ я слышалъ, противъ шести французскихъ шпагъ съ принадлежностями... Три изъ этихъ принадлежностей удивительно изящны и достойны рукоятки, а самъ ихъ видѣлъ: прелестныя, превосходно отдѣланныя принадлежности!

Гамлетъ. Что вы тутъ толкуете о принадлежностяхъ?

Горацио. Я зналъ, что еще понадобится комментаріи!

Озрикъ. Принадлежности... это принцъ — перевязи.

Гамлетъ. Выраженіе это было бы хорошо, еслибъ мы носили вмѣсто шпагъ пушки, а до тѣхъ поръ лучше сохранить названіе перевязей! Но ничего! Продолжайте.... Шесть

арабскихъ жеребцовъ противъ шести французскихъ шнагъ съ принадлежностями, въ числѣ которыхъ три щегольскія перевязи, — французскій залогъ противъ датскаго. А о чемъ закладъ?

Озрикъ. Король держитъ пари, что изъ двѣнадцати ударовъ между вами и Лазртомъ, онъ не нанесетъ вамъ болѣе трехъ. Лазръ же говоритъ что дастъ девять. Споръ хотѣтъ рѣшить немедленно, если вашему высочеству угодно будетъ дать отвѣтъ.

Гамлетъ. А если я отвѣчу отказомъ, тогда что?

Озрикъ. То есть я хотѣлъ сказать, если вашему высочеству угодно будетъ согласиться.

Гамлетъ. Я гуляю въ этой залѣ. Это время, которое я посвящаю обыкновенно какомунибудь тѣлесному упражненію, и потому къ услугамъ его величества. Пусть принесутъ шнаги, и если Лазръ согласенъ, и король желаетъ, я выиграю ему пари, если могу. Если же нѣтъ—стыдъ и уда-ры за мною!

Озрикъ. Такъ и прикажете отвѣчать?

Гамлетъ. То есть въ этомъ смыслѣ, а украсить можете по своему усмотрѣнію.

Озрикъ. Поручаю себя расположенію вашего высочества,
(*уходитъ*).

Гамлетъ. Къ вашимъ услугамъ! Онъ хорошо дѣлаетъ, что самъ поручаетъ себя расположенію, ужъ конечно другой не рискнетъ на это.

Горацио. Улетѣлъ еще не оперившійся птенчикъ!

Гамлетъ. Онъ еще когда былъ у груди, говорилъ комплименты кормилицѣ, прежде чѣмъ начинать сосать! Много такихъ на свѣтѣ! Невѣжи считаютъ ихъ образованными людьми, и для этого достаточно схватить тонъ и манеры, которыя въ модѣ; съ помощью этихъ битыхъ сливокъ, они выдвигаются впередъ; но испытайте ихъ и найдете, что все это мыльные пузыри!

(*входитъ Придворный*).

Придворный. Ваше высочество! на принесенный отъ васъ Орикомъ отвѣтъ, государь, посылаетъ узнать, остаетесь ли

вы при принятомъ намѣреніи, или угодно вамъ отложить бой до завтра.

Гамлетъ. Я остаюсь при своемъ намѣреніи, и готовъ къ услугамъ короля. Если онъ готовъ—я тоже, теперь или когда угодно, если только буду въ такомъ же хорошемъ расположеніи духа какъ теперь.

Придворный. Король, королева и весь дворъ придутъ сейчасъ сюда.

Гамлетъ. Милости просимъ!

Придворный. Принцъ! Королева желаетъ, чтобы вы до поединка сказали нѣсколько ласковыхъ словъ Лазрту.

Гамлетъ. Совѣтъ хорошъ, и я исполню его.

(*Придворный уходитъ*).

Горацио. Вы проиграете, принцъ.

Гамлетъ. Не думаю; вѣдь я тоже упражнялся за это время, я выиграю закладъ. Но ты не можешь себѣ представить, какъ вдругъ мнѣ стало грустно и тяжело. Впрочемъ, это все вздоръ.

Горацио. Нѣтъ, принцъ!

Гамлетъ. Ребячество, глупое предчувствіе и болѣе ничего, предчувствіе, которое въ состояніи смутить развѣ только женщину!

Горацио. Но если вы чувствуете малѣйшее отвращеніе отъ этого поединка, послушайте его, принцъ. Я скажу сейчасъ, что вы нездоровы.

Гамлетъ. Полно, не нужно! я смѣюсь надъ предчувствіями! Безъ воли Бога и птица не умретъ! Если мой часъ наступилъ, его не минуешь. Теперь или позже, не все ли равно? Главное нужно быть готовымъ. Вѣдь послѣ смерти мы не будемъ жалѣть оставленнаго, такъ что же хлопотать о томъ, когда наступитъ нашъ часъ!

(*Входятъ Король, Королева, Лазръ, Озрикъ, вельможи, и слуги, несущіе оружіе*).

Король. (*кладетъ руку Лазрта въ руку Гамлета*) Ты примешь эту руку, Гамлетъ, отъ меня?

Гамлетъ. (*пожимая руку Лазрта*). Прости меня, Лазръ! Тебя я оскорбилъ,

Но ты какъ дворянинъ забудешь оскорбленіе!...

Извѣстно всѣмъ, и знаешь ты и самъ,
 Что я въ умѣ помѣшанъ. Если я
 Чѣмъ оскорбилъ твою: честь, совѣсть или печаль,
 Я сдѣлалъ это, объявляю громко,
 Въ припадкѣ сумасшествія. Не Гамлетъ,
 Лазрта оскорбилъ — безуміе Гамлета!
 Когда онъ вышелъ изъ себя, и въ этомъ
 Несчастномъ положеніи оскорбилъ
 Лазрта, Гамлетъ не виновенъ въ этомъ!
 И отрекается торжественно, при всѣхъ,
 При всемъ собраніи, отъ такой обиды
 И увѣряетъ, что въ душѣ онъ не имѣлъ
 Дурнаго умысла, — меня простишь ты, вѣрно,
 Повѣривъ, что стрѣлу чрезъ стѣну я пустилъ
 И самъ не зная, ею ранилъ брата!

Лазрть. Доволенъ я, моя спокойная совѣсть,
 А въ этомъ случаѣ, она всего сильнѣй
 Меня ко мщенью призывала. Но законы чести
 Меня теперь невольно заставляютъ,
 Отъ примиренья отказаться до тѣхъ поръ,
 Пока собраніе судей достопочтенныхъ
 Рѣшитъ, что честь моя очищена теперь.
 Но въ ожиданіи, я принимаю руку
 И дружеское извиненіе ваше, принцъ.

Гамлетъ. Я съ благодарностью уступку принимаю
 И клятвой страшною тебя я заверю,
 Что въ поединкѣ нашемъ, тѣмъ злобы
 Не будетъ. Дайте шпаги намъ. За дѣло!

*(Король и Королева садится на тронъ,
 со стороны короля на помостъ сто-
 ятъ столъ, судьи поединка распола-
 гаются на лѣво).*

Лазрть. Подайте шпагу мнѣ!

Гамлетъ. Я для тебя, Лазрть,
 Лишь буду выставкой простой, и неумѣне
 Мое еще твое искусство возвеличить,
 Какъ почтѣ темноты усиливаетъ блескъ
 Звѣздъ многочисленныхъ на тверди безконечной.

Лазрть. Смѣетесь, принцъ, вы надо мною.

Гамлетъ. Нѣтъ.

Я правду говорю.

Король. Подайте шпаги имъ.

Закладъ тебѣ извѣстенъ, Гамлетъ?

Гамлетъ. Да!

Вы за слабѣйшаго стойте.

Король. Совсе нѣтъ!

Увѣренъ я въ твоемъ искусствѣ, я видалъ

Обоихъ въ дѣлѣ васъ. Но такъ какъ онъ теперь

Еще дерется лучше, я хотѣлъ,

Чтобъ уступилъ тебѣ онъ нѣсколько ударовъ.

Лазрть *(взявъ шпагу)*. Нѣтъ, шпага тяжела, подайте мнѣ дру-
 гую.

Гамлетъ. Мнѣ эта по рукѣ. Онъ одной длины?

Озрикъ. Такъ точно, государь.

Король. Вина на столъ поставьте!

Коль Гамлетъ первый нанесетъ ударъ

Или второй, или третій отобьетъ,

Пусть пушки всѣ стрѣляютъ на стѣнахъ.

Король за улучшение здоровья

Гамлета будетъ пить, и въ чашу онъ опуститъ

Перлъ драгоценнѣйшій, чѣмъ тотъ, что украшаетъ

Вѣнецъ нашъ королевскій столько лѣтъ.

Подайте кубки! Пусть литавры трубамъ,

А трубы батареямъ, батареямъ жъ

Самому небу, а оно землѣ

Извѣстье понесутъ, что пьетъ король здоровье

Гамлета дорогаго. Начинайте.

—Вы судьи, будьте и внимательны и строги.

Гамлетъ. Начнемъ, Лазрть.

Лазрть. Начнемъ, Гамлетъ, пожалуй!

(дерутся).

Гамлетъ *(наноситъ ударъ)*. Разъ!

Лазрть. Нѣтъ!

Гамлетъ.

Пусть судьи порѣшатъ.

Озрикъ.

Конечно!

Гамлетъ попалъ!

Лазрть. Прекрасно, продолжайте!

Король. Пойдите! дайте мнѣ вино. Гамлетъ

Вотъ перлъ тебѣ, нью за твоё здоровье,

Подайте принцу кубокъ

*(вмѣсто перла бросаетъ въ кубокъ
ядъ. Трубы и выстрѣлы).*

Гамлетъ. Нѣтъ еще!

Потомъ, я послѣ выпью, продолжай!

(дерутся).

Еще ударъ! Не правда ли.

Лазрть. Да, правда.

Я сознаю охотно.

Король. Нашъ закладъ!

Королева. Онъ слишкомъ толстъ, и у него одышка.

Вотъ Гамлетъ, мой платокъ, утри себѣ лицо,

Я нью за твой успѣхъ и выигрышъ заклада

(беретъ отравленный кубокъ).

Гамлетъ *(подходитъ къ матери и взявъ платокъ вытираетъ лицо, потомъ возвращается его).*

Благодарю васъ!

Король *(удерживая королеву, которая хочетъ пить).*

Нѣтъ, не пей

Прошу тебя не пей, Гертруда!

Королева. Отчего же?

Вы мнѣ позволите...

(пѣетъ).

Король *(въ сторону).* Отрава въ кубкѣ! Поздно!

Гамлетъ. Не смѣю я покуда пить.... Потомъ!...

Королева. Позволь еще лице твоё мнѣ обтереть.

(Гамлетъ подходитъ къ ней).

Лазрть *(подходитъ со стороны короля).* Онъ будетъ раненъ!

Король. Нѣтъ, я не думаю.

Лазрть *(въ сторону).* А все же

Какъ будто совѣтъ мнѣ мѣшаетъ.

Гамлетъ *(возвращаясь).*

Ну Лазрть!

Давай-ка въ третій разъ, ты слишкомъ ужъ небрежешь

Не все искусство ты пускаешь въ ходъ,

Ребенкомъ, кажется, меня считать ты вздумалъ!

Лазрть. Вы думаете? Защищайтесь!

(дерутся).

Озрикъ.

Нѣтъ удара!

Лазрть. Такъ будетъ!

*(онъ ранитъ Гамлета, потомъ у нихъ
выпадаютъ шпаги, и они, поднимая
ихъ, мнѣются, не замѣтивъ этого
сгоряча, вслѣдъ за этимъ Гамлетъ
ранитъ Лазртя).*

Король.

Разлучите ихъ, довольно!

Гамлетъ. Нѣтъ, будемъ продолжать!

(Королева опускается на тронъ).

Озрикъ.

На помощь королевѣ,

Ей дурно!

Гораций *(подбѣгая къ дерущимся).* Кровь течетъ у нихъ обоимъ!

Что съ вами, государь?

Озрикъ.

Что сдѣлалось, Лазрть?

Лазрть *(шатаясь).* Въ свои же сѣти, Озрикъ, я попалъ

И умираю здѣсь достойной жертвой

За низкую измѣну!

Гамлетъ *(подбѣгая къ трону).* Что такое съ королевой?

Король. Она при видѣ крови испугалась!

Королева *(едва говоря).* Нѣтъ! кубокъ! кубокъ! — Гамлетъ, въ
кубкѣ ядъ,

(умираетъ).

Гамлетъ *(сбѣгая съ трона).* О, страшное убійство! Затворите

Всѣ двери, отыскать немедленно убійцу!

Лазрть *(падаетъ).* Убійца здѣсь, Гамлетъ, передъ тобою!

Ты раненъ на смерть, жить тебѣ осталось

Не больше получаса, не спасетъ

Тебя ничто! Въ твоей рукѣ оружье;

Оно заострено, конецъ его отравленъ,

Я гибну самъ моей измѣны жертвой...

Ядь погубилъ и королеву... не могу

Я больше говорить... король... король... все... сдѣлалъ!

Гамлетъ. А! шлага съ ядомъ, говоришь ты! Ну, такъ ядь

Исполни назначеніе свое!

(Онъ вбѣгаетъ на тронъ и колетъ короля).

Озрикъ и Придворные.

Измѣна!

Къ оружію! Измѣна!

Король *(отбиваясь отъ Гамлета)*. О, помогите мнѣ, друзья мои.

Я только раненъ, помогите, ради Бога!

Гамлетъ *(схвативъ со стола кубокъ съ остаткомъ яда и заставляя короля его выпить)*.

Кровосмѣститель и братоубійца гнустный,

Глотай заздравный кубокъ, что? нашелъ

Свой драгоценный перлъ? Умри, злодѣй проклятый!

(Король умираетъ, Гамлетъ сталкиваетъ тѣло съ трона; оно катится по ступенямъ внизъ, корона съ него падаетъ къ подножію трона).

Лазертъ. Онъ заслужилъ такую участь... Ядь

Его рукою приготовленъ былъ...

Простимъ другъ другу, благородный Гамлетъ,

Пусть смерть моя, и моего отца

Не тяготятъ тебя, какъ и меня твою!

(умираетъ.)

Гамлетъ. Господь тебя проститъ! Я за тобой иду!

Гораціо! я умираю, королева

Несчастная, прости

(шатаясь, входитъ на тронъ и становится на коленъ передъ тѣломъ матери).

Вы, видѣвшіе все

Со страхомъ, съ блѣдностью смущеннаго лица,

Нѣмые зрители ужаснаго злодѣйства,

Когда бъ имѣлъ я время, еслибъ смерть,

Тюремщикъ страшный, не влекла меня

Такъ безпощадно въ вѣчную темницу,

Я бъ разсказалъ вамъ,—но оставимъ это...

Гораціо.... я умираю, ты же живъ,

Такъ оправдай меня, и объясни мнѣ правду!

Гораціо *(хватая со стола кубокъ)*. Нѣтъ, этого не будетъ никогда,

Я Римлянинъ душой, хотя Датчанинъ тѣломъ,

Осталось яду въ этомъ кубкѣ!

Гамлетъ *(вырывая его)*.

Стой!

Коли ты мужъ, подай мнѣ этотъ кубокъ!

Отдай, я говорю. О милый, мой Гораціо!

Какое по себѣ запятнанное имя

Оставить долженъ я, коль правды не узнаютъ!

Коль въ сердцѣ я твоемъ въ былыя времена

Хоть небольшое мѣсто занималъ,

Отсрочъ немного часъ блаженной смерти,

Рѣшисъ еще влачить ужасной жизни гнѣть,

Чтобъ разсказать исторію мою.

(вдали слышны звуки трубъ и пальба).

Откуда эти воинскіе звуки?

Озрикъ. То Фортибрасъ, вернувшись съ победы

Надъ Польшей, онъ приветствуетъ пріѣздъ

Посланниковъ британскихъ.

Гамлетъ.

Умираю...

Осиляя ядь меня, и не успѣю я

Извѣстіе изъ Англіи услышать.

Но я предвижу, что при выборѣ монарха,

За Фортибраса будетъ весь народъ.

Мой голосъ, за него я также подаю,

Скажи ему о томъ и возвѣсти народу

Причины, побудившія меня

На это, а о прочемъ... ни подслова!

(умираетъ у ногъ матери).

Гораціо. И такъ разбилося ангельское сердце!

Прощай, мой принцъ, пусть ангелы твоей сонѣ

Своею пѣсню святою услаждаютъ.

Но что за звуки трубъ и барабановъ?

(Воинскій маршъ. Входятъ Фортиб-

брасъ, англійскіе посланники, народъ и войско).

Фортивбрасъ. Что вижу я!

Горацио. Что хочешь видѣть ты?

Неслыханное горе, страшную бѣду?

Такъ дальше не ищи, они передъ глазами!

Фортивбрасъ. Какое страшное побойще! О смерть, Какой ты пиръ себѣ готовишь нынѣ,

Что столько царственныхъ головъ ты погубила!

1-й посланникъ. Да, зрѣлище ужасное! И мы

Съ бумагами своими опоздали.

Не можете слышать насъ, тотъ, для кого везли

Мы извѣщеніе объ исполненномъ приказѣ:

О смерти Гильденстерна, Розенкранца.

Кто наградитъ за трудъ насъ?

Горацио. Ужъ не онъ,

Хотябъ и живъ онъ былъ! Онъ никогда приказа

О смерти ихъ не отдавалъ. Но если

Вы собрались случайно здѣсь изъ Польши

И изъ далекой Англіи, какъ будто

Лишь для того, что бы свидѣтелями быть

Ужасной той развязки, прикажите,

Чтобъ трупы эти выставлены были

Торжественно передъ народомъ. Я

Народу расскажу всю правду, какъ случилось.

Услышите вы страшный тутъ рассказъ,

Кровосмѣшенъе, гнусныя дѣянья

И промысла чудесныя открытѣя,

Невольныя убійства, смерть измѣной

И въ заключеніе, открытый заговоръ,

Обрушившійся тяжестью своею

На заговорщиковъ самихъ. Вотъ что

Изъ моего откроется рассказа.

Фортивбрасъ. Скорѣй же, поспѣшимъ мы выслушать рассказъ,

Пусть созовутъ для этого вельможъ...

Что до меня, я съ горестью встрѣчаю

Здѣсь даръ судьбы. Имѣю право я

Здѣсь на престолъ, и случай вдругъ открылся
Права тѣ предъявить.

Горацио.

Объ этомъ тоже я

Имѣю нѣчто вамъ сказать, и можете

Я помогу вамъ при избраньи вашемъ,

За васъ такой представа голосъ, на который

Все согласится. Но спѣшите, ради Бога,

Пока еще волнуются умы

И занятые страшнымъ тѣмъ событіемъ

Еще за козны не принялись покуда.

Фортивбрасъ. Пусть Гамлета четыре изъ вождей

Подымутъ на щитъ, какъ это и прилично

Герою. Онъ бы былъ достойнымъ королемъ,

Когда бы жилъ. Пусть музыка играетъ

И воинскія почести ему

Все воздаютъ. Берите трупы, этотъ страшный вѣдъ

Пригоденъ лишь бы былъ на полѣ брани,

А здѣсь невыносимъ онъ для меня...

Стрѣляйте пушки и звучите трубы!

(Похоронный маршъ, естъ выходятъ медленнымъ шагомъ, за сценою залятъ).

КОНЕЦЪ.